

Аида Богдан

Позднее счастье

В 17 лет юную Фаину изнасиловал взрослый мужчина, сын местного шишки и богатея. Мать, вместо того, чтобы поддержать, вынуждает девушку выйти замуж за насильника. Такого рода скандал на селе, означает быть ославленной и опороченной, это пятно ляжет и на остальных членов семьи. Положение усугубляется ещё и тем, что насильник грозит сжить со свету возлюбленного Фаи, а с его связями и возможностями, это вполне реально. Вдобавок ко всему, девушка узнаёт о своей беременности и вынуждена пойти наперекор себе.

Позднее счастье
Аида Богдан

Глава 1. Где-то там за пригорком

На поезд Фаина садилась одна, муж не знал, что она собралась в поездку, телеграмму принесли в его отсутствие. Да и находишься он дома, что бы это изменило? Только был бы лишней повод для скандала. Хотя, уж к чему, к чему, а к этому им было не привыкать.

В последнее время супруг Фаи всё чаще задерживался с работы, а иногда и ночевал вне дома. Это означало, что он нашёл себе новую пассию и на какое-то время снова оставит жену в покое, дав ей временную передышку.

Прошло уже 20 лет их брака, в котором несчастливы были оба, но Николай был верен своему слову и не отпускал её от себя, не соглашаясь на развод. Он хорошо знал, как манипулировать сознанием жены.

Когда Фаина в первый раз заикнулась об уходе, муж пригрозил расправиться не только с ней, но и с Дмитрием, их единственным сыном. Она знала, что Николай вовсе не шутит и говорит на полном серьёзе:

— Файка, только попробуй уйти от меня, ходи потом, да оглядывайся.

— Да что ты мне сделаешь, ирод? Нешто думаешь, что я тебя боюсь?

— Не боишься, говоришь? Ну хорошо, тогда тебя не трону, а вот Митьку убью, удавлю, как щенка. Как тебе такой расклад?

— Тебя посадят, сгниёшь в тюрьме.

— Ничего, отсижу и выйду. А вот тебе без сына даже жизнь будет не мила. А сдохнешь, я тебя из под земли достану. Так что, любимая, хорошенько подумай, прежде чем подавать на развод.

Под перестук колёс очень хорошо думается, можно сколько угодно размышлять, вспоминая о прошлом. Особенно хорошо это удаётся ночью, когда все попутчики уже утомонились и крепко спят, каждый на своём месте.

Одни долго ворочаются, прежде чем уснуть, другие засыпают, едва склонив голову на подушку, среди них есть и такие, что сразу же начинают храпеть, превращая на ночь жизнь своих соседей в ад.

Фаина не могла спать в поездах, поэтому просто ждала утра, лёжа на верхней полке. В кассе нижних мест не оказалось, а ехать надо было обязательно, мать совсем слегла, во всяком случае так было сказано в той телеграмме.

Женщина родила четверых сыновей и троих дочерей, но на старости лет ухаживать за ней, кроме безотказной Фаи, было некому. Отец умер в одночасье 15 лет назад. Ни дня не болел, просто однажды лёг спать и не проснулся.

Во время похорон односельчане говорили о том, что это лёгкая смерть, о такой, мол, мечтает каждый. Мать так и не смогла до конца смириться с кончиной мужа, она всегда была уверена, что уйдёт первой.

За 30 лет совместной жизни Раиса и Андрей приросли друг к другу кожей и стали единым целым. Хотя, не всё было гладко между ними, всякое случалось, впрочем, как и в любой другой семье.

Отец в своё время пил и дебоширил, заставляя жену искать пятый угол. Он ревновал её по-чёрному, к каждому встречному и поперечному. Масла в огонь подливала золовка, жившая вдвоём с мужем через два дома.

Она возводила напраслину на Раису, выставляя её перед всеми в чёрном свете. Так

Зинаида мстила жене брата за то, что та рождает детей одного за другим, тогда как самой Зине Бог такой возможности не давал.

Андрей приходил от сестры и зятя мрачнее тучи, и почти всегда выпивши. Не успев войти в хату, он с порога начинал бушевать и крушить всё, что только попадалось ему под руку.

Рая молча хватала детей в охапку и одного за другим вытаскивала за дверь или в окно, куда уж придётся, а потом и сама вылетала из дому, растерзанная и простоволосая, порой босая и только в одной рубахе.

Пока она носилась по комнате, уворачиваясь от побоев мужа, тот успевал таки отвесить пару затрещин. Женщина пряталась с детьми в огороде, оттуда хотя бы можно было убежать, перемахнув через плетень.

Закрывать в бане она боялась, не дай Бог пьяный дурак подопрёт дверь и подожжёт, с него станется. Хорошо, если на улице было тепло, а вот зимой им приходилось туго. Возможно тогда Раиса и подхватила часть своих болячек, от которых стала страдать потом в старости.

Хотя, какая может быть старость в неполные 66 лет? Как бы там ни было, но без мужа Рае было плохо. Дети выросли, разлетелись, кто куда, свили свои гнёзда, нарожали детей, а в деревню к родной матери почти носа не кажут.

Только Фаюшка с детства была исключением, несмотря на то, что у самой жизнь была несчастливая, видно отработывала материнскую карму. Раиса всё простить себе не могла, что жизнь дочери была испорчена большей частью по её вине. Протяни она тогда родной кровиночке руку помощи, всё наверняка было бы по-другому.

Когда мать носила под сердцем Никитку, их младшенького, золовка пустила по деревне слух, якобы ребёнок нагулян от её мужа. Рае на тот момент было что-то около 40 лет.

Средней дочери Фаине исполнилось 12 и она очень хорошо помнила, как тётя Зина пришла к ним в дом и, вместо того, чтобы поздравить мать с новорожденным, орала так, что от звуков её голоса тряслись стены:

— Зачем ты его родила? Итак живёте впроголодь, а ты всё нищету плодишь, несёшься чуть ли не по два раза в год. Тебе же, как той курице, даже почесаться некогда.

— Зин, всё нормально, ты лучше посмотри, какой твой племяш получился хорошенький.

— Ты его ещё в зад поцелуй.

— А и поцелую, вот смотри. Ммм, как же вкусно, ты только попробуй, — смеялась Рая, тетёшкая мальчика.

— Была бы охота чужого младенца слюнявить. Ты вот отдай его мне, тогда и буду целовать во все места.

— Не говори ерунды, Зинаида. Ребёнок — это тебе не котёнок.

— Ну хочешь я его у тебя куплю?

— Шутишь что ли? Детьми не торгую.

— А вот и зря, глядишь из бедности бы выкарабкались. Бедный мой брат, пашет до седьмого пота, чтобы только прокормить всю эту ораву. Знать бы ещё, его ли это дети?

— Его конечно, чьи же ещё? Не болтай попусту, Зинаида. Садись лучше чай с нами пить, я пирог испекла, — на все обвинения золовки Раиса отвечала дружелюбно, не позволяя себе даже голоса на неё повесить.

Зато возмущению Фаины не было предела. Она единственная вступилась за мать. Два

старших брата ушли во двор, помогать отцу, тот, что помладше был увлечён чем-то своим, сёстры тоже безмолвствовали.

Одна Фая никогда не молчала, у неё было обострённое чувство справедливости. Подбоченившись, девочка топала ногами и наступала на родную тётку. Она так и норовила оттеснить злыдню к двери, приговаривая:

— Не кричи, а ну-ка, быстро уходи отсюда, ты злая. Не дай Бог у мамки молоко пропадёт, я тогда враз вашу хату спалю, так и знай.

— Глянь, Рай, как твоя змеища вылупилась, смотрит на меня, как на врага народа, да ещё и угрожать смеет. Ишь ты, дрянь, буркалы свои выкатила и зыркает. Ты мне давай зенками своими не сверкай, сопля ещё. Вот расскажу всё отцу, он тебе всыплет по первое число, — отвечала тётка, а потом добавляла, поворачиваясь к жене брата:

— Вот Файка да, наша порода, признаю, вся в меня, свою тётушку. Ладно, давай свой пирог и чаю наливай, так уж и быть, попью.

— Фаюша, хватит воевать, иди лучше пригляди за Никитушкой, — мать ласково увещевала дочь, зная об её отходчивости.

Потом Раиса пила с золовкой чай, что называется до седьмого пота, пока молоко не прольётся. Тёмные соски набухали, молоко прибывало прямо на глазах и начинало сочиться сквозь тонкую ткань платья.

Это означало, что наступила пора кормления. Тогда мать всплескивала руками, подхватывалась с места и бежала в дальний угол комнаты, огороженный цветастой занавеской.

Этот небольшой закуток нёс в себе функции супружеской спальни, там размещалась большая железная кровать с шишечками и небольшая колыбель для новорожденного.

Зинаида завистливо смотрела на колыхающуюся занавеску, за которой сноха кормила сына грудью. Она всё ещё надеялась когда-нибудь испытать радость материнства и всё с этим связанное.

Фаина в это время присматривала за склочной тёткой и следила за тем, чтобы той не вздумалось снова затеять перебранку. От Зинаиды зависел мир и лад в их семье. Было совершенно непонятно, почему мать раз и навсегда не закроет тётке Зинке вход в их дом.

Всё и вся было подчинено настроению этой своеобразной, если не назвать как-нибудь хлеще, женщине. Раиса всегда оглядывалась на то, что скажут люди. Не дай Бог кто-то косо посмотрит в их сторону и об этом станет известно Зинаиде, тогда пиши пропало.

Когда с Фаей случилась беда, мать заботило только одно, чтобы об этом никто не узнал, в особенности муж и золовка. Она хотела прикрыть срам и только поэтому не вступилась за дочь, предпочтя закрыть глаза на страшное преступление.

А Николаю только того и надо было, уже на следующий день он заслал сватов и получил согласие родителей Фаины. Отец так никогда и не узнал, что зять подкараулил и изнасиловал его семнадцатилетнюю дочь.

Никто в деревне даже не задумался, с чего это вдруг совсем юная девчонка согласилась выйти за взрослого мужчину, старше неё на целых 12 лет. Им казалось, что всё просто, Николай Богачёв был сыном председателя сельсовета, их семья всегда была зажиточной, под стать своей фамилии.

Поезд прибыл точно по расписанию. Сойдя с последнего вагона, Фаина, скорее по привычке, стала озираться по сторонам в поисках того, кто мог бы помочь ей с двумя тяжёлыми сумками, но помощников не наблюдалось даже в радиусе нескольких километров.

Пришлось волочить всё на себе, благо идти до автобусной станции было недалеко. Она купила билет и уже через час села в автобус до деревни. Старый пыльный Пазик еле тащился по плохо асфальтированной дороге.

Помимо Фаи, в салоне сидело несколько односельчан — двое мужчин, три женщины и один подросток, все хорошо друг друга знали. Наконец, часа через полтора, показался пригорок, за которым живописно раскинулась большая деревня, разделённая рекой на две части.

Школа и медпункт располагались по эту сторону реки и тем, кто жил на другом берегу, приходилось несладко. Фаина прошла мимо деревенского Дома культуры, отгроханного совсем недавно на месте старого клуба, куда она бегала ещё девчонкой.

У них тогда только-только открыли театральный и танцевальный кружки, которые взялась вести молодая учительница музыки. Слух и голос у неё несомненно были, а вот танцевать или преподавать актёрское мастерство она не умела.

Зато Фая была прирождённой артисткой, а кроме того имела чувство ритма и такта. Она по несколько раз пересматривала все завезённые в клуб фильмы и по ним училась танцевать и петь.

Девочка с большим удовольствием помогала Татьяне Викторовне вести уроки. Уже через месяц упорных тренировок, учительница лихо отплясывала чечётку и благодарила за это Фаину, для которой занятия в клубных кружках стали своеобразной отдушиной от семейных проблем собственных родителей.

Вскоре у неё случилась и первая любовь с одним из деревенских парней. Николай в то время тоже работал в клубе, крутил фильмы, ни на что другое он был непригоден. Тогда-то он и заметил юную, романтично настроенную Фаечку, влюблённую в другого. Но взрослого мужчину это не остановило.

Глава 2 Берёзовая роща

От Дома культуры Фаина шла, снова погружившись в тяжёлые воспоминания. Время от времени останавливалась, чтобы отдохнуть, а потом снова брала в руки тяжёлые сумки и шла дальше. Когда женщина проходила мимо небольшой берёзовой рощицы, сердце забило в груди сильнее.

Именно там она любила гулять со своим любимым, среди молоденьких берёз состоялось их первое объяснение в любви. Только тогда было лето, а сейчас стоит осень и подросшие деревья наряжены в золотую листву.

Возвращаясь обратно, водитель весело ей просигналил. Конечная остановка автобуса стояла около здания администрации. По сути, тот же сельсовет, только с другим названием.

Покойный свёкор успел поработать и там. Кто знает, не случись у него обширного инфаркта, может до сих пор так бы и пребывал у руля? Крепкий был дядька, но сердце его подвело. Свекровь после смерти мужа продала дом и переехала в город, поближе к детям.

На первых порах она жила с ними, пока, к явному облегчению своей жены, сын не купил ей квартиру. Отношения со свекрухой у Фаины с самого начала не задалась, собственно это была одна из причин, почему они перебрались в город.

Николай тогда был готов в лепёшку расшибиться, лишь бы угодить своей любимой Фаечке, родившей ему сына, спустя почти 9 месяцев после свадьбы. До родов жена пребывала в затяжной депрессии, а освободившись от бремени стала наконец оживать.

Он не мог надышаться на красавицу Фаину, решившую жить ради ребёнка. Она бежала к малышу по первому зову, только Николая по-прежнему тихо ненавидела, но он был муж и с этим обстоятельством приходилось считаться.

Долгое время Фая жила, как в тумане. Свадьбу сыграли быстро, и двух недель не прошло с того дня, как Николай подкараулил её в клубе. После занятий танцами девушка вернулась за забытыми туфлями, в которых было очень удобно отбивать чечётку.

— Девочки, подождите меня, я быстро, — крикнула она, ринувшись обратно в клуб.

— Сама дойдёшь, немаленькая, мне ещё корову доить, а то мать в жизни больше не отпустит, — крикнула одна из подружек.

Другие тоже не стали ждать. Стая молоденьких девчонок возвращалась домой по дороге, щебеча и распевая песни, тогда как Фаину постигла незавидная участь. Да пропади тогда эти туфли пропадом.

До вечернего сеанса было ещё полно времени, народу в клубе практически не было, во всяком случае никто не пришёл Фае на помощь, когда она громко кричала, яростно отбиваясь от насильника. Но тщетно, тому всё же удалось сделать своё чёрное дело.

Николай затолкал её к себе в каморку, где крутил фильмы. Соппротивление лишь подзадорило взрослого мужчину, он играючи скрутил девушке руки, но правда ни разу не ударил, а только в пылу борьбы порвал на ней платье и колготки.

Домой Фая вернулась в слезах и драной одежде, но по дороге никто ей не встретился, иначе сей факт не остался бы без внимания досужих сплетников. Уж они-то быстро бы разнесли интересную новость по всей деревне.

Мать была в ужасе от рассказа дочери, но молвы опасалась больше и поэтому приказала молчать, пока она что-нибудь не предпримет. Раиса сбегала в дом председателя сельсовета и устроила там скандал, в разгар которого вернулся Николай. В результате вечерний сеанс не

состоялся.

Всё закончилось сватовством, а потом скорой свадьбой. Родители практически вытолкали свою несовершеннолетнюю дочь во взрослую жизнь. На регистрации брака стояли довольный жених и бледная юная красавица невеста.

Со стороны это было больше похоже на ритуальное жертвоприношение, как будто не свадьба вовсе, а овцу привели на заклание. Фая тогда просто смирилась со своей участью.

Для парня с которым Фая встречалась на протяжении полугода, её согласие на брак стало большим ударом. Он не знал, сможет ли вообще когда-нибудь перенести такое предательство. А что она могла сделать? Николай пригрозил, что сживёт их обоих со свету.

Поначалу Илья никак не мог взять в толк, что случилось. Вчера ещё они с Фаиной говорили друг другу слова любви и строили планы на будущее, а уже сегодня она прячется от него и убегает, заприметив издали.

А вскоре прошёл слух, что Фая выходит замуж за этого недоумка, который работает скорее от скуки, чем по призванию. Ещё бы, зачем Николаю вообще трудиться, если у его отца денег куры не клюют?

Да там богатств на несколько поколений хватит, так что вполне завидный жених. Но как Фая могла на это пойти, она же всегда презирала Николая? Если бы только Илья знал, как всё обстояло на самом деле, он бы голову свернул насильнику или покалечил бы его и сел в тюрьму.

Вот этого Фаина боялась больше всего и никак не могла допустить. Уж при связях председателя сельсовета никто бы не стал разбираться, как всё происходило на самом деле. Кроме того, девушке было стыдно признаться в том что случилось, она считала себя испачканной на всю жизнь.

Наверняка любимый закроет на это глаза и они поженятся, но кто знает, что случится потом, а вдруг настанет такой день, когда он её упрекнёт? Ничего, Илья ещё встретит свою судьбу, чистую и непорочную девушку.

Парень всё же смог поговорить с Фаиной, когда она возвращалась домой из школы, но так и не добился хоть сколько-нибудь вразумительных ответов на свои вопросы. Девушка шарахалась в сторону и снова хотела убежать, но он крепко схватил её за руку.

— Ну, уж нет, хочешь ты того или нет, но я не отпущу тебя, пока всё не объяснишь.

— Что непонятно, каких объяснений ты ждёшь? Оставь меня в покое, я выхожу замуж. — твердила Фая, как заведённая, пятясь от Ильи назад, когда тот попытался её обнять.

— Ты же говорила, что любишь меня? Выходит всё это время врал? Неужто ты купилась на богатства своего нового ухажёра?

— Да, купилась. Он не чета тебе нищелюду, кольцо мне дорогое подарил.

— Всё с тобой ясно, дешёвка. Раз так, катись к этому старпёру. То-то он в первую брачную ночь удивится, что его невеста уже не девочка. Зря ты не подумала о последствиях, когда со мной переспала. А я ведь, как честный человек, хотел на тебе жениться.

— Спасибо, не надо, обойдусь как-нибудь. Тем более, что Коленька уже обо всём знает.

— Так ты уже и с ним спала? Тьфу ты, подстилка, — Илья поморщился, сплюнув себе под ноги, и пошёл своей дорогой.

После свадьбы Фаины он насовсем уехал из деревни и больше она ничего о нём не слышала. Родители Ильи вскорости снялись с насиженного места и перебрались поближе к сыну.

Первое время после свадьбы Фая всерьёз подумывала о том, чтобы наложить на себя руки, особенно по ночам, после теперь уже законных притязаний мужа на её тело, хотя по сути, это оставалось всё тем же насилием.

Сил на то, чтобы бороться со здоровым мужиком и противостоять ему у молодой женщины попросту не было. Потом она узнала о беременности и впала в ещё большую депрессию, а ожила только после родов. Ребёнок стал для неё отдушиной. Фая даже не заметила, как быстро он вырос.

Когда Дмитрия призвали в армию, она с облегчением выдохнула. Наконец-то можно было не опасаться за жизнь сына. Николай тихо ненавидел его всеми фибрами души, но старался этого не показывать.

Он никак не мог простить, что Димка был не от него, хотя поначалу очень на это надеялся. Мальчик с рождения был похож на мать, а потом перерос и стал вылитый Илья. После этого Фая перестала приезжать в деревню, опасаясь разговоров.

Она стала снова навещать мать только в последние два года, после того, как сына призвали на военную службу. Ездила без мужа, давая тому ещё один повод для ревности. Вот и на этот раз приехала одна.

Время было обеденное и на дверях магазина висел амбарный замок. Фая ничуть не расстроилась, поскольку не собиралась ничего покупать, в двух тяжёлых сумках и без того лежало множество гостинцев для матери, друзей и соседей.

Всё-таки из города едет, там и ассортимент товаров другой, и снабжение лучше, чем в деревне. К этому с детства приучила мама. Когда она собиралась к кому-нибудь в гости, то всегда говорила, что нельзя идти с пустыми руками, хоть буханку хлеба, но захвати.

Фаина чётко это усвоила и всегда брала с собой гостинцы, когда шла к друзьям или ездила в гости к сёстрам и братьям. Единственно кому она ничего не привозила, так это тётке Зинке, которую по-прежнему не переносила на дух.

Раиса, уже после отъезда дочери, передавала часть гостинцев золовке, якобы Фае некогда было зайти самой. С годами характер Зинаиды ничуть не улучшился, муж умер, так и не дождавшись детей.

Принимая от снохи подарки, она молча поджимала губы, поскольку была прекрасно осведомлена о нелюбви племянницы. Вот и на этот раз Фаина даже не подумала о том, чтобы хоть что-то купить родной тётке, по сути сломавшей им всем жизнь.

Женщина направилась в сторону родительского дома, стоявшего неподалёку, и подошла к воротам, уверенная, что хлопочущая по хозяйству мать уже приметит её из окошка кухни и вот-вот выйдет навстречу.

Но калитка оставалась закрытой, значит всё гораздо серьёзнее, матери действительно стало хуже. Раиса страдала целым букетом болезней: ишемией, гипертонией и всем, что к этому прилагалось. Фая дёрнула засов и вошла во двор.

По огороду сновали неугомонные куры, это была единственная оставшаяся живность, не считая чёрного пса Тузика, что сидел в будке на цепи, и облезлой кошки Муськи, греющей свои кости на старой завалинке.

Фая поднялась по ступенькам деревянного крыльца и переступила порог родительского дома. На неё сразу же пахнуло до боли знакомыми и родными запахами непростого детства. Несмотря на определённые трудности и явную нужду, она искренне считала то время самым лучшим.

Мать лежала на кровати, рядом стоял стул со множеством лекарств и микстур. Она

услышала стук калитки, но так и не смогла встать с постели, а лежала вся в нетерпении и ожидании, повернув голову к двери.

Когда женщина увидела, кто зашёл в комнату, уголки её рта задрожали, а на глаза набежали слёзы. Фаюшка приехала, а значит всё непременно будет хорошо, под умелыми руками дочери болезнь мигом отступит.

Глава 3. Родные места

Несмотря на трудности и тяготы бытия, у каждого из нас есть то, ради чего стоит жить. Фаина жила ради ребёнка, но помимо своей материнской привязанности, умела находить и другие поводы для радости.

После переезда в город она долгое время сидела дома и занималась сыном, хотя, с большим удовольствием пошла бы учиться или вышла бы на работу, но муж не хотел ничего слышать и всё время повторял, что сам в состоянии прокормить свою семью.

Благодаря связям отца, Николай устроился в городскую администрацию, на престижную должность, где в основном перебирал бумажки, или иначе говоря, перекладывал их с места на место. Получал он за свою кипучую деятельность, вернее за создание её видимости, довольно прилично.

Хотя, их семья и без того никогда не нуждалась в деньгах, но в то время тунеядство преследовалось по закону и Николай был вынужден работать, хотя бы для того, чтобы избежать ненужных кривотолков.

Так же, как это было в деревне, когда он вначале для галочки пошёл работать в клуб, а потом и сам не заметил, как втянулся в процесс. Отец мог бы запросто устроить его в сельсовет, но Николай не захотел.

Пусть не по призванию или велению долга, но работа киномеханика была ему по сердцу. Благодаря просмотру различных фильмов он расширил кругозор и при случае мог легко козырнуть своими знаниями.

Бонусом к этому служило то, что в клубе часто появлялась Фаина, которую Николай заприметил, как только она стала посещать оба кружка, театральный и танцевальный. С того момента мужчина потерял покой и сон.

Это была даже не влюблённость, а скорее маниакальная страсть или одержимость. Он знал многих женщин, но ни одна из них так и не стала той самой единственной, ради которой можно было поступиться своей свободой и независимостью.

Дожив до 30 лет, Николай наконец влюбился по-настоящему, да так сильно, что захотел жениться, и ради этого был готов покончить со своими предыдущими отношениями. Он хотел заслат в дом родителей девушки сватов, но не рискнул, боясь быть поднятым ею на смех.

Потом вокруг Фаины стал увиваться Илья и она сразу же ответила ему взаимностью. Парочка с тех пор была неразлучна, благодаря чему шансы Николая жениться практически равнялись нулю.

Так продолжалось ровно до тех пор, пока он не скрутил строптивую девчонку в бараний рог и не изнасиловал. Факт того, что она не была девственницей, хоть и опечалил Николая, но не изменил его намерений.

Для того, чтобы свадьба точно состоялась, пришлось прибегнуть к шантажу, он пригрозил, что расправится с Ильёй. Потом Николай не раз будет пользоваться этим проверенным способом, только чтобы не дать жене уйти.

Фаина так и не узнала, что у Николая была любовная связь с Татьяной Викторовной, преподававшей в школе музыку и по совместительству руководящей танцевальным и театральным кружками в клубе.

Молодая учительница никогда не распространялась о личном, но резко изменила своё

отношение к лучшей участнице творческого коллектива, как только стало известно о том, что она дала согласие выйти за Николая.

Правда сама Фаина этого не заметила, просто после случившегося ей было уже не до занятий танцами. Она вышла замуж и вскоре после этого сдала выпускные экзамены, получила аттестат об окончании школы и уже после родов уехала из деревни вместе с мужем и сыном.

В городе всё было по-другому, соседи друг с другом не знали и, что удивительно, даже не здоровались. Кроме того, Фае не хватало общения со сверстниками, вся её жизнь была сосредоточена вокруг сынишки и протекала в заботах по дому.

Она чувствовала себя относительно свободно только в отсутствие мужа, когда могла вести себя, как угодно, петь, прыгать, танцевать. Пока Николай был на работе, включала музыку и кружилась в танце, воображая себя героиней того или иного фильма.

Даже выйдя замуж и родив сына, Фаина по сути оставалась всё той же девчонкой, которая из детства вдруг резко перепрыгнула во взрослую жизнь. Днём она чувствовала себя более спокойно, чем ночью, но со временем ко всему привыкаешь.

Когда Димке исполнилось полтора года, его приняли в детский сад. Однажды Фая отвела его в группу и возвращалась домой. На торце одного из зданий она увидела яркую вывеску. Надпись гласила, что в танцевальную студию идёт набор в группу латиноамериканских танцев.

Фаина робко толкнула дверь и пошла по тёмному коридору, ориентируясь на звуки музыки. Занятия ещё не начались, но руководитель был на месте. Это был молодой мужчина, старше неё лет на 5, не больше.

Он стоял перед зеркалом и отрабатывал какое-то танцевальное движение. Почувствовав, что не один, обернулся и увидел в дверях совсем ещё юную девушку, зачарованно наблюдавшую за процессом.

— Доброе утро, вы что-то хотели?

— Здравствуйте. Извините, я наверное не вовремя? Мне бы хотелось записаться на занятия.

— Почему не вовремя? Проходите, не стесняйтесь. Набор ещё идёт, но к сожалению только на латиноамериканское соло, все пары уже составлены.

— Да я и хотела бы танцевать соло, мне не нужен партнёр.

— Вот и чудесно. Вас как зовут милая девушка?

— Фаина, можно просто Фая.

— Значит так и запишем. А меня зовут Борис Иванович, можно просто Боря или Борис.

— Очень приятно, Борис. А когда обычно проходят занятия? Я могу только днём. В пять мне нужно забирать сына из яслей, а в шесть с работы приходит муж.

— Так вы замужем, Фая? Ну что же, можете приходить в 15 часов и заниматься до 17, так вас устроит?

— Да, конечно, более чем.

— Тогда приходите сегодня на первое занятие, познакомитесь с другими участниками.

Остальные приняли новенькую дружелюбно, все были относительно одного с ней возраста. Никто не лез друг к другу в душу, не учил уму разуму и не пытался строить козни. В этом была безусловно заслуга руководителя.

С тех пор, как Фая записалась на свой страх и риск на танцы, началась её тайная жизнь, которая шла параллельно с той, другой, где она была женой и матерью. Раскрепощаясь в

ритме латиноамериканского танца, Фаина чувствовала себя по-настоящему счастливой.

Это продолжалось довольно долго, пока не узнал муж. Однажды он вернулся домой к трём часам и не застал жены дома, но ничего не стал говорить, а на следующий день просто за ней проследил.

Когда всё открылось, Николай был в страшном гневе, он буквально выволок её из студии и притащил домой, потом долго кричал и топал ногами, но Фае было всё равно. Она была готова даже к тому, что муж её ударит, благо сын в это время находился в садике.

Николай видно понял, что криком ничего не добьёшься и сменил гнев на милость. Он вдруг резко успокоился и стал разговаривать тише, пытаясь договориться мирно:

— Я запрещаю тебе туда ходить, слышишь?

— Почему? Я ничего плохого не делаю, просто танцую и всё.

— Там тебя ничему хорошему не научат, поэтому брось и всё.

— Хорошо, но в обмен на это ты должен разрешить мне учиться, а потом и работать.

— Для чего тебе это нужно, Фаюшка? Тебе что, денег не хватает?

— Нужно, я не собираюсь сидеть дома. Выбирай, танцы или учёба.

— Ну, хорошо, только потом не жалуйся, что ничего не успеваешь. Всё должно быть, как раньше, приготовлено, постирано и убрано.

— Спасибо, всё так и будет, — просияла в ответ Фаина.

Выторговав у мужа возможность учиться, она перестала появляться в студии. Так Фая стала студенткой текстильного техникума, приходилось совмещать учёбу и домашние обязанности, но это было не трудно.

Студенческая жизнь захватила её полностью, Фаина тянулась к знаниям и навёрстывала упущенное. Получив диплом, устроилась на работу на швейную фабрику, где трудилась наравне с другими женщинами, многие из которых мечтали бы поменяться с ней местами.

На их взгляд, у Фаины всё было для счастья: заботливый любящий муж, ребёнок, отдельная квартира и обеспеченная жизнь. Да только была ли она счастлива в сравнении с ними? Это спорный вопрос, можно ли быть счастливой без любви.

Многие так живут, не испытывая друг к другу никаких чувств, вот и Фаина жила, как умела. Закрывала глаза на всё, лишь бы сын был счастлив. Дмитрий не знал другого отца, Николай вёл себя с ним непринуждённо, не баловал, но и не обижал.

Зато мать делала для мальчика всё, записала во всевозможные кружки и секции, занималась с ним, воспитывала, холила и лелеяла. Муж требовал родить ещё и усиленно работал в этом направлении, но всё напрасно. Фая больше не беременела, к своей огромной радости.

Николай был довольно видным мужчиной, на работе его окружало множество одиноких женщин. Он хоть и гулял от жены направо, но её отпускать не хотел. Только один раз Фая заикнулась о разводе, но муж быстро пресёк все её попытки.

— Зачем тебе я? Ты же ещё можешь быть счастлив? Женись на одной из своих любовниц, может кто-нибудь из них тебе родит?

— Без тебя разберусь, что мне делать, поняла? Ты моя жена, вот и родишь, сына или дочь, всё равно кого.

— Сам же говоришь, что я бревно бесчувственное. А дети только в любви получают. Отпусти ты меня, Христа ради.

— Нет уж, милая. Ты ещё не знаешь какой я бываю в гневе. Лучше не буди во мне зверя, иначе всякое может случиться.

— Ты думаешь я смерти боюсь?

— А я тебя не трону, зачем? Но вот насчёт Димки ничего обещать не могу.

— Ты не посмеешь.

— А ты рискни уйти от меня, тогда и узнаешь.

Он тогда ясно дал понять, что расправится с сыном, хотя никогда не трогал его даже пальцем, так же, как и саму Фаю. Тем не менее, она была убеждена, что муж вовсе не шутит и обязательно исполнит свою угрозу.

Даже когда сын вырос, Фая не хотела рисковать. Димка попал служить в десантные войска, это был повод для гордости. Вот вернётся, поступит заочно в институт, женится, потом пойдут внуки. Примерно так она думала, заглядывая в недалёкое будущее.

Фаина ещё не знала, что, уехав из города навестить больную мать, всё в её жизни не просто изменится, а перевернётся с ног на голову. А пока она просто пребывала в эйфории, мечтая насладиться спокойствием без мужа.

Родная деревня была одним из тех мест, где Фая могла восстановить свои жизненные силы. Побывав здесь, она чувствовала прилив бодрости и вновь ощущала вкус жизни, словно рождаясь заново.

Стоило только припасть к истокам, как всё вокруг самым чудесным образом преображалось. Видно не зря говорят, что родительский дом — это начало начал, об этом же поётся и в известной песне.

Мать приободрилась от долгожданной встречи и даже смогла сесть в кровати. После первых объятий, поцелуев, слёз и разговоров ни о чём и обо всём сразу, для Фаины наступила пора кипучей деятельности.

Перво-наперво она затопила баню, после чего провела инвентаризацию материнских лекарств, половину из которых выбросила из-за просроченной даты, а уже потом стала хлопотать по дому и хозяйству.

Фаина управилась со всеми делами только поздним вечером. После бани ей вдруг захотелось снова сходить в берёзовую рощу, как будто кто-то там ждёт, как и раньше. При мысли об этом сердце гулко застучало в тревожном предчувствии.

Глава 4 Берёзовая парочка

Раиса никак не могла наглядеться на среднюю дочь, всё в руках её Фаюшки спорилось. За несколько часов столько дел переделала, натаскала воды, баню истопила, постирала, прибралась чисто-чисто.

Дом сразу же засверкал так, что любо дорого посмотреть. Да ещё щей наварила и пирог испекла, запах выпечки сразу же по всей хате разнёсся, наверняка и на улице можно было учуять.

Пусть все знают, что и о Рае есть кому позаботиться, а то Зинка всё твердит, что толку с её детей, как с козла молока. Мол, понарожала, а они и носа к ней не кажут. А Фаюшка возьми и приедь, как только от соседки телеграмму получила.

Хорошая она всё-таки дочь, из всех детей одна благодарная, а уж умница и красавица какая, просто глаз не отвести. С годами знай только всё хорошеет, значит с мужем повезло. Прозорливая мать верно угадала, когда судьбу её устраивала.

А чем собственно плох Николай? И лицом вышел, и статью, подумаешь старше на 13 лет. Это для семейной жизни даже хорошо. Ну а то, что силой взял, так на то и мужчина, нечего было хвостом перед ним мести.

Меньше бы по танцулькам бегала, глядишь всё бы честь по чести промеж них и сладилось, вначале сватовство, потом свадебка, а там и постель по закону. Мужики они ведь всё и всегда по-своему понимают.

Видать Фая кокетничала, а он за интерес к себе принял и зажал в углу при первом удобном случае. А опосля- то уж чего сопли на кулак наматывать? Действовать надо было, ковать железо, пока горячо, не то потом вся семья бы позором покрылась.

В деревнях ведь как бывает? Пожалеть не пожалеют, а осудят запросто, скажут сама виновата и всё тут. Ну посадили бы Кольку, да только и Фая бы от этого пострадала, на неё враз бы клеймо порченной девки легло, кто бы потом женился на такой?

Да и другие дочки тоже вряд ли бы замуж удачно вышли. Нет, всё она сделала правильно, не зря Фаина с Николаем 20 годков прожили. Так бывает, вначале муж был противен, а потом свыклась и понравилось.

Как говорят в народе, стерпится, слюбится. Зато сейчас, как сыр в масле катается, муж ни в чём не отказывает, холит, лелеет, балует. И сынок у них получился просто на загляденье.

Правда Фаюшка редко его в деревню привозила, всё больше к себе мать звала. Теперь уж совсем взрослый парень стал, десантник, с парашютом прыгает, а уж как форма ему идёт, берет голубой, прямо под цвет глаз, любо дорого посмотреть.

Раиса рассматривала армейские фотографии внука и мысленно вела свой монолог. Управившись по дому, дочь долго парилась в бане. Вначале привела в порядок мать, купала, передела и сама пошла мыться. После бани накормила, напоила чаем, а потом вдруг захотела пройтись.

— Куда же ты пойдёшь вся распаренная, доченька? Стемнеет уж скоро.

— Мам, не волнуйся, я скоро приду. Схожу в рощу, воздухом там подышу.

— Ох, не понимаю я тебя, Фаюшка. В той роще, как будто мёдом намазано, нешто во всей деревне мест поближе нет, где можно подышать?

— Есть конечно, но среди берёз дышится особенно легко.

Фая высушила удлинённые до плеч волосы, заплела их в косу, оделась потеплее и вышла на улицу, всучив в руки матери небольшую стопку с фотографиями сына с присяги и те, что тот присылал уже после.

Красавец внучек, волос светло-русый, сам голубоглазый, рослый, косая сажень в плечах. И, что интересно, не похож ни на кого из родителей. В кого только таким уродился? Вроде и у матери, и у отца глаза карие. Наверное, в какую-нибудь дальнюю родственницу зятя пошёл.

Таким образом мать успокаивала свою совесть. Внутренний голос нашёптывал без устали, что дочь несчастна, да ты мол в глаза её грустные погляди, по ним же всё без особого труда прочесть можно, но Рая быстро затыкала его и знай себе твердила:

"Нет, что ни говори, но хорошая у Фаи получилась семья, жаль только ребёнок один, им бы ещё доченьку. Да и сейчас ещё не поздно, Фаюшке ведь и сорока ещё не исполнилось, всего-то 38 годок пошёл.

Младшенький мой народился, когда мне почти 40 было, только вот прожил всего ничего, ушёл на небеса в детском возрасте, как будто сглазил его кто. Хотя известно кто, Зинаида, больше некому.

Это же она костерила меня на чём свет стоит и проклинала, когда думала, что Никитушка от мужа её нагуляный. Золовка тогда совсем из ума выжила, надеялась себе дитя забрать, даже денег за него предлагала.

Потом, когда мальчик заболел и помер, всё твердила, что это меня Бог наказал. Может и правда наказал, что отдать не согласилась? Как знать, если бы жил с ней Никитушка, может ничего такого бы не произошло?

От грустных мыслей Раису отвлек стук калитки, она обрадовалась, думая, что это дочь быстро с прогулки вернулась. Но не тут-то было, спустя пару минут в дверь вплыла Зинаида, собственной персоной. Помяни чёрта, он и появится, быстро прискачет на зов.

— Привет, сношенька, как ты, милая? Вот шла мимо, дай думаю загляну, может водицы подать тебе надобно, раз уж больше некому? Гляжу с улицы в окна, какую иллюминацию себе устроила, свет всюду включен, али праздник у тебя какой?

— Да, праздник, гости у меня.

— Это кого же к тебе нелёгкая принесла? Неужто кто-то из сыновей или снох сподобился наконец таки? — золовка рыскала по дому глазами, делая вид, что не знает, кто именно из гостей прибыл.

— Нет, Фаюшка ко мне приехала, гостинцев навезла.

— Понятно, могла бы и не спрашивать, никому ты больше не нужна. А тётку родную по отцу значит навещать не нужно, да? Короткая нынче у детей память, не помнят они добра, неблагодарные.

— А за что ей тебя благодарить, не скажешь? Ты же её терпеть не могла?

— Неправда, Файку я всегда любила, хоть и языкастая девка росла. Так что же, где она? И пошто от тётки прячется?

— Прогуляться вышла, соскучилась говорит по берёзкам.

— Да уж, по берёзкам скучает, а о тётке даже не вспомнила.

— Будя ворчать, Зинаида, налей себе лучше чаю, да отрежь пирога. Извини, не могу за тобой поухаживать, ты уж как-нибудь сама.

В это время Фаина подошла к двум берёзкам, что стояли рядышком, склонившись друг к дружке пожелтевшими кронами. Когда-то, ещё в той, прошлой жизни, они с Ильёй

отождествляли свою пару с этими белоствольными деревьями.

В отличие от них самих, берёзы были по-прежнему верны друг другу. Уж и Ильи давно нет в деревне, неизвестно, что с ним, да как. С тех пор, как расстались, так и не слышно о нём ничего.

Она тоже стала другой, но когда бывает в родных местах, всякий раз непременно заглядывает в рощицу, чтобы поздороваться с двумя неразлучными деревцами, символом её так и неслучившегося женского счастья.

Фаина подошла поближе и задрала голову вверх, откровенно любуясь берёзовой парочкой. Сколько она так простояла возле тех деревьев, час или два, а может всего-то минут 5 или 10?

Почти смеркалось, когда сзади хрустнула ветка и Фая поняла, что не одна. Кто-то ещё пришёл на ночь глядя в берёзовую рощу с целью подышать, а может быть просто полюбоваться безмолвной красотой деревьев, одетых в роскошное осеннее убранство.

Глава 5 Цепкий взгляд из окна

В родной деревне Фаины все друг друга знали, местные жители сроду не боялись гулять или ходить в лес и рощу по темноте. Приезжие бывали здесь обычно летом и старались вести себя тихо. Если и случались преступления, то очень редко и чисто на бытовой почве.

То семейные разборки закончатся скандалом, когда чей-то не в меру разбушевавшийся супруг поколотит свою половину, то мужики соседские передерутся, пережрав самогонки. Или кто-нибудь, баловства ради, свернёт шею чужой заблудившейся курице и пустит её на пашлык.

А уж об убийствах или изнасилованиях здесь и не слыхивали. Случай с Фаиной был исключением из правил. Мать не стала выносить сор из избы, предпочтя не давать делу ход. Всё закончилось благополучно, если конечно можно так выразиться.

Две семьи договорились промеж собой полюбовно, девушку выдали замуж за насильника, после чего тот имел полное право творить со своей жертвой всё что угодно, только теперь уже на законных основаниях.

Не один раз пережив насилие от собственного мужа, Фаина давно уже ничего не боялась, даже смерти, и именно по этой причине нисколько не испугалась, посчитав внезапный хруст ветки за спиной вполне себе безобидным явлением.

Мало ли кому из деревенских жителей могло вдруг взбрести в голову прийти на ночь глядя в берёзовую рощу? В конце концов, это не частная территория. Может двое влюблённых назначили друг другу свидание, как когда-то очень давно делали Илья и Фая?

Поначалу женщина сделала вид, что ничего не услышала, решив не оборачиваться, чтобы не смущать влюблённую парочку, и даже прошла немного вперёд, но потом не удержалась и посмотрела назад. Ей было любопытно узнать, кто же это всё-таки был?

Несмотря на быстро сгустившиеся сумерки, в темноте Фая ясно увидела чётко очерченный силуэт высокого мужчины. В груди похолодело, но совсем не от страха. Да и кого там бояться, если все друг друга знают?

Сердце сжалось даже не от предчувствия, а от уверенности, что когда-то очень давно она и этот человек были очень близки. Никаких сомнений не было, глаза уже привыкли к темноте и многое смогли различить, хотя лица мужчины по-прежнему не было видно.

Но как такое возможно? Илья давно уехал из деревни и из родни у него никого не осталось. Родители продали дом и там живут другие люди. Первой реакцией было желание убежать прочь, как можно дальше от этого места.

Но ноги вдруг стали ватными и она так и не смогла сдвинуться с места. Судя по несколько затянувшейся паузе, мужчина тоже узнал её. Немного потоптавшись на месте, он вдруг решил подойти ближе и вышел на освещённый пятачок.

— Здравствуй, Фая. Я как только увидел, что под берёзами кто-то стоит, сразу понял, что это ты, больше некому.

— Привет, Илюша. Да, всё верно, это я.

— Ты когда приехала?

— Сегодня, ближе к обеду. Соседка дала телеграмму, что мама заболела, пришлось бросить все дела. Я-то ладно, ты как здесь оказался? Удивил так удивил.

— Приехал вчера вечером, на своей машине. Я уже вторую неделю нахожусь в отпуске, захотелось съездить в родную деревню, повидать места, где родился и вырос.

— А остановился у кого?

— У бабы Шуры, у кого же ещё? Она же в нашей деревне всем приезжим ночлег давала, забыла?

— Нет, не забыла, я всё помню, — Фая хотела ответить просто и обыденно, а получилось иносказательно, она и сама это поняла, но исправляться было поздно.

— Да, я тоже всё помню, Фаяшка. Хотел бы забыть, да не получается, — он подошёл ещё ближе и посмотрел в глаза, этот взгляд сказал ей о многом.

С тех пор, как они виделись в последний раз, Илья сильно изменился, возмужал, раздался в плечах, прежними остались только голос и взгляд. Перед Фаей стоял взрослый интересный мужчина, а не тот вчерашний мальчишка, кусающий губы в кровь от обиды и горечи разочарования.

В воздухе повисла многозначительная пауза. Фаина вдруг испугалась, но не того, что Илья может воспринять её фразу, как призыв, а того, что она сама не устоит и первая бросится в его объятия. Что он о ней подумает?

И тогда Фая быстро заговорила преувеличенно восторженным тоном, давая понять, что очень рада его видеть, но только, как давнего друга, и ничего более:

— Илья, ну что же ты молчишь и ничего о себе не рассказываешь? Я хочу всё-всё о тебе знать. Как ты, что ты, где живёшь, кем работаешь? Есть ли у тебя семья, дети? В общем, обо всём на свете.

— Да всё у меня, как и у всех, ничего интересного. Живу, работаю, был женат, сейчас в разводе, есть сын, живёт со своей матерью.

— Кем работаешь, если не секрет?

— Никакого секрета, в своё время отучился в военном училище, исколесил почти весь земной шар, долгое время мотался по гарнизонам, в последнее время жил на Дальнем Востоке, а незадолго до отпуска получил перевод в Москву. Уже даже успел переехать, так что теперь буду жить в столице нашей Родины.

— Как здорово, ты молодец, добился всего, о чём мечтал.

— Это правда, почти всего добился. Ну а ты как живёшь?

— А что я? Работаю на швейной фабрике, вначале была закройщицей, потом швейёй, сейчас повысили до начальника цеха. В общем, не жалуясь.

— Всё так же замужем или в разводе?

— Да, замужем.

— И правда, о чём это я? Какой может быть развод, если ты по большой любви замуж выходила? Наверное и дети есть?

— Есть, у меня сын, он сейчас в армии, кстати в Москве служит, — жалко пролепетала Фая, сдерживая слёзы, закипающие на глазах, хорошо, что было темно и ничего не видно.

— Ну и здорово, рад за тебя. Значит жизнь удалась и ты счастлива, — Илья не спросил, а словно констатировал сей факт, и Фаина в ответ промолчала, не стала его опровергать.

— Ладно, Илюша, пойду я, мама ждёт. Была счастлива тебя повидать.

— Я тоже рад встрече.

— Прощай, Илья.

— До свидания, Фая, может ещё увидимся.

— Всё возможно.

Она быстрым шагом рванула вперёд и, как только вышла из рощицы, разрыдалась в голос. Спотыкаясь, Фая шла по дороге и ничего не видела перед собой из-за потока горьких

слёз.

Когда вышла на пустынную горящую огнями фонарей улицу, услышала за спиной быстрые шаги и припустила бежать. Илья догнал её возле дома, где жила та самая учительница музыки и руководительница клубных кружков.

При свете хорошо было видно, что Фаина плакала, хотя Илья понял это ещё раньше по характерным всхлипывающим звукам. Развернув женщину к себе, он стал покрывать поцелуями мокрое от слёз лицо.

— Как же хорошо, что я не пошёл в другую сторону, мне вдруг захотелось тебя проводить. Вначале болтался далеко позади, а потом решил спросить, сколько дней ты ещё будешь находиться в деревне? Вот тогда и услышал твои рыдания.

Фая продолжала плакать, а потом вдруг стала отвечать на поцелуи. Оба не заметили цепкого взгляда, следившего за ними из затемнённого окна, два других были ярко освещены.

Конечно же Татьяна Викторовна без особого труда узнала в женщине свою давнюю соперницу, в своё время отбившую у неё любимого мужчину. Она только не поняла с кем именно целовалась Фая.

Глава 6 Сгорая от бешеной страсти

Было уже довольно поздно, а Фая всё никак не возвращалась с прогулки. Раиса изо всех сил старалась ничем не выдать своё беспокойство перед золовкой. Та не торопясь расправилась с несколькими кусками пирога и знай только подливала себе свежесваренный чай.

Вытянув губы трубочкой, она с шумом дула на блюде и с наслаждением втягивала в себя ароматный напиток, щедро забеленный парным молоком, что Фая принесла от соседки после вечерней дойки.

Зинаида твёрдо решила дожидаться племянницы и не собиралась выходить из-за стола, покуда та не придёт. Она была уверена, что Файка уже знает о её визите и только поэтому не торопится возвращаться домой, надеясь, что тётке надоест ждать.

Но не тут-то было, строптивую девчонку ожидал большой сюрприз. Для Зины племянница оставалась всё такой же маленькой и капризной. В детстве она часто строила козни, заступаясь за мать.

Отец любил Фаю больше всех и закрывал глаза на её детские шалости, не реагируя на жалобы сестры. Зинаида хоть порой и злилась на девочку, но вместе с тем любила, считая, что та вся пошла в свою тётку, и лицом, и характером.

Жаль, что Бог не дал своих детишек, Зине очень бы хотелось иметь такую дочь. Что ни говори, Фаина одна не бросает мать, другим племянникам и дела нет, как уехали из деревни, так и появляются раз в пятилетку. Хорошо хоть родного отца приехали похоронить, а то разговоров бы было.

— Райк, ты чего молчишь? Где носит нашу красавицу, уж не заблудилась ли ненароком?

— Да нет, наверное с подругой встретилась и о жизни разговаривают.

— Скорее всего, иначе как ещё объяснить, что до сих пор не пришла? Поди зацепилась языком с такой же пустомелей, как и сама.

— Не надо так говорить про мою Фаюшку, никакая она не пустомеля, — неожиданно для себя самой расхрабрилась Раиса.

— Да кто же ещё? Пустомеля и есть, — не унималась злобная женщина.

Тут с улицы стукнула калитка и обе прикусили языки, с любопытством воззрившись на дверь, в которую спустя минуту вошла раскрасневшаяся Фаина. Она всё ещё чувствовала сладкий привкус прощального поцелуя Ильи на опухших губах и была сама не своя от счастья, сияя внутренним светом.

— Доченька, ну наконец-то, я уж вся испереживалась. Ты только посмотри кто к нам пришёл, — возвестила мать преувеличено радостным тоном, в голосе чувствовалось, что она до смерти боится скандала, зная о настоящих чувствах дочери к родной тётке.

— Какая радость, я очень счастлива, — увидев перед собой приторно улыбающуюся Зинаиду, мечтательное выражение лица Фаи тут же изменилось, а глаза сверкнули недобрый огнём.

— Ох и красивая ты девка, Фаина, вся в меня. Помню, как по молодости только за то, чтобы даже просто со мной потанцевать, парни на кулаках дрались, — тётка откровенно перед ней лебезила, что вызывало ещё большее раздражение.

— Правда? Так за меня никто и не дрался, так что не в тебя я пошла, не обольщайся.

— Не болтай, чего не знаешь, у тебя и глаза мои, и овал лица.

— Неправда, я на маму свою похожа, у меня и ямочки на щеках, как у неё. Ладно, пошла я спать, общайтесь без меня, — притворно зевнув, Фая скрылась в маленькой комнатке и прямо в одежде улеглась на кровать.

Чуть позже нужно сходить в баню, вряд ли там уже остыло, да и вода наверняка ещё горячая. Не обращая внимания на то, как тётка недовольно бубонит за стеной, она закрыла глаза и стала вспоминать, как совсем недавно целовалась с Ильёй.

Да чего уж там, после того, как они оказались на чужом сеновале, одними поцелуями дело не ограничилось. Уже после обоим пришлось пучками снимать друг с друга сухую траву.

Несмотря на расставание и груз прожитых лет, они вели себя, как в юности, когда были до беспамятства влюблены друг в друга. Фаина уже и забыла, как это бывает, когда отдаёшься мужчине по любви. Только тогда она была совсем девчонкой, а сейчас уже женщина.

Организм реагировал совсем по-другому, нежели много лет назад. Стоило только прижаться друг к другу посильнее и куда что делось, будто и не было долгих лет разлуки. Сердца обоих бились в унисон и бешено стучали от пьянящей страсти.

Потом она лежала в объятиях любимого, разомлевшая от ласк, чувствуя себя не только самой счастливой на свете, но и самой желанной. Что может быть лучше этого?

— Фаюшка, прошу тебя, давай до утра тут останемся, или поедem на моей машине в райцентр, там номер в гостинице снимем.

— Ты что, Илюшенька? А как же мама? Она болеет, не могу я её вот так бросить и уехать, ничего не сказав.

— Я всё понимаю, милая, но с тобой так хорошо, что не хочется расставаться ни на минуту.

— Мне тоже хорошо с тобой, любимый.

— Скажи, зачем ты тогда так поступила с нами обоими?

— Слишком долго рассказывать, Илюша. Но знай, не было ни дня, чтобы я о тебе не думала. Все эти годы я не жила, а существовала, как в долгом кошмарном сне. Если бы не Димка, давно бы наложила на себя руки, только ради него и жила.

— Тебе настолько было плохо? Тогда почему же ты не ушла?

— Боялась за сына. Николай пригрозил, что убьёт его.

— И ты ему поверила, глупенькая? Он что, совсем сбрендил убивать собственного ребёнка?

Фаина уже готова была рассказать обо всём, но тут на крыльцо дома, во двор которого они залезли на сеновал, вышел хозяин. Мужчина молча дымил папиросой и вслушивался в темноту. Пришлось им на время замолчать. Илья всё же не удержался и прошептал Фае на ушко:

— А если он к нам поднимется? Как будем выкручиваться? Скажем, что искали Эдем и нашли на сеновале или молча предстанем перед ним голые, пускай додумывает сам?

Давясь от смеха, Фая уткнулась Илье в плечо, а тот всё не унимался и продолжал шутить. Даже сейчас, будучи дома, она лежала на кровати и тихо смеялась над его словами, а потом сама не заметила, как уснула, так не раздевшись и не помывшись.

Во сне ей, ни с того, ни с сего, приснился урок танцев и Борис Иванович. Он показывал всем своим ученикам отдельные па, при этом уделяя особое внимание Фаине, своей лучшей ученице.

Она чувствовала, что нравится молодому мужчине по благоговейному трепету, с каким тот прикасался к ней, обучая танцу. Одним соло дело не ограничилось, Борис сказал, что не может допустить, чтобы такая фактура прозябала в одиночестве.

— Раз, два, три, четыре, да, хорошо, смелее. Разворачивайся всем корпусом, умничка моя.

Сама Фая абсолютно ничего не ощущала в ответ, считая, что он так себя ведёт под влиянием чувственного танца. Ещё неизвестно во что бы всё это переросло, если бы бдительный Николай не обрубил всё на корню.

Борис Иванович долго её искал, но так и не нашёл, поскольку Фая не оставила своих координат. Забыв о танцах, она уже была вся в учёбе, честно исполнив свою часть договора. И вот надо же, спустя много лет вновь танцует, хоть и во сне.

Молодой человек проделывает с Фаиной множество замысловатых па, и вот уже на его месте оказался Илья, обхватив лёгкую, как пушинка, партнёршу за талию. Сгорая от бешеной страсти, оба кружатся в ритме латиноамериканского танца.

Но тут красивую музыку перекрыл громкий стук и непонятное топанье. В комнату ворвался Николай и стал настойчиво трясти её за плечо. Резко проснувшись, Фая увидела перед собой перекошенное злобой лицо мужа.

Глава 7 Встреча

Когда Николай узнал, что Фаина в деревне, то вначале подумал, что она приехала по его душу и не на шутку испугался. Всё дело в том, что сам он находился неподалёку, буквально на соседней улице, только приехал глубокой ночью, несколькими часами раньше жены.

Мужчина не хотел афишировать своё прибытие, поэтому остановился не у тётки, а в доме Татьяны Викторовны, с которой его когда-то очень давно связывало нечто большее, чем просто общение двух коллег.

Визит в деревню не был запланированным, со дня смерти отца и последующего за этим переезда матери в город, Николай и носа там не показывал. Он не только не вспоминал, но даже думать забыл об учительнице.

Так может и дальше бы продолжалось, но судьбе было угодно снова свести их вместе. Это произошло весной, менее полугодом назад. Они встретились в мэрии города, на одном из мероприятий областного масштаба.

Как заместитель главы города по вопросам просвещения и культурного развития граждан, Николай принимал участие в награждении деятелей культуры и искусства, съехавшихся со всех районов области.

Вместе с остальными претендентами, выдвинули и скромную сельскую учительницу, отдающую всю себя школьной и клубной работе. Было принято решение поощрить её почётной грамотой и ценным подарком.

Раскрасневшись от смущения, Татьяна Викторовна вышла из зала под громкие аплодисменты и подошла к президиуму. В человеке, вручавшем грамоту, она без труда узнала свою давнюю любовь.

Поначалу тот сделал вид, что они не знакомы и равнодушно отвернулся. После официальной части последовал небольшой фуршет, после которого их прежние отношения снова возобновились.

Николай уже собрался уходить и стоял поближе к дверям, чтобы улизнуть при первой возможности, но не тут-то было. Набравшись смелости, женщина решительно подошла и заговорила:

— Что же ты не здороваешься, Николенька? Никак не признал меня? Память подвела или возгордился на высокой должности? А ведь когда-то, несмотря на своё непростое происхождение, ты вёл себя более доступно с простыми смертными.

— Что ты, Танюша? Я узнал бы твоё лицо из сотни тысяч других, твои глаза блестят, как и раньше. Ты прямо вся светишься от счастья.

— Ну конечно, ведь у меня есть целых два повода для радости. Меня и мою работу отметили на столь высоком уровне, а кроме того я встретила тебя.

— Прими мои поздравления с заслуженной наградой.

— Спасибо, мне вдвойне было приятно получить грамоту из твоих рук. Скажи, а как ты смотришь на то, чтобы отпраздновать это событие вдвоём? Давай сбежим отсюда, посидим в каком-нибудь тихом месте, только ты и я?

— Почему бы и нет, знаю одно такое местечко, собирайся, поехали.

Николай не стал отказываться от предложения, тем более, что давно уже не хранил жене верность, ему доставляло особое наслаждение изменять ей. Именно с того момента их шагни с Татьяной закрутились с новой силой.

Так и не построившая личную жизнь, Танюша просто летала от счастья. И пусть встречи происходили не часто, обоих всё устраивало. Единственное, что омрачало существование женщины, было то, что любимый вовсе не собирался придавать их отношениям законный статус.

Но она была согласна и на это, лишь бы только его не потерять. Каждый раз, отправляясь в город в очередную командировку на какой-нибудь симпозиум или конференцию, Татьяна Викторовна вновь напоминала о себе.

Тогда Николай давал жене редкую возможность отдохнуть от исполнения супружеского долга и вместе с любовницей зависал на съёмной квартире. Потом они прощались и Таня уезжала в деревню, надеясь на новую встречу.

Так было бы и на этот раз, если бы она вдруг не подвернула ногу и не получила растяжение голеностопных связок. Пришлось Николаю везти Татьяну Викторовну домой на своей машине.

Он не собирался задерживаться и хотел сразу уехать, но всё же дал себя уговорить остаться на один день. Мужчина загнал машину во двор дома учительницы, благодаря чему его визит остался незамеченным чужому глазу.

Тем не менее, Николай уже на следующее утро собирался уезжать, поскольку считал, что свою миссию он выполнил. Татьяна хоть и с трудом, но передвигалась по комнате. Вечером следующего дня она стояла у окна и наблюдала за тем, что происходит на улице.

— Ох, ничего себе, что творят.

Узнав в целующейся женщине Фаину, Татьяна Викторовна не смогла удержаться от удивлённого восклицания, но быстро прикусила язык и поспешила к Николаю, стараясь не допустить, чтобы он тоже это увидел.

Но не потому, что пожалела соперницу, а просто не хотела, чтобы любовник уехал раньше, потому что знала его, как облупленного. Он конечно разгневется и сорвётся с места, устроит жене разборки, а потом всё равно подхватит под руки и увезёт в город.

Утром, когда Николай одевался, собираясь в дорогу, Татьяна попыталась было снова уговорить его остаться, но тот был непреклонен:

— Прости, не могу, меня и так уже на работе с собаками ищут, да и дома потеряли.

— Ты так говоришь, как будто у тебя семеро по лавкам, кто тебя там ждёт?

— Нравится это тебе или нет, но меня есть кому ждать.

— Как интересно, а ты уверен, что есть кому? Сын в армии, а жена сейчас тоже в деревне.

— Не мели попусту, Танюша. Фая не может быть здесь, — ответил порядком струхнувший Николай.

— Как это не может, если вчера я своими глазами видела твою благоверную прямо вот из этого окна, так же, как и тебя сейчас? Причём, она была не одна, а с мужчиной.

— С каким ещё мужчиной?

— Извини, я не разглядела, он наклонил голову, когда целовал твою разлюбленную жёнушку. И в том, что это была она, я уверена на сто процентов.

— Что? Ты вчера увидела, как кто-то целует мою жену и промолчала? А почему мне ничего не сказала?

— Откуда же мне знать, может ты в курсе, что жена тебе изменяет? Вдруг вас обоих устраивает такое положение вещей? Я так поняла, что вы оба давно живёте своей жизнью.

— Много ты понимаешь, курица. Уйди с дороги, дай пройти.

Окончательно рассвирепев, Николай с силой оттолкнул любовницу в сторону и выскочил из дома. Он распахнул ворота настежь, сел в машину и выехал со двора, а пока добрался до дома тёщи, успел много чего нарисовать в своём воображении, причём был вовсе недалёк от истины.

В это время мать жены сидела в своей кровати, что стояла в проходной комнате, а одетая Фаина безмятежно спала в соседней спальне. Раиса пыталась встать с постели, когда это практически получилось, в дом неожиданно ворвался зять и она снова плюхнулась на место.

— Тьфу ты, Колька, напугал. Ты это откуда и чего так zenки свои на меня вылупил?

— У тебя не спросил, что мне делать, мерзкая сводня. Где моя жена, я тебя спрашиваю?

— Где ей быть-то? Спит она, ты на часы глядел, рано же ещё?

— Где и с кем она спит, признавайся?

— Николай, да ты никак сбрендил? Фаюшка одна спит в комнате.

— А почему она вообще здесь, а не дома?

— Так вчера приехала, заболела я, не видишь что ли? Чем орать благим матом, лучше бы помог.

— Сиди на месте, я ещё с тобой разберусь, карга старая.

Раиса всё таки смогла встать с постели и держась за стенку дошла до дверей спальни, где и увидела неприглядную картину. Зять орал, как сумасшедший, визжал и топал ногами, зато дочь оставалась предельно спокойной. Она стояла напротив беснующегося мужа и с насмешкой за ним наблюдала.

Глава 8 Перестала бояться

Ночью Зинаида долго не могла уснуть, а всё потому, что затаила жгучую обиду на племянницу. Она ворочалась на своей широкой кровати и вспоминала, как обошлась с ней эта грубиянка. Взяла и смылась в спальне, даже не поговорив с родной тёткой, как следует.

С вечера женщина дала себе зарок никогда больше не переступить порог дома снохи, но потом пересмотрела своё решение. В конце концов это дом покойного брата и она вольна бывать там, когда захочет.

Ещё не хватало идти на поводу у этой оторвы и лишать себя удовольствия время от времени мотать Райке нервы. А то ишь, больной прикинулась, лежит и стонет, ох, да ах. Усиленно изображает страдальцу, как будто одна такая. Все болеют, не только она.

Может у самой Зинаиды болячек будет поболее, как знать? За Раисой хотя бы есть кому присматривать, Файка точно мать не оставит и будет ездить, пока та не скопытится. А вот о тётке родной даже не подумает, добро бы хоть на похороны приехала.

И так Зине стало себя жалко, что она расплакалась от обиды. Ведь живёт одна, как перст, и некому руку подать, поддержать в трудную минуту, утешить, утереть слёзоньки. Эх, судьба ты, судьбинушка горькая.

Горячо любимый муж умер рано, болел сердешный, да помалкивал, видно жалел свою Зинаиду. И осталась она одинёшенька в целом мире. В тишине большого дома ещё долго были слышны всхлипывания и стенания бедной женщины. Но потом она вдруг встрепенулась:

— Ну всё, хватит, поплакала и будя, чего изводить себя попусту? Всё равно золотая слеза не выкатится. Рано себя хоронить, я ещё поживу и всем им покажу. Завтра прямо с раннего утра пойду к Райке и всё выскажу этой несносной девчонке, поучу уму разуму, раз матери недосуг.

Решительно повернувшись набок, Зинаида закрыла глаза и сразу же провалилась в глубокий сон, в котором увидела себя совсем ещё юной задорной девушкой, играючи разбивающей парням сердца.

Они бились на кулаках за право потанцевать с ней, но самым прытким оказался будущий муж. Женщина проснулась с блаженной улыбкой на губах и долго ещё вспоминала подробности своей супружеской жизни. Жаль всё-таки, что Бог так и не дал им детишек.

Едва продрав глаза, Зинаида умылась, оделась потеплее и выскочила во двор. Кинула корм индоуткам и курям, покормила собаку и кота, а сама завтракать не стала, надеясь на то, что Раиса и Файка её покормят. Да куды они денутся?

Захватила с полки в качестве гостинца завалившуюся пачку чая и пошла напрямик к снохе и племяннице, ничуть не волнуясь, что те возможно ещё спят. Нечего, пусть встают обе, пора приниматься за домашние дела, солнце уже высоко.

Оказалось, в доме не только не спят, а уже всюю выясняют отношения. Подойдя ближе, Зина услышала страшную ругань. Это ещё что такое? Кто там буянит с раннего утра? По голосу слышно, что мужик. Не иначе Файка ухажёра в дом привела? Это при живом-то муже?

Хотя, чему уж тут удивляться? Племянница всегда была себе на уме, поди изменяет Кольке своему, он же старше почти на 13 годочков, может у него там не фурычит давно, а ей наоборот только давай?

Сгорая от нетерпения узнать подробности, любопытная тётка вошла в дом и наконец увидела всю картину происходящего. Бледная Раиса стояла возле дверей спальни, откуда раздавались бешеные крики:

— Живо собирай свои манатки и поехали, я с тобой дома разберусь. Фаина, не выводи меня из себя, не стой истуканом, а то хуже будет.

— Ну и что ты мне сделаешь, ударишь?

— Надо будет, ударю, лучше не буди во мне зверя.

— Попробуй, тронь только, я не посмотрю, что мужик, враз чем-нибудь тяжёлым охочу.

После своей вечерней прогулки в роще, закончившейся на сеновале, Фаина резко перестала бояться. Испытывая на прочность терпение мужа она уже в открытую насмеялась, чем выводила его из себя.

— Ах ты, стерва, ты ещё и скалиться вздумала? Всё, больше повторять не буду, поехали, я сказал.

— Нет, не поеду, мне и здесь хорошо. Кончилось твоё время, уйду я от тебя.

— Смотрю мужичка другого попробовала и крылья за спиной выросли? Так я их тебе быстро обломаю.

— Да, представь себе, выросли, прямо сейчас взмахнула бы и полетела куда глаза глядят, лишь бы тебя постылого не видеть. Ты об мои отросшие крылья не только руки, но и зубы свои обломаешь.

— Признавайся, кто он?

— А тебе какая разница? Кто бы ни был, не твоё дело.

— Совсем на старости лет охренела?

— Да какая же я старая? Ты меня-то с собой не равняй, я тебя намного моложе, ещё и родить смогу запросто.

— Что? Не смей мои подковы, любимая. Да ты же пустая, родила своего ублюдка и всё на этом, застопорилась. Сколько я ни старался над тобой, всё впустую. А если бы было по-другому, ещё бы парочкой разродилась.

— Ты разве не слышал, что не даёт Бог детей от нелюбимых? К тому же ты ещё и насильник.

— Насильник говоришь? А что же ты замуж тогда за меня пошла?

— Дура малолетняя была, что родителей послушала, они приказали, я и пошла.

— Ну конечно, рассказывай сказки. Да ты и сама рада была, что я грех твой перед другими прикрыл. Знаю с кем ты обжималась, да по кустам шарахалась, пока я не подвернулся. Видно поняла, что со мной будет лучше, и быстро отправила этого недоноска Илюшеньку в отставку. Под венец бежала так, что только пятки сверкали.

— Думай, что хочешь, мне всё равно. А сейчас убирайся, пшёл вон, я сказала.

— Неужто не боишься больше, что байстрюка твоего порешу?

— Нет, устала уже бояться. Руки короткие, не достанешь. Вот вернётся Димка из армии и намылит тебе шею, всё ему расскажу, кто ты есть на самом деле.

— Не забудь рассказать и про то, как нагуляла его в девках.

Стараясь ничего не упустить, Зинаида заворожённо прислушивалась к потоку информации, нёсшегося на неё настолько стремительно, что она не успевала всё переварить. Одно было понятно, племянница та ещё лярва, ушлая до невозможности, не смотри, что тихоня.

Как интересно, оказывается родила она своего Димку от какого-то Илюхи. Мало того,

до сих пор своему бедолаге мужу рога наставляет. Видно поймал он её с любовником, вот и беснуется, как ошалелый.

А ещё Файка сказала, будто насильничал её Колька, потому и замуж за него пошла. Чудны дела твои, Господи. Одно непонятно, почему самой Зинаиде только сейчас стало об этом известно? Ведь Райка тогда даже словом не обмолвилась, да и брат ничего не рассказывал.

Тут она увидела, как сноха стала медленно сползать по стене. Прежде чем осесть на пол, Раиса почувствовала, что ноги стали ватными. Беспомощно оглянувшись в поисках поддержки, она наткнулась взглядом на любопытную золовку, открывшую рот от удивления.

— Господи, час от часу не легче, она же теперь всем растрезвонит.

Сердце резко пронзила тугая боль, в ушах заложило так, что голоса зятя и дочери стали еле слышны, а потом совсем перестали доноситься. Женщина ловила ртом воздух, пока сознание полностью не отключилось.

— Люди добрые, помогите, Райка померла. Ой, лёшеньки, да что же это такое деется? Фаюшка, Колька, сделайте хоть что-нибудь.

Заполосная Зинаида бегала вокруг снохи, не зная, как той помочь. Хорошо Фаина сообразила сунуть матери таблетку, но та никак не желала приходить в себя, хотя задышала значительно ровнее.

— Может скорую помощь лучше вызвать, Фаечка? — вопрошала тётка, продолжая причитать над Раисой.

— Да какая ещё скорая, неизвестно сколько придётся ждать? Я сам её отвезу. Фая, ну-ка, собери всё самое необходимое, — вдруг резко засуетившись, скомандовал Николай.

Он быстро завёл машину, положил тёщу на заднее сиденье, рядом посадил насмерть перепуганную жену и покатил в райцентровскую больницу. Тётка уже не поместилась и вынуждена была остаться дома.

Она не теряла времени даром и уже к обеду чуть ли не вся деревня знала про её неблагодарную племянницу, почти вогнавшую мать в гроб своими гульками. Хорошо зять Раисе хороший попался, иначе бы точно померла.

Слухи о том, что Фаина уехала в город вместе с мужем и матерью дошли до Ильи. Ну и что с того, что мать заболела? Могла бы и к нему обратиться, знала ведь, что он на колёсах? Но нет, она предпочла поехать с Николаем и даже не попрощалась, хотя вчера клялась и божилась, что любит.

Глава 9 Слухи снежным комом

По дороге в больницу Фаина молила Бога, чтобы всё обошлось и с матерью ничего не случилось. Ехали молча, муж уверенно крутил баранку и смотрел прямо перед собой. По раздувающимся крыльям носа было заметно, что он всё ещё злился, но ей было глубоко на это наплевать.

Тем не менее, Николай старался не показывать, что его буквально колотит от гнева, предпочитая помалкивать, дабы сгладить конфликт, а не усугублять ещё больше. Вести себя как-то иначе было не в его интересах.

Конечно, это вовсе не означало, что он собирался простить жену за то, что та в открытую, практически на глазах у всей деревни, обжималась с каким-то неизвестным мужиком. Осталось только докопаться, кто это был, и тогда тому точно не поздоровится.

Самой Фаине тоже мало не покажется. Николай пока не знал, как именно накажет строптивицу за очередную попытку уйти, но чуть позже он обязательно придумает что-нибудь эдакое. В любом случае, это не сойдёт ей с рук.

Только все санкции последуют уже после того, как всё более менее успокоится. Ничего, Фая ещё горько пожалеет, в ногах будет валяться, умоляя простить. Если будет нужно, снова станет действовать через сына.

Можно ведь навредить не только физически, но и как-нибудь иначе. Например, подставить парня и засадить на приличный срок. Жена прекрасно осведомлена о его связях и знает, на что он способен.

Не переставая думать о том, что произошло, Николай наконец подъехал к райцентровской больнице. В приёмном покое царили тишь, да гладь, да божья благодать. Был выходной день и новоприбывших больных поступало не так уж много. Ничто не предвещало бури.

У одного из докторов на днях родилась дочь, тот решил поставить бутылочку и накрыть на стол, благодаря чему весь дежуривший медперсонал был расслаблен и настроен не на работу, а на приятное времяпрепровождение.

Так продолжалось ровно до тех пор, пока одному высокопоставленному чиновнику, занимавшему большую должность в мэрии областного центра, не вздумалось привезти свою тяжелобольную тещу.

Николай оказался в своей стихии, когда развернул бурную деятельность по спасению матери горячей любимой жены. Он ясно дал понять, что не потерпит халатности и с порога принялся властно раздавать указания, требуя особого отношения.

Как по команде вокруг пожилой женщины засуетились люди в белых халатах. Медработники были достаточно вышколены, чтобы понять, что от их стараний зависит, если не всё, то многое.

Не дай Бог ударить в грязь лицом, тогда уж точно не избежать проверки из области. Это было чревато последствиями не только для главврача, но и для всех остальных. А если прознают про мини-банкет на работе, то и вовсе пиши пропало.

В общем, к Раисе отнеслись, как к vip-персоне, положили в отдельную палату и оказали полноценную медицинскую помощь, благодаря чему опасность летального исхода полностью миновала.

Несмотря на все старания супруга, Фаина не собиралась отступать от своего намерения

уйти от него, вот теперь она точно не передумает. Да и сколько можно бояться? И без того вся жизнь прошла в страхе.

Стоило только принять это решение, как стало свободно и легко, с души словно свалился огромный камень, тяжким грузом висевший на протяжении долгих лет жалкого существования, которое даже жизнью нельзя было назвать.

Если раньше Фая мирилась с необходимостью терпеть подле себя Николая, хотя бы ради сына, то после неожиданного появления в деревне Ильи и возобновления отношений с ним, она сопротивлялась одной только мысли остаться с мужем.

Всё же не зря говорят, что любовь творит чудеса, женщина ощутила это на себе. Появилось неистребимое желание жить, дышать полной грудью, любить и быть любимой, отдаваясь своим до конца неизведанным чувствам с безоглядным наслаждением и восторгом.

Всем своим естеством она чувствовала приближение свободы, пьянящий воздух которой манил и заставлял радоваться любой, хоть сколь-нибудь значимой, малости. Мысли о никчёмности своего существования сами собой канули в лету.

Николай уже собирался договориться с одной из медсестёр или санитарок, чтобы, на время их с женой отсутствия, за тёщей был должный уход, но Фаина воспротивилась. Она говорила еле слышно, стараясь не тревожить лежащую в забытьи мать.

— Не нужно никого нанимать, я буду сама присматривать за своей мамой.

— Милая, но ты же понимаешь, что нам с тобой нужно возвращаться в город? Работа не ждёт.

— А я тут причём? Тебе нужно, ты и возвращайся. У меня впереди ещё целых три недели законного отпуска.

— Вот значит как ты заговорила?

— Не пойму, что тебя удивляет? Я по-моему уже достаточно ясно дала понять, что домой не вернусь.

— А жить ты где собираешься, в деревне? Или думаешь я позволю разменять нашу квартиру?

— Успокойся, мне от тебя ничего не нужно, ни квартиры, ни машины, ни стенки с телевизором и холодильником.

— Значит на улице собралась жить?

— Да хоть под мостом, лишь бы не с тобой.

В этот момент в палату вошла медсестра с капельницей в руках и подошла к кровати тяжёлой пациентки. Николаю пришлось отступить. Он хоть и был взбешён упрямством Фаины, но ничего не мог с этим поделать.

Да и что тут сделаешь? Разве что на глазах у всех скрутить жене руки и насильно затолкать в машину? Но это бы означало потерять репутацию в глазах всего медперсонала больницы, а этого никак нельзя допустить.

Широко улыбнувшись симпатичной медсестричке, мужчина с притворной заботой нагнулся над тёщей, как бы удостоверившись, что теперь она вне опасности, потом шагнул к жене, поцеловал в щёчку и сказал:

— Пока, любимая, не скучайте тут с мамой без меня. Вечером приеду, привезу всё самое необходимое.

Провожая Николая взглядом, медсестра произнесла в восхищении:

— Как же я вам завидую, а мне вот с мужем не повезло.

— Правда? И что же с ним не так? — спросила Фая.

— Да всё не так, взял и свалил от меня.

— А вот теперь настала моя очередь вам завидовать.

— Вы это о чём?

— Да так, о своём, не обращайтесь внимания.

После скорого отъезда зятя, Раиса очнулась и стала постепенно приходить в себя. Вначале она никак не могла понять, где находится и растерянно оглядывалась по сторонам. Взгляд упал на дочь, в задумчивости стоявшую у окна.

Всё ещё мутное сознание женщины озарили воспоминания о безобразной сцене, устроенной Николаем этим утром. Ни за что. ни про что зять обозвал её старой каргой и мерзкой сводней.

А как он кричал на жену? Визжал, топал ногами так, что стены сотрясались от воздуха. Хорошо ещё, что не ударил, хотя тут не знаешь, что лучше. Столько всего нагородил, что за всю жизнь не разгрести.

Это же уму непостижимо? Обвинить Фаюшку в том, что якобы сын единственный не от него. Да как так можно? Плохо, что Зинка в этот момент была рядом и всё слышала, разнесёт теперь сплетни по всей деревне.

Да пусть брешет, что захочет, сколько можно обращать на неё внимания? Всю жизнь золовка плела интриги, настраивала брата против, обвиняя Бог знает в чём. Андрей покойник бывало придёт домой и ну лупцевать всех подряд.

"Господи, сама толком не жила и дочери жизнь испоганила. Бедная моя девочка, как же тебе несладко живётся? За что же так судьба с тобой обошлась? Да чего уж там, разве это судьба виновата? Ведь своими руками отдала Фаюшку насильнику на заклятие", — Раиса не выдержала гнёта раскаяния и беззвучно заплакала от бессилия и невозможности повернуть время вспять, чтобы всё исправить.

Погрузившись в свои мысли, Фая не сразу заметила, что мать уже полностью пришла в себя. Женщину тревожила невозможность уведомить любимого о том, где она сейчас находится.

Надо бы хоть как-то предупредить, что из-за болезни матери пришлось срочно уехать, а то неизвестно, что он может подумать. Одна надежда на тётку, та поди уже всем доложила об утреннем происшествии.

В деревнях ведь как, будут мусолить слухи, пока не наскучит или не найдётся другая тема для разговоров. То, что Зинаида поведает всем и каждому сплетни о родной племяннице, не вызывало никаких сомнений. Так всё и вышло.

Именно в это самое время Илья был занят разговором с квартирной хозяйкой, вернувшейся из магазина. До той ещё с утра дошли слухи о том, что случилось с Раисой и она уже успела ему об этом рассказать.

Потом сходила в магазинчик и узнала, что это ещё не все новости. История с Раисой получила продолжение. То, что болтали про Файку было гораздо занимательнее, слухи о ней разрослись снежным комом.

Уже к вечеру только ленивый не знал о том, что оказывается сына Фая родила не от законного мужа, а от любовника. Это в семнадцать-то лет? Всем старожилам сразу стало понятно, почему она так рано выскочила замуж. Оказалось, чтобы грех свой прикрыть.

Баба Шура несколько припозднилась и практически последняя узнала обо всех подробностях. Старушке не терпелось поделиться услышанным с кем-то несведущим и она

решила излить полученную информацию на заезжего постояльца.

Тот был с самого утра смурной и всё больше помалкивал, вполуха слушая старую сплетницу, с упоением пересказывающую последние деревенские новости. До Ильи даже не сразу дошло о ком вообще идёт речь.

— Ой, что творится, вся деревня с самого утра гудит, все только об этом и говорят. Мужчина поймал жену с любовником и устроил дикий скандал прямо при больной теще. Бедной женщине стало плохо и зятю пришлось срочно везти её в больницу.

— Вы мне уже об этом рассказывали, — равнодушно ответил Илья.

— Так ты же ещё не про всё знаешь. Там такое произошло, ужас просто, — взахлёб твердила квартирная хозяйка, картинно заламывая руки.

— И чего только этой Файке не хватало? Ведь всю жизнь как сыр в масле катается, а всё туда же, гулять от Кольки удумала. Говорят, что она с юности была такой. Оказывается и Димку своего родила не от мужа, а от какого-то Илюхи, тёзки твоего. Потом замуж быстренько выскочила, да не абы за кого, а за сына председателя сельсовета, и тем свой грех прикрыла. Зинаида своими ушами слышала весь тот скандал, от начала и до конца. И про то, что Колька взял Фаину силой, потому видать и грех её согласился прикрыть, не иначе боялся, что посадят. В те времена с этим было строго, не посмотрели бы, чей он сынок.

— Так вот оно в чём дело? — Илья был потрясён услышанным, а бабка согласно кивала головой, мол, и действительно, такое и на уши не натянешь.

— А где они сейчас?

— Кто, миленький?

— Как кто? Фая с мужем и матерью.

— Так кто же их знает? В городе наверное, там Райку враз вылечат. Колька стал большим начальником, как и отец, у него денег куры не клюют. Да только толку от этого ноль, раз жинка с другим зажимается. Ты куда, миленький? Мы же с тобой ещё не всё обсудили?

Но Илья уже бежал к дому Зинаиды, ведь только она могла знать городской адрес племянницы. Неужто Фаина и правда родила сына от него, а не от мужа? Тогда это ещё больше усугубляет её вину.

Глава 1 °Собака лает, караван идёт

Среди деревенских сплетниц Зинаида имела вес, поскольку всё про всех знала. Не имея личной жизни, она с удовольствием совала нос в чужие дела и делала свои выводы основываясь на собственном мировоззрении и мышлении. Не зря же говорят, что каждый судит по себе?

Любой скандал, семейные дразги или соседские склоки вызывали в ней жуткий интерес и неуёмную жажду выведать все подробности, чтобы донести их в массы. Женщина обожала разного рода скабрёзности и с жаром вынюхивала, кто с кем спит, чем живёт и дышит.

Многое домысливала в силу своей узколобости, выдавая за истину в последней инстанции. Покойный супруг был не в меру слабохарактерным и она вертела им, как хотела, считая своим вечным должником за то, что когда-то выбрала себе в спутники жизни.

Когда мужа не стало, Зинка искренне его оплакивала, ещё бы, ведь она осталась одна одинёшенька. Погоревав для порядку месяц, другой, стала присматриваться к вдовым мужичкам, вместе, мол, не так скушно век коротать, но никто не желал становиться её марионеткой.

С годами характер Зинаиды стал ещё более невыносимым, хотя, казалось бы, куда ещё больше? Попасть к ней на язык побаивались многие односельчане. Раиса знала свою золовку, как облупленную, потому и испугалась, что та разнесёт новости о её дочери по всей округе.

Так и случилось. Старая сплетница за короткий срок умудрилась оповестить всех своих подружек, так же, как и она, страдающих недержанием речевого аппарата, а остальное уже доделало сарафанное радио. Прошло всего ничего, а имя Фаи полоскали по деревне на все лады.

Зинаида сделала своё чёрное дело, после чего со спокойной совестью уселась обедать и с большим аппетитом предавалась трапезе, ничуть не раскаиваясь в том, что облила грязью родную племянницу.

А чего, собственно говоря, стеснятся, если она сказала правду и ничего кроме правды? Фаина ведь не стыдится того факта, что забыла про тётку? Мало того, открыто презирает и даже не старается это скрыть. Вот и пусть теперь пеняет сама на себя.

В конце концов, никто же не заставлял её изменять собственному мужу? Бедный Колька, это же сколько лет он терпит Файкины гульки? Почитай, больше 20. С другой стороны, сам виноват, чай не слепой, видел кого брал. Хотя, все мужики одинаковы, думают не головой, а одним местом.

Какой продуманной оказалась эта маленькая стерва в свои 17 лет. Переспала с одним, с другим, потом забеременела и решила продать себя подороже. Захомутила богатенького, а не какого-нибудь голодранца.

По всему видать, мела хвостом перед взрослым мужиком, распалила его до крайности, а потом и лапки кверху, ах, меня изнасиловали. Нет ничего удивительного в том, что Николай испугался и согласился не только жениться, но и принять чужого ребёнка.

Разве кому охота срок мотать ни за что, ни про что, да ещё и по такой статье? Всем известно, что за эти дела на зоне по головке не погладят. В общем, окольцевали Кольку дурака, не смотри, что сейчас при должности.

Перекручивая в голове утреннее происшествие и смакуя подробности, Зинаида довольно

улыбалась, когда закончила свой обед и принялась чаёвничать. Она с шумом прихлёбывала горячий чай, запивая большой кусок рыбной кулебяки, которую собственноручно сляпала на скорую руку.

Хозяйка она была не ахти какой, да ещё и видела плохо, поэтому в начинке кое-где попадались рыбки кости. Тем не менее, пирог удался, во всяком случае, сама стряпуха с удовольствием съела два куска и потянулась за третьим.

В это время Илья подошёл к её дому, постучал разок другой по калитке и вошёл, оглашая двор громким возгласом:

— Хозяева, гостей принимаете?

В ответ тишина, никто не полюбопытствовал, что за гость такой вдруг нагрязнул? Старый пёс, сидящий на привязи, всю заливался громким лаем. Мужчина подошёл к двери и снова постучал, но никто так и не открыл.

Он уже хотел повернуться и уйти, но тут послышался грохот и глухой стук, как будто кто-то упал на пол. Раздумывать было некогда, Илья толкнул дверь и вошёл в чужой дом. Глазам его предстала страшная картина.

Смакуя пирог, Зинаида подавилась, рыбья кость проколола ей язык и встала поперёк, не давая вздохнуть. Она лежала на полу с выпученными глазами и держалась за горло, хрипя из последних сил, и уже мысленно распрощалась со своей жизнью, когда на пороге появился её спаситель.

Незнакомец быстро оценил обстановку, схватил хозяйку в охапку, повернул лицом к себе, открыл старушечью пасть, сунул руку и одним движением вынул кость, едва не ставшую причиной её смерти.

Язык распух и слизистая горла была сильно оцарапана, но это всё было не смертельно, главное, что она наконец смогла дышать, хоть и страшно сипела, когда благодарила Илью за помощь.

— Спасибо тебе, мил человек. Ох, чуть было Богу душу не отдала, вся жизнь перед глазами пробежала.

— Как вы, всё нормально?

Тётка уже пришла в себя, но ей настолько понравилось находиться в центре внимания молодого симпатичного мужчины, что она решила сделать вид, что всё ещё плохо себя чувствует. Чем чёрт не шутит, а вдруг судьба?

Сколь там промеж них разница, лет 10–15? Да хоть и все 20, что это меняет, если у людей есть тяга друг к другу? Хитрая женщина закатила глаза и произнесла томным голосом:

— Сама не пойму, что со мной, перед глазами круги плывут и в жар бросает, в грудях так и жжёт. Наверное давление скакнуло.

— Может вам фельдшера позвать или в больницу отвезти?

— Лучше отвези в больницу, а то точно помру.

Раздумывать было некогда и Илья побежал во двор к бабе Шуре, где оставил свою машину. Уже через 10 минут он посадил Зинаиду в салон и повёз её по дороге в райцентр. Разговор о Фае мужчина решил оставить на потом, когда его подопечной станет лучше.

Тем временем, сама Фаина была занята тем, что кормила мать скудным больничным ужином. Раиса всё порывалась поговорить с дочерью и обсудить произошедшее, но та не давала и рта раскрыть, увещевая и успокаивая:

— Мам, давай позже, не сейчас, а то тебе опять станет плохо.

— Доченька, я так перед тобой виновата, прости меня грешную.

— Я же сказала потом, ешь давай, поправляйся.

Чуть позже, дождавшись, когда мать уснёт, Фая снова подошла к окну и увидела, как ко входу подкатил большой автомобиль из которого вышел Илья, собственной персоной. Он подскочил к пассажирскому сиденью, вывел под ручки тётку Зинаиду и повёл в приёмный покой.

— Господи, что могло приключиться с этой старой симулянткой? — ахнула Фая в голос, потом вовремя спохватилась и оглянулась на мать, мирно посапывающую на узкой больничной койке.

Стараясь её не разбудить, Фаина вышла из палаты, прикрыла дверь и пошла по лестнице вниз, где намеревалась встретиться с Ильёй. Не иначе, сама судьба распорядилась, чтобы они увиделись и обо всём поговорили.

Сбагрив несносную тётку медикам, Илья остался ждать в коридоре, где рассматривал висевшие на стенах медицинские плакаты, которые предупреждали о вреде курения, риске инфарктов и инсультов, с подробным перечислением первых признаков.

Он надеялся после осмотра поговорить с Зинаидой начистоту и узнать адрес её племянницы. Почувствовав на себе чей-то взгляд, мужчина поднял голову и увидел Фаину, направляющуюся прямоком к нему. Она шла навстречу и улыбалась, пока ещё не подозревая о том, что её ждёт.

Глава 11 Что было, то былём поросло

Несмотря на холодность, исходящую от любимого, Фаина еле сдержала себя, чтобы не броситься ему на шею. Уже по тому, как сухо поздоровался Илья, было понятно, что он очень зол на неё.

— Привет, Илюша, очень рада, что ты приехал, я как раз искала возможность известить тебя о том, где нахожусь.

— Да уж, я изрядно поволновался, прежде чем понял, что оно того не стоило.

— Прости, утром маме стало плохо, пришлось срочно везти её в больницу, потому и не смогла предупредить, что уезжаю.

— Знаю, нашлись добрые люди, рассказали, что случилось.

— Ты тётку мою имеешь в виду? Уж эта своего не упустит, ничуть не сомневаюсь в её прыти. Мне показалось, или ты злишься на меня?

— А сама, как думаешь? Ты ведь уехала не с кем-нибудь, а с мужем, хотя ещё вчера говорила, что уйдёшь от него.

— Так я от своих слов и не отказываюсь и Николаю тоже об этом сказала. Он устроил жуткий скандал, столько гадостей наговорил, что вовек не отмоешься.

— И ты ещё после этого спокойно села к нему в машину? А ко мне почему не обратилась? Я же не отказал твоей тётке и привёз её сюда?

— Ну, знаешь ли, у меня не было времени на то, чтобы выбирать с кем ехать, каждая минута была дорога.

— Хорошо, тогда объясни, почему я узнаю от посторонних то, что ты должна была сама мне рассказать? Вся деревня гудит, перемывая тебе косточки.

— Так вот, что тебя беспокоит, Илюшенька? Не знала, что для тебя, как и для моей матери, так важно чужое мнение.

В вестибюле было достаточно многолюдно, поэтому Илья старался говорить приглушённым тоном. Фаина же напротив отвечала вызывающе громко, не боясь быть услышанной.

— Я понимаю, лучшая защита — это нападение. Ты прибегла к старому, как мир способу, Фаюшка. Ничего я не боюсь, так же, как не боялся 20 лет назад. Но всё же, больница не место для выяснения отношений. Предлагаю нам обоим успокоиться и поехать туда, где можно обсудить всё без участия посторонних лиц.

Необходимость расспрашивать Зинаиду отпала и Илья решил её не ждать. Он отвёз Фаину в кафе, стоявшее неподалёку от больницы, посетителей было не много и они расположились за одним из свободных столиков.

— Не знаю, как ты, а я очень голоден.

— Да, я бы тоже съела что-нибудь.

— Тогда предлагаю вначале поужинать, а уже потом разговаривать. Как говорят в армии, война войной, а обед по расписанию.

Совместный ужин проходил в молчании. Фая вяло ковыряла вилкой в тарелке, зато Илья ел с аппетитом, словно на данный момент для него это было единственно важным делом. После еды настала пора для откровенного разговора.

— Ну что, теперь давай, рассказывай всё, только не пытайся ничего скрыть, не утаивай ни одной детали.

— Даже не знаю, с чего начать. Спрашивай, что именно тебя интересует?

— Начни с самого главного. Расскажи, что случилось 20 лет назад? Но вначале, я хотел бы знать, кто отец твоего ребёнка?

— Так ты и об этом уже знаешь?

— Да, представь себе. Как и о том, что Николай тебя изнасиловал. Почему ты мне не сказала?

— Не сказала о чём? О насилии или о беременности?

— Обо всём, Фая, обо всём. Я ведь и правда тогда поверил, что ты любишь этого губошлёпа. Знай я всю правду, не задумываясь свернул бы ему шею.

— Вот этого я и боялась. Тебя бы посадили, а я бы осталась одна против всех. Думаешь, почему я согласилась выйти за него замуж? Потому что меня даже родная мать не поддержала, что уж говорить о других? Я поняла, что Расскажи я ещё кому-нибудь об этом, никто бы не поверил. Или сказали бы, что сама виновата.

— Я бы тебе поверил и поддержал.

— Что ты тогда мог сделать? Ты был слишком молод, чтобы противостоять Николаю и его отцу, я не хотела ломать тебе жизнь. Вряд ли бы ты добился того, что имеешь сейчас.

— Это всё отговорки, для меня тогда в один миг мир рухнул. А ведь мы могли быть счастливы вместе, если бы не твои страхи.

— Как знать, может и не были бы? Смог бы ты принять меня, зная о том, что произошло? Я чувствовала себя испачканной, грязной, и не хотела замарать ещё и тебя. Скажи, Илюша, к чему теперь гадать, что могло с нами быть? Что было, то быльём поросло.

— То есть тебя даже не волновал тот факт, что возможно это мой сын?

— Да откуда я могла знать об этом? Семнадцатилетней девчонке трудно понять от кого именно она забеременела, особенно если учитывать, что насилие произошло на следующей день после нашей памятной встречи под теми двумя берёзами.

— Скажи, почему ты не ушла от него?

— Куда бы я пошла с ребёнком на руках? Ни дома, ни профессии. Вот я и терпела.

— А потом, когда сын подрос и ты уже работала? Может тебя всё устраивало, раз вы больше 20 лет прожили вместе?

— Нет, не устраивало, я пыталась уйти, но Николай пригрозил убить Димку и я побоялась, я ведь уже об этом рассказывала. Это сейчас, когда ты рядом со мной, я ничего не боюсь.

— Твоему мужу придётся дорого за всё заплатить, не успокоюсь, пока не засажу его за решётку.

— Ничего уже не докажешь, прошло слишком много времени. Знаешь, даже если мы с тобой не будем вместе, я всё равно к нему не вернусь.

— Я ещё ничего не решил, мне нужно время.

— Всё понятно, думай. А пока отвези меня в больницу, мама вот-вот проснётся и будет волноваться, что меня нет рядом.

Илья высадил Фаину у входа, она сухо кивнула на прощание и скрылась в дверях, после чего он уехал обратно в деревню. В это время тётка Зинка стояла на вокзале, где долго ждала последнего автобуса.

За время своей многолетней службы пожилому врачу райцентральной больницы довелось перевидать много разных пациентов. Большинство из них были людьми простыми с обычными запросами и желаниями, вели они себя тихо, разговаривали с почтением,

отдавая отчёт, где находятся.

Конечно, попадались и капризные, не без этого, но таких интересных личностей, как Зинаида, он ещё не встречал. Меньше всего она походила на больную, нуждающуюся в медицинской помощи. Илья сдал женщину с рук на руки медикам, но едва переступив порог смотровой комнаты, та повела себя очень странно.

— Здравствуйте, на что жалуемся?

— Доктор, миленький, сделайте что-нибудь с моим голосом, — гнусаво просипела женщина, складывалось впечатление, что это её природный тембр.

— Не понял, вы это про что?

— Как про что, вы разве не слышите? Сделайте так, чтобы я так не сипела.

— Это единственное, что вас беспокоит на данный момент?

— А разве этого мало? — обиделась чудаковатая пациентка.

— Простите, но тогда вам нужен фониатр.

— Фони что?

— Фониатр. Обратитесь в понедельник в регистратуру поликлиники и вас запишут к нужному специалисту.

— Интересно, а вы тогда здесь на что? Вы врач или шарлатан?

— Голубушка, у нас не кузня, здесь лежат больные, а не желающие перековать голос, как в сказке про волка и козу маму.

— Вы что несёте, какой волк, какая мама? Это вы меня что ли козой назвали? Да я на вас жаловаться буду, в газету напишу о том, что здесь происходит.

— Извините, я не про вас, а про героев сказки, неужто не читали?

— Всё понятно, всё бы вам хиханьки, да хаханьки. Немедленно меня осмотрите, не то хуже будет.

— Хорошо, раздевайтесь.

— Это ещё для чего? — опешила больная, посчитав, что немолодой доктор преследует цель полюбоваться на её прелести.

— Что значит для чего? Для того, чтобы я вас осмотрел.

— Но у меня ничего не болит.

— Зачем же вы приехали?

— Как зачем? Я за обедом подавилась рыбьей костью и не могу нормально разговаривать, а вы вместо того, чтобы помочь, сказки мне рассказываете и раздеть пытаетесь. Вы что, маньяк?

— Вот теперь мне всё ясно, с этого и нужно было начинать. Тогда откройте рот и покажите язык.

Доктор осматривал широко открытую пасть, а потом вдруг решил подшутить над шумной тёткой и немного её наказать. Он приказал закрыть рот и пощупал женщине шею, после чего озабочено произнёс:

— Так, так, всё гораздо серьезнее, чем я думал.

— Что там, доктор? — не на шутку испугалась Зинаида.

— Вижу кость вам уже вытащили, это плюс. Но вынужден огорчить, вам нельзя разговаривать, да и петь тоже противопоказано.

— В смысле, совсем нельзя или на время?

— Тсс, я же сказал, нельзя разговаривать, даже шёпотом, так как возможен рецидив. В целом же ничего страшного, в течение 10 дней нужно полоскать горло отваром ромашки,

утром, в обед и вечером. А ещё советую избегать сквозняков, но самое главное, старайтесь изъясняться жестами, помните, молчание — золото.

— Доктор, а пирог мне можно доесть? — рискнула спросить тётка, поскольку показать жестами не получилось.

— Вы что, ни в каком случае, хотите снова подавиться? И я же просил вас молчать, ни слова больше, пока не наступит улучшение.

Как только Зинаида притихла, прикусив свой длинный язык, в комнате наступила благодатная тишина. Доктор был чрезвычайно серьёзен, записывая неразборчивым почерком диагноз и рекомендации в карту пациентки, зато медсестра еле сдерживалась, чтобы не рассмеяться.

— Ну всё, можете быть свободны. Через 10 дней в поликлинику, к врачу на приём. А там, что он скажет, разрешит разговаривать, значит всё хорошо.

Растерянная вердиктом врача, женщина вышла в коридор. За всю свою жизнь она ни разу не болела ничем серьёзным, даже в детстве, а тут, как на грех, подавилась рыбьей костью и сразу же возникли сложности.

Теперь придётся 10 дней молчать, чтобы не допустить рецидива, а это ой как нелегко, тем более, когда есть, что рассказать. Да что же за день сегодня такой? Прямо сплошное огорчение, а не день.

А тут ещё куда-то запропастился тот симпатичный мужчина, что спас её от верной гибели и привёз в больницу, хотя обещал подождать. Без женщины тут точно не обошлось. Стоило только оставить понравившегося мужичка одного, как тут же увели проклятые под белы ручки.

Для пущей верности Зина искала Илью в закоулках и окрестностях больницы, но тот, как сквозь землю, провалился. Делать нечего, придётся ехать одной, нужно успеть на последний автобус, а то как бы не пришлось добираться домой на попутках.

Плюнув с досады и проклиная всё на свете, Зинаида вышла с главного входа и направилась на вокзал. Автобусы ходили нерегулярно, всё зависело от обязательности водителя.

Это был поистине несчастливый для бедной женщины день. Простояв в гордом одиночестве несколько часов кряду, она так и не дождалась автобуса и смогла добраться до дому только ближе к ночи. Ни одна из попуток не желала останавливаться перед голосующей хмурой тёткой.

Наконец над ней сжалился один сердобольный тракторист и согласился подвезти на своём чадающем транспорте до ближайшего поворота на деревню, откуда пришлось чапать ещё несколько километров пешком.

Дома ждали соблазнительные куски недоеденной рыбьей кулебяки, но памятуя о том, что сказал врач, Зина поделила пирог между котом и собакой, а сама довольствовалась жиденьким супчиком. Спать легла голодная и злая.

Глава 12 Разговор начистоту

Разговор с Ильёй дался очень нелегко, Фаина уже не знала, что и думать, на душе остался горький осадок. Даже спустя 20 лет, любимый остался тем же обиженным мальчишкой, для которого важнее доказать свою правоту, нежели отстаивать чувства.

Особенно покорило то, что он ничего не спросил о сыне и даже не поинтересовался его планами на жизнь, чем увлекается, как выглядит? Фая могла бы показать Димкину фотографию, на которой он очень похож на него, один в один, не заметить этого просто невозможно.

Сердце матери было переполнено невыносимой тоской и печалью. Она лишний раз уверилась, что поступила правильно, расставшись с Ильёй в далёкой юности, всё равно бы ничего хорошего не вышло.

Судя по поступкам, их совместная жизнь состояла бы из упрёков и подозрений. Ещё неизвестно, как бы он относился к собственному сыну. Николай по крайней мере не обижал Димку, а просто тихо ненавидел за то, что тот был живым напоминанием того, кого продолжала любить Фая.

Муж отыгрывался на ней, изматывая ночами, заставляя с ним спать, буквально насиловал своей любовью, стараясь произвести на свет своё потомство. Но ничего не вышло, Бог не Тимошка, видит немножко, потому и не дал Николаю такой возможности.

Зато он снова дал шанс Илье и Фаине быть вместе, когда спустя много лет свёл их в той самой берёзовой роще, куда оба пришли одновременно, не сговариваясь, тоскуя по общему прошлому.

Казалось бы, любовь всё ещё жива и чувства взаимны, но нет, слишком много условностей стоит между ними. Видно не судьба Фае быть счастливой, заплутало где-то её женское счастье, не может пробиться и найти дорогу.

Она вернулась в палату в расстроенных чувствах и хотела только одного — лечь, уткнувшись в подушку и долго плакать, пока не полегчает. Но и этого было нельзя делать, поскольку мать уже пробудилась ото сна и ждала её появления, молясь, чтобы ничего не случилось.

Угрозы зятя во время утреннего скандала были нешуточными. Кто знает, что он затеял? Раиса боялась мести Николая, как огня, и поэтому не могла найти себе места в тягостном ожидании. Когда дочь снова появилась, у неё сразу отлегло от сердца.

— Доченька, где ты была? Я уже все глаза проглядела, встать хотела к окошку, но побоялась упасть.

— И правильно сделала, что не встала, ещё переломов нам только не хватало. Прости, что напугала, я просто решила прогуляться, пока ты спишь, да к тому же есть очень хотелось. Зашла в кафе неподалёку, перекусила, и тебе вкусенького принесла, купила зефир и рогалики к чаю, — ответила Фая, улыбаясь через силу, ей пришлось взять себя в руки, чтобы не волновать мать понапрасну.

— Спасибо, моя хорошая. Николай больше не приезжал?

— Нет, не приезжал и очень надеюсь, что не приедет. Зачем он нам, правда?

— Правда, доченька, он себя очень безобразно повёл, да ещё и угрожать вздумал. Мне до сих пор страшно об этом вспоминать, проснулась, а тебя нет, подумала, не дай Бог, Колька вернулся и причинил тебе боль.

— Зачем ты себя накручиваешь, мама? Даже если и вернётся, ничего страшного, покричит немного и перестанет. В конце концов, свыкнется с мыслью, что я к нему не вернусь и успокоится.

— Ты твёрдо это решила, Фаюшка? Он ведь может сделать с тобой всё, что угодно.

— Ничего он мне не сделает, не посмеет. Отбоялась своё, хватит.

— Что теперь с нами будет? Со мной, с тобой, с Димкой?

— Мам, всё в порядке, не надо бояться.

— Разговоры по деревне пойдут, нашим кумушкам только дай повод языками почесать, одна Зинаида чего стоит.

— А разговоры наверняка уже пошли, вряд ли любимая тётушка упустит возможность позлорадствовать.

— Ой, не говори, принесла ведь её нелёгкая с самого утра. Доченька, скажи, а это правда, что Дима не сын Николая?

— Правда, мама, не его.

— Господи, час от часу не легче, он ведь тебя теперь гулящей перед всеми выставит.

— И что мне теперь делать? Снова прикажешь молча терпеть и не разводиться? Ты совсем не меняешься, мама. Всю жизнь боишься того, что скажут люди.

— Ну а как без этого, доченька? Чай не в лесу живём?

— Мам, давай лучше не будем об этом, а то ты сейчас снова разволнуешься, не хочу лишний раз огорчать тебя своим несогласием.

— Фаюшка, давай поговорим, прошу тебя. Мне хочется до конца прояснить всё, чтобы между нами больше не было недомолвок. Обещаю, что не буду волноваться, мне наоборот хочется освободить своё сердце. Давай начистоту, доченька. Скажи, что я делала не так?

— Так сразу и не ответишь, мама. Много раз я пыталась оправдать твои действия, но всякий раз мне что-то мешало принять и понять тебя до конца. Мне до сих пор непонятно, почему ты не привила нам, своим детям, чувство братства и локтя?

— В каком смысле не привила?

— Мы же недружные выросли и между собой почти не общаемся, не смотря на то, что родные люди.

— Но я старалась всё для вас делать, вы были накормлены, одеты и обуты, во всяком случае выросли не хуже других.

— Мам, недостаточно просто накормить, детям, помимо сытости, нужно ещё кое-что.

— Что, например?

— Ребёнку необходимы родительская любовь и ласка, а что мы видели? Пьяные дебоши отца и вечно униженную мать, оглядывающуюся на мнение других людей?

— Попрошу тебя, Фая. Отец давно умер, а о покойниках либо хорошо, либо ничего. Какой бы ни был, он ваш отец и другого у вас нет.

— Хорошо, не будем об отце, давай о тебе поговорим.

— Давай поговорим. Скажи, разве я была плохой матерью? Пила, курила, или может гуляла от вашего отца?

— Да причём тут это, мам? Я про другое, ты же нас даже не обнимала никогда, разве что, когда мы совсем маленькими были.

— Легко рассуждать, Фаюшка, когда у тебя всего один ребялёнок. А у меня вас сколько было? Сколько готовки, стирки, уборки, да глажки? Какая уж тут ласка, когда к вечеру ног под собой не чуешь и валишься от усталости, мечтая доползти до кровати?

— Мам, а разве мы тебе не помогали? Готовили, убрали, стирали, за скотиной смотрели, в огороде всё делали. Помимо этого, ещё и в школе все хорошо учились. Мне порой так хотелось, чтоб ты хотя бы просто похвалила, сказала какая я молодец и что ты мной гордишься. Уверена, что этого хотела не только я, но и остальные твои дети.

Раиса не выдержала и расплакалась от обиды и Фая была вынуждена замолчать. Нелегко принять такую нелицеприятную правду о себе, особенно, когда в глубине души и сама всё о себе знаешь.

— Давай не будем, ма. Прости, если обидела. Я всё равно тебя очень люблю и никогда не оставлю. Давай я тебя покормлю, скоро придёт медсестра, сделает укол. Пойду чайник поставлю, будем пить чай с вкусными рогаликами и твоим любимым зефиром.

— Мы же ещё не договорили, доченька.

— Ничего страшного, после договорим. У нас с тобой ещё будет уйма времени для долгих разговоров, потому что мы теперь будем жить вместе, я сниму квартиру и заберу тебя в город.

— А на кого я хату свою оставлю, на Зинку? Она же всё приберёт к рукам.

— Не приберёт, дом закроем, пусть постоит до лучших времён. Всё равно тебе не дадут там жить спокойно, тётка так и будет нервы мотать.

Она ещё не знала, останется ли с ней Илья, но сама для себя твёрдо решила, что в любом случае заберёт мать к себе и больше не будет поддаваться унынию, оглядываясь на чужое мнение. Ничего, через полгода вернётся сын из армии и ей станет намного легче.

Меж тем, Илья тоже размышлял обо всём, прокручивая в голове трудный разговор с Фаиной, глаза которой были полны страдания и боли. Он проклинал себя за свои слова, когда сказал, что ничего ещё не решил.

Ночью долго лежал и думал, вспоминая о прошлом, пока не погрузился в тяжёлый сон, тягучий и вязкий, как болотная жижа. Ему снилось прошлое, которое так и не удалось забыть, несмотря на все старания и попытки.

Перед глазами снова возникло лицо любимой в момент, когда она говорила о том, что больше его не любит и выходит замуж за другого. Он взрослый состоявшийся мужчина стоял неподалёку и смотрел на всё со стороны, уже зная горькую правду.

Увидел себя мальчишкой, с презрением сплёвывающим под ноги и уходящего прочь, увидел Фаю, глотавшую слёзы. Она долго смотрела ему вслед и просила прощения, говорила, что любит по-прежнему, но не может поступить иначе.

Совсем ещё юная девчонка избавила Илью от трудного выбора и позаботилась о его светлом будущем, которого и в самом деле могло бы не быть. Признайся она, как было на самом деле, вся деревня злословила бы, восстав против неё.

Мало кто из односельчан поверил бы Фаяе, скорее наоборот, многие бы приняли её откровения за поклёп на уважаемую семью. Если уж родная мать, стараясь избежать сплетен и досужих разговоров, позволила себе отдать дочь насильнику, что тогда говорить о других?

Даже во сне Илья понимал, что не было у неё другого выхода. Но в то же время как свыкнуться с мыслью, что любимая 20 лет жила с насильником, который воспитал его сына? Что могло вырасти с пацана в таких условиях? Обрадуется ли Дмитрий тому, что на самом деле Николай ему неродной?

Глава 13 Ржавый гвоздь

Не только Илье не спалось в ту ночь, Татьяна Викторовна тоже вспоминала события давно минувших дней, прокручивая их на сон грядущий. После того, как по деревне разошлись слухи о том, при каких условиях Фаина вышла замуж, она сразу поверила, что всё это может быть правдой.

Уж больно быстро тогда у молодых всё сладилось. А ещё вспомнилось, как незадолго до известия о скорой свадьбе Николая, тот пришёл и просил подтвердить, что весь вечер провёл с ней.

Мол, если вдруг будут спрашивать, Таня должна ответить, что после занятий танцевального кружка они ушли вдвоём. У мужчины было оцарапано лицо и шея, но он при этом был преувеличено весел.

На вопрос, что случилось, отшутился и сразу же стал тянуть её в постель, после всего поцеловал на прощанье, сказал, что любит и ушёл домой. А уже на следующий день по деревне пронёсся слух о его женитьбе.

Потом Николай на долгие годы исчез из жизни Татьяны и только спустя много лет они снова встретились. Оказалось, что чувства к некогда любимому мужчине никуда не делись. Откуда ей было знать, что он из себя представляет на самом деле?

Теперь-то уж стало понятно, зачем он тогда приходил. Ему позарез понадобилось алиби на случай, если бы родители изнасилованной девушки дали делу ход. Но те предпочли спешно выдать дочь замуж.

Фая всегда была открытой и жизнерадостной, она щедро делилась со всеми своей добротой, и уж точно не смогла бы скрыть ухаживания будущего мужа. Видно пришлось покориться судьбе.

То, что с ней случилось, поражало своей чудовищностью и никак не желало укладываться в голове. Как Николай мог так поступить? Чего ему не хватало? Взрослый мужчина фактически сломал жизнь совсем ещё юной девчонке, а потом прикрыл своё преступление, женившись на ней.

Да ещё выяснилось, что на момент насилия Фаина уже была беременна, а значит у неё был другой. Татьяна Викторовна вспомнила, как выглядел тот парень, что всё время крутился около девушки, кажется его и правда звали Ильё.

Как бы она ни относилась к Николаю, но оправдать не могла, это означало бы предать свои убеждения и идеалы. Всё её женское естество протестовало против того, что он сотворил, такое поведение недостойно мужчины.

А ведь после той памятной встречи в мэрии, их отношения сразу же вышли за рамки дружеских. Да и как иначе, если Татьяна продолжала любить Николая, даже зная, что он женат? Тем более, что в своей неудавшейся личной жизни она обвиняла Фаину.

В деревню учительница попала по распределению, местные жители относились к ней с почтением, но, в то же время, с некоторой настороженностью, как к любому другому пришлому люду.

Свободных мужчин одного возраста с Татьяной Викторовной было наперечёт, а с женатыми она не хотела связываться. Исключением стал Николай. Татьяне Викторовне казалось, что она не делает ничего плохого, а всего лишь возвращает своё.

Теперь же, от одной только мысли, что он может приехать и снова захочет близости,

женщину бросало в дрожь. Нет уж, нужно всеми возможными способами этого избежать, ещё не хватало спать с насильником.

Стоило только об этом подумать, как раздался стук вначале в ворота, а потом и в окошко, заставив вздрогнуть её от ужаса. Кого там принесла нелёгкая? Оказалось, что Николая, хотя обычно она сама ездила к нему в город.

Видно что-то срочно понадобилось, раз снова пожаловал. Мог хотя бы позвонить и предупредить заранее, а если она не одна ночует? Что за странные манеры у человека? Экая бесцеремонность.

Татьяна решила не открывать, пусть думает, что её нет дома, но не тут-то было. На узком подоконнике предательски громко зазвенела подаренная им Моторола. В деревне даже стационарный телефон был не у всех и Таня чрезвычайно гордилась подарком.

Он преподнёс ей мобильник совсем недавно, примерно такой же подарил жене, но уезжая к матери, та демонстративно оставила его дома, решив, что позже купит себе что-нибудь попроще и подешевле.

— Татьяна, я знаю, что ты дома.

Пришлось топтать к калитке, иначе наутро придётся самой стать для односельчан притчей во языцах. Зябко кутаясь в пуховую шаль, Таня открыла засов и впустила мужчину во двор.

— Почему так долго не открывала?

— Да я уже десятый сон видела, откуда мне было знать, что ты снова в гости нагрянешь, вот же только утром расстались? — ответила она, притворно зевнув, после чего добавила:

— Ты по делу, или просто переночевать?

— И то, и другое. А ты что, против?

— Почему это? Совсем нет.

— Тогда чего в дом не приглашаешь? Или не рада видеть?

— Рада конечно, проходи, просто я спросонья туго соображаю.

Войдя в дом, Николай первым делом притянул женщину к себе, грубо облапил, ощупывая с ног, до головы. Она обычно реагировала как надо и с готовностью отвечала на ласки, а тут застыла, как неживая.

— Да что с тобой происходит, ты чего стоишь, как истукан? Каменных изваяний мне и дома хватает.

— Так может причина в тебе?

— Не понял, ты это сейчас о чём?

— Зря ты приехал, Николай, да ещё вот так, в открытую, соседи ведь могли увидеть.

— Что-то тебя это совсем не волновало, когда уговаривала меня остаться на несколько дней. Или с утра что-то изменилось?

— Да, именно так, всё изменилось.

— Что, кого-то уже нашла? Быстро, однако, ещё после меня не остыла, как тут же под другого легла? Где он, показывай?

— Не болтай глупостей, никого я не нашла.

— То-то же, а то смотри-ка, отказывать мне вздумала. Запомни, когда мне хочется, я всегда получаю своё.

— Так об этом теперь многие знают, вся деревня в курсе, что ты и жену свою взял силой.

— Не нужно верить всему, что болтают, Танюша. Подожди, ты поэтому так себя

ведёшь? Неужто отвращение ко мне испытываешь?

— Угадал, не хочу иметь дела с насильником.

— Вон как ты заговорила? А что же всё это время бегала за мной, как приклеенная, да ещё просила жену бросить и на тебе жениться?

— Потому что я тогда ещё не знала какое ты чудовище.

У мужчины потемнело в глазах, чудовищем его обычно называла жена, когда всхлипывая отбивалась от него ночами, а теперь и эта курица вздумала молотъ языком, чего ни попадя. Шагнув к любовнице, он крепко схватил её за руку.

Яростно сопротивляясь, Татьяна с силой вырвала руку, а Николай вдруг неожиданно резко отпустил. Не удержавшись, она отлетела назад и ударилась затылком о большущий гвоздь, который торчал из стены в напоминание, что дому не хватает мужских рук.

Когда и кем этот гвоздь был приколочен, для какой-токой надобности, неизвестно, но именно он стал причиной мгновенной смерти Татьяны Викторовны, всеми уважаемой деревенской учительницы музыки и танцев.

По остекленевшим глазам любовницы Николаю сразу стало понятно, что она мертва. Он в панике заметался по дому, лихорадочно соображая, что предпринять. Вначале мелькнула мысль избавиться от трупа, но потом вовремя одумался. Чревато последствиями.

Учительницу будут искать и их связь может быстро обнаружиться. Лучше бросить всё и уйти, пусть думают, что с ней произошёл несчастный случай, тем более, что на самом деле так оно и есть. Мало ли, не удержалась на ногах и неудачно упала, на работе знали о вывихе.

Единственное, здесь полно его отпечатков, впрочем, как и сотен других. В дом учительницы часто приходили участники творческих коллективов, в особенности в последнее время. Покинув дом Татьяны Викторовны, Николай принял единственно правильное на его взгляд решение.

Перед тем, как уйти, он захватил с подоконника подаренный мобильник, крадучись вышел со двора, дошёл до своей машины, благоразумно оставленной на соседней улице, сел за руль и покатил прочь.

На следующий день вся деревня гудела, обсуждая нелепую смерть невезучей учительки. Надо же, подвернула ногу и ушла на больничный, решив отсидеться дома, где, как известно, даже стены помогают, да только не в её случае.

Глава 14 Куда склонится чаша весов?

Выехав с просёлочной дороги на скоростное шоссе, ведущее в город, Николай наконец перевёл дух. Тем не менее, мандраж всё ещё не прошёл, его трясло, как в лихорадке, перед глазами стояло лицо мёртвой Татьяны.

Внезапно вспомнив, он остановился на обочине, вытащил из кармана её мобильник, достал сим-карту, сломал пополам и выбросил в окно, после чего со спокойной совестью покатил дальше.

— А ведь это ты виноват в её смерти, — раздался в голове чей-то голос.

— Я тут вовсе не причём, это был несчастный случай, — мужчина машинально ответил вслух, всё ещё не понимая, что разговаривает сам с собой.

— Ещё как причём, если бы ты не приехал, ничего бы с ней не случилось. А ведь она так тебя любила, как больше никто никогда не полюбит.

— Замолчи, вот ведь навязался на мою голову.

— Нет уж, я и раньше пытался взывать к тебе, но ты впервые отозвался. Так что, придётся меня выслушать. Ну что, каково осознавать себя убийцей?

— Я не убийца.

— Ты не просто убийца, а ещё и вор, взял и украл у своей жертвы телефон.

— Ничего я не крал, этот телефон я сам ей подарил, потому и забрал, чтобы на меня не вышли.

— Так ты же говоришь, что это был несчастный случай, а значит тебе нечего бояться?

— Говорил, но это не значит, что я готов пожертвовать своей репутацией.

— А разве у чудовища может быть репутация? Чего это ты так вздрогнул, не нравится? Ты ведь разозлился, когда Танюша тебя так назвала? Неприятно осознавать себя чудовищем?

— Заткнись сейчас же, — Николай выпустил руль из рук, ударил по нему, что есть силы и тут же потерял управление, едва не угодив в кювет.

— Я не знаю кто ты такой и как залез в мою голову, но никому не удастся выбить меня из колеи, запомни, я сильнее тебя.

— Всё, умолкаю, в конце концов, я это и есть ты, лучшая твоя часть, так сказать, и мне вовсе не улыбается умереть вместе с тобой. Поэтому приходи в себя, тебе ещё нужно придумать, что говорить на суде в своё оправдание. Куда склонится чаша весов правосудия?

— Какой суд, какие весы? Я её не толкал, она упала и умерла сама. Эй, ты слышишь меня?

Ответом было молчание и мужчине стало страшно, он почувствовал, как к нему медленно, но верно подбирается безумие. Появилось дикое желание напиться, чтобы только перестать об этом думать.

Приехав домой в опустевшую квартиру, Николай включил свет во всех комнатах, так как боялся сидеть один в темноте, нажал кнопку на пульте новенького, недавно купленного, телевизора и достал из бара коньяк.

Порезав лимон, открыл коробку конфет, сел в кресло и стал пить, забывая закусывать. В голову полезли разные мысли, в основном все были о жене. Он вспомнил то время, когда она была ещё озорной и насмешливой девчонкой, а рядом всё время крутился тот паренёк, Илья.

Юная Фая глядела на своего ухажёра с бесконечным восторгом и обожанием, а на Николая, как на предмет мебели. Он всё сделал для того, чтобы это изменить и попытался

подчинить себе вздорную девчонку, но ничего не вышло, даже спустя 20 лет брака.

Во взгляде Фаины появился лишь страх пополам с презрением. Она всегда называла его чудовищем, а Таня повторила. Зачем она так сказала, кто её просил? Бутылка опустела быстро, а опьянение всё не наступало, Николай был трезв, как стекло, пришлось доставать вторую.

Его накрыло то ли на второй, то ли на третьей рюмке. Перед тем, как окончательно вырубиться, вдруг подумал, что так и не узнал, с кем обжималась жена, когда он решил заночевать у Татьяны.

В то утро, когда стало известно о смерти учительницы, Илья проснулся от ворчания бабы Шуры. В большом, по меркам деревни, доме, кроме холодных сеней и кухни, было ещё три комнаты.

В самой маленькой, по размеру больше похожей на кладовку или чулан, хозяйка жила сама, а две другие сдавала. Комнаты для гостей были разделены деревянной перегородкой с одной печкой.

Топка находилась в том помещении, где с раннего утра деловито шуршала квартирная хозяйка, решив истопить печь. В другой комнате расположился заезжий гость.

Подкладывая дрова, баба Шура шумела печной заслонкой и что-то монотонно бубнила себе под нос. Слов было почти не разобрать, но по обрывкам фраз, вскоре стало понятно, что она недовольна своим новым постояльцем.

Видно, что человек городской, культурный и много чего знает, но молчун и гордец, каких свет не видывал. Дома почти не сидит, любит бродить по лесу, из дому уходит засветло, возвращается затемно, всё что-то фотографирует, говорит, что, мол, природу любит.

Это конечно хорошо, никто и не спорит, да вот беда, слишком смурной. О себе толком ничего не рассказывает, на все расспросы отвечает нехотя. Хорошо хоть имя своё сообщил, не то так и не знала бы, как обращаться к нему.

Нет бы уважить словоохотливую бабку, обожавшую неспешно беседовать о разном, да хоть бы и о погоде. Мог бы посидеть рядком, да поговорить ладком, расположившись вместе с ней за столом под рюмку чая, да под разносолы.

Сын бабы Шуры несколько лет назад переехал со своей семьёй на Север и навещался редко, а дочь с зятем жили в областном центре и каждый год на всё лето подкидывали матери в деревню двух своих отпрысков.

В остальное время года пожилая женщина куковала одна, потому и сдавала жильё заезжим путешественникам. Всё нескушно, да и лишняя копейка в доме не помешает.

Каждый гость считал своим долгом потрещать с хозяйкой за жизнь, но этот попался какой-то скупной и нелюдимый. Бродит всюду пешком, а машина стоит на приколе. Правда вчера отвёз Зинку в больницу и даже не сказал, что та подавилась костью.

Баба Шура сама была не прочь поведать обо всём всезнающей соседке, но та опять её опередила, встретив за воротами, когда обе провожали коров на пастбище. Зайдя в дом, хозяйка не смогла скрыть досаду, потому и разошлась не на шутку, воюя с печкой.

— Что за человек, ни поговорить, ни выслушать, лишнего слова не вытянешь, даже клещами, — она продолжала демонстративно греметь заслонкой, как бы говоря тем самым, что пора бы уже вставать, здесь, мол, деревня, а не город.

Постояльцу удалось уснуть только под утро, потому и не выспался, но его проблемы в принципе не должны никого волновать. Наконец, бабке надоело воевать с печкой и она ушла

в магазин за хлебушком и пропала, вернувшись аж к обеду.

Илье удалось снова заснуть и провалиться всё в тот же беспокойный сон, из которого его вывел сильный грохот в сенях, как будто что-то свалилось сверху. Хозяйка ввалилась в дом, причитая на все лады:

— Ой, горе-то какое, померла сердешная. Сгубили ироды окаянные. А ведь какая красавица была, молодая ишшо, чтобы так рано уходить на тот свет. Меня старуху Господь никак не приберёт, а её враз забрал.

Пришлось Илье встать, спешно одеться и выйти в большую комнату, гордо именуемую гостиной.

— Что там опять случилось, баба Шура?

— И не спрашивай, миленький, никак в себя прийти не могу, — ответила хозяйка, а следом выпалила:

— Учителка наша померла, Татьяна Викторовна, та, что музыку в школе вела и танцы в клубе.

— Сама померла или убили?

— Конечно сама, за что её убивать? Упала и об стену головой ударилась, прямо об гвоздь. Хорошая была женщина.

— Вы же только что говорили, что ироды её сгубили.

— Это я учеников имела в виду, довели до ручки, вот и померла.

— Так ведь она стукнулась?

— Ну да, упала и стукнулась.

— В общем, понятно, что ничего не понятно.

— Да что тут непонятного? Не придирайся к словам, сейчас не об этом.

— А о чём?

— Участковый наш из райцентра подмогу вызвал, следователя в помощь прислали. Говорят, телефон учителки пропал. Соседка с вечера бидон молока заносила, видела её с этим аппаратом, а уже сегодня нет его нигде.

— Понятно.

— А ты что же до сих пор не вставал? Смотрю завтрак так и стоит нетронутый. Ну да ладно, теперь уж обедать скоро пора. Иди умывайся и садись за стол.

— Я наверное сегодня или завтра уеду, пора мне, — сказал Илья за обедом.

— Как это уедешь? Ты же за неделю вперёд заплатил? Учти, денег назад не отдам.

— Так я и не прошу, не надо, оставьте себе.

Илья уже всё для себя решил, вначале он собирался заехать в больницу, чтобы серьёзно поговорить с Фаиной и уговорить поехать вместе с ним в Москву. Он чувствовал, что им обоим нельзя здесь оставаться.

Глава 15 Больничный посетитель

Пообедав, Илья выгнал машину за ворота. Баба Шура решила, что он уже совсем уезжает и вышла провожать, испытывая облегчение от того факта, что постоялец не просит вернуть оставшуюся часть денег.

— Ну ладно, прощевай, гость дорогой. Прости, если что не так.

— Да погодите вы прощаться. я пока что не уезжаю, просто хотел кое-куда съездить.

— Тю, тебе не поймёшь, сам же сказал, что хочешь уехать?

— Но я ведь точно не сказал, когда именно. Возможно, что сегодня, а может и завтра.

Потерпите меня ещё немного.

— Чего уж там? За неделю вперёд уплочено, захочешь остаться, значит так тому и быть.

Куда направляешься, если не секрет, и скоро ли вернёшься? А то я ведь могу уйти по делам.

— В райцентровскую больницу поеду, а туда путь неблизкий.

— Ты Зинку что ли решил навестить? Так она ещё вчера вернулась, бают, молчит, как сыч, дуется, непонятно на что.

— Причём тут она? Нет, я еду навестить другую женщину, а Зинаиду Петровну я всег лишь подвёз.

— Ну да, ну да. Слышала уже, что костью она подавилась, говорят, сегодня с утра подруге своей шёпотом объясняла, да жестами показывала, как ты её от смерти спасал. А что же ты мне ничего не рассказал?

— Извините, я не подумал, что вам это может быть интересно.

— Почему она до сих пор молчит, не знаешь? Как будто язык отрезали? Я её видела возле дома учительки, постояла в толпе, потом развернулась и ушла восвояси. Ни слова не вымолвила, словно подменили бабёнку. Может это ты вчера с ней что сделал?

— Ничего я с ней не делал, говорю же, только подвёз и всё.

— А что? Баба она одинокая, видная, самый сок.

— Ничего так, что она намного меня старше?

— Так ведь хрен на метрику не смотрит. Ладно, не кипятись, шучу я.

Илья лишний раз убедился, что с деревенскими жителями лучше вести себя осторожнее, попадётся кому на язык, так тут же окольцуют и разберут по косточкам всю твою жизнь.

Пример Фаи служил тому доказательством, стоило им только встретиться в роще, а потом на сеновале, как тут же стало обо всём известно. Молва чего только ей не приписала. Он-то мужик, с него, как говорится, и взятки гладки, женщинам в этом случае приходится хуже всего.

Пока бабка Шура беседовала с постояльцем, к воротам дома подъехала машина, из которой вышел представительный мужчина средних лет и направился напрямик к ним.

— Ох, ты ж батюшки, кто к нам пожаловал. Да это же тот самый следователь.

— Добрый день, хозяйка, — незнакомец поздоровался, потом пожал Илье руку.

— Здравствуй, мил человек. Зови меня баба Шура. А тебя как звать величать?

— Павел Афанасьевич, будем знакомы.

— Вам никак комната понадобилась? Что, решили у нас задержаться?

— Насчёт комнаты пока не знаю, это уж как начальство решит. Приказа пока не поступало, коли скажут остаться на пару дней, сразу же к вам обращусь.

— Понятно, а то оставайся, тут как раз постоялец мой решил съехать.

— Кстати, а вас как зовут?

— Илья Григорьев я.

— А по отчеству?

— Валерьевич.

— Так вот, Илья Валерьевич, советую не торопиться и задержаться ещё на какое-то время.

— Это ещё почему?

— Потому что никому нельзя покидать место преступления.

— Какого ещё преступления? Вы что, расследуете кражу телефона? А я здесь каким боком? У меня свой телефон имеется.

— Смотрю, вы прекрасно обо всём осведомлены. Откуда источник информации? Хотя, о чём я спрашиваю, сам деревенский. Здесь же всё знают друг про друга, правильно, баба Шура?

— Правильно, мил человек. Ты не переживай, у меня и другая комната имеется, туда тебя определю, ежели чего.

Тут у Павла Афанасьевича зазвонил телефон, он взял внушительную трубку в руки и отошёл в сторону. Илья ждал конца переговоров и стоял на месте, он так и не понял, почему вдруг ему нельзя уезжать.

— Ну, что, баба Шура, дан приказ остаться, показывайте другую свою комнату, — весело произнёс следователь, закончив разговор.

— Погодите, давайте сначала со мной всё решим. Я уже понял, что уезжать совсем нельзя, но мне прямо сейчас нужно в райцентр, навестить в больнице свою знакомую.

— Хорошо, оставьте свой паспорт и можете ехать. Как вернётесь, отдам в целости и сохранности. И ещё, можно осмотреть ваши вещи? Поймите меня правильно, вы человек пришлый и вас я должен проверить в первую очередь. У меня конечно пока нет санкции прокурора и вы можете отказать.

— Нет, отчего же, мне скрывать нечего. Моё основное имущество находится в этом автомобиле, остальное в комнате, можете смело досматривать. Только, если можно, прямо сейчас, я тороплюсь.

— Как скажете, Илья Валерьевич. Тогда открывайте салон и багажник, раз уж вы не против. Баба Шура, позовите соседку, будете свидетелями, что досмотр производился с разрешения обыскиваемого.

После тщательной проверки автомобиля и личного досмотра, перешли в дом, но и там ничего не нашли. Следователь был невозмутим, когда, повернувшись к Илье, сказал, что всё в порядке, можно ехать, но только в райцентр и обратно.

О том, что возможно жертва была убита, он не сказал ни слова, стараясь избежать множества слухов, которые и без того выростали здесь на ровном месте. Одна баба Шура с соседкой чего стоят, уж они постараются в красках живописать, как стали свидетелями обыска.

Из-за вынужденной задержки Илья появился в больнице намного позже, чем рассчитывал, и приехал почти одновременно с Николаем, который опередил его всего лишь на несколько минут.

Проспавшись после вчерашней попойки, он прибыл чуть раньше и, прежде чем идти в палату к любимой тёще, решил переговорить с лечащим врачом о её состоянии, проявить заботу, так сказать.

Николай уже успел раздеться и стоял в глубине холла у окна, когда его внимание привлёк высокий мужчина, подъехавший ко входу в больницу, лицо его было до боли знакомо, они явно где-то встречались раньше.

Он наблюдал со стороны, как тот просил разрешения навестить больную и назвал имя Раиса, потом пошёл в гардеробную, оставил там свою куртку, надел белый халат для посетителей и направился прямо по коридору.

Страшная догадка осенила Николая, ну конечно, всё сходится, это же тот самый Илья, что путался с Файкой в юности. Теперь понятно с кем видела её Татьяна. Ишь как жена сразу осмелела, решила, что любовник её защитит. Ну что же, сами напросились.

На удачу Николая, гардеробщица куда-то вышла и он, воспользовавшись моментом, проскользнул внутрь, сделав вид, что страшно спешит и не может больше ждать доктора ни одной минуты.

Вытащив из кармана брюк украденный телефон, с которым пока не решил, что делать, он незаметно для окружающих положил его во внутренний карман куртки Ильи, потом схватил свой плащ и был таков.

Глава 16 Чужой телефон

Всякий, кому доводилось хоть раз лежать в больнице, хорошо знает, что время там течёт непросто медленно, а будто топчется на месте. Утро проходит ещё более менее быстро, когда после гигиенических процедур и уколов, пациенты ждут врачебного обхода и завтрака.

А вот потом наступает затишье, вплоть до самого обеда, по прошествии которого вновь всё замирает. Во всяком случае, так казалось Фаине, находящейся в стационаре в качестве сиделки.

Стараниями Николая, палата у них была отдельная, общаться особо было не с кем. С матерью начистоту не поговоришь, приходилось тщательно подбирать слова, чтобы лишний раз её не волновать. Раиса остро реагировала на критику, воспринимая всё близко к сердцу.

Под воздействием сильных лекарств, она большей частью спала, давая дочери возможность отдохнуть. Фае совершенно не хотелось спать, поэтому она просто ложилась на кровать и погружалась в собственные мысли и воспоминания.

На душе становилось нестерпимо горько. Подумать только, больше 20 лет жизни прошли впустую, и винить в этом некого. В какой-то момент она растеряла все свои жизненные приоритеты и принципы и покорила судьбе, сломившись под влиянием обстоятельств.

В 17 лет трудно противостоять родителям, да и не было у Фаины особого выбора, учитывая раннюю беременность и рождение первенца. О том, что это ребёнок Ильи она узнала много позже, да и узнай раньше, это ровным счётом ничего бы не изменило.

Николай был прекрасно обо всём осведомлён, но тем не менее не захотел дать ей свободу и отпустить на все четыре стороны. Он с самого начала подавил волю жены, вызывая отвращение и страх.

Она боялась не за себя, за сына, поэтому была вынуждена терпеть, примиряясь с правом мужа безраздельно владеть её телом, тогда как душа и сердце были ему неподвластны.

В течение 20 лет у Фаины было много возможностей начать жить заново, да хоть с тем же учителем танцев. Борис был молод, красив, умён и очень обходителен. Она хорошо понимала, что мужчина испытывал к ней нечто большее, чем простой интерес.

Он несколько раз порывался сказать о своих чувствах, но Фая старательно уходила от разговора, прячась за тем, что именно в этот момент ей нужно срочно бежать в сад за ребёнком, а потом и вовсе стала избегать индивидуальных занятий, приходя только на групповые.

Откровенный разговор так и не состоялся, Николай очень вовремя появился на одной из репетиций и безошибочно определил, что происходит с партнёром жены во время исполнения жаркого латиноамериканского танца. Всё было и без слов понятно.

Почуввав неладное, он пресёк это на корню, не дав сопернику возможности завоевать доверие и любовь Фаины. Кто знает, возможно со временем их отношения и могли бы вылиться во что-то другое, нежели просто дружба?

Муж даже согласился отпустить её учиться, лишь бы прекратить все эти ненужные танцы. По прошествии времени, Фая хорошо понимала, что поступила правильно, не выслушав Бориса Ивановича.

Вряд ли между ними могло что-то получиться, она бы не смогла предложить взамен ничего, кроме своей благодарности, тогда как ему нужна была любовь. Откуда Борису было

знать, что сердце Фаины надёжно закрыто на несколько замков?

Да и для чего обнадёживать хорошего человека, не испытывая к нему ответных чувств? Зачем ломать чью-то жизнь, зная, что Николай никогда её не отпустит и найдёт способ, чтобы навредить обоим?

За свою жизнь Фаина любила только однажды и была уверена, что внутри неё давно всё умерло, а в душе поселилась пустота. Оказалось, это далеко не так. Стоило только увидеть Илью, как прежние чувства вернулись снова и захлестнули её с новой силой.

Поддавшись страстям и эмоциям, она без раздумий пошла с любимым на сеновал. Проведя с ним наедине несколько часов, она поняла, что может получать наслаждение от близости. С мужем всё происходило против её воли, о каком там удовольствии могла идти речь?

Зато с Ильёй всё было по любви и согласию. Фая хоть и не была уверена в его ответных чувствах, но ни о чём не жалела. Пусть даже ничего не выйдет и они расстанутся, но она больше никогда не позволит Николаю прикоснуться к себе даже пальцем.

Очень хорошо, что он не показывается на глаза и не проявляет свою удушающую заботу, делая вид, что здоровье любимой тёщи для него на первом месте. В отсутствие Николая, будущее рисовалось в самых радужных тонах.

После того, как мать выпишут, Фаина собиралась первым делом заняться бракоразводным процессом. Сын взрослый, имущество она делить не собирается, поэтому надеялась, что разведут их достаточно быстро.

Главное, чтобы маме стало лучше, а там и Димка вернётся из армии. Он должен понять всё правильно и наверняка будет на её стороне. Фая с удовольствием представляла, какая наступит жизнь после развода, когда раздастся негромкий стук, заставивший её вздрогнуть.

Она была уверена, что это никто иной, как Николай, собственной персоной. Хотя, с другой стороны, вряд ли бы тот стал стучаться, скорее наоборот. Он всегда чувствовал себя хозяином положения.

Меж тем, тот, кто робко постучал, войти не спешил и терпеливо ожидал, когда ему откроют. Пришлось встать и пойти к дверям, чтобы не разбудить мать, беспокойно ворочавшуюся на узкой больничной койке.

На пороге стоял Илья с пакетом, полным провизии. По дороге он заехал в магазин и набрал разных вкусностей, не удержавшись от соблазна купить Фая её любимые шоколадные конфеты "Ласточка".

Цветов покупать не стал, зная, что в больнице возможно царят строгие правила и букет могут попросту не разрешить пронести в палату. Мало ли, а вдруг у кого-нибудь из больных пациентов аллергия на цветы?

— Привет, Фаячка, можно?

— Привет, Илюша, конечно можно,ходи, только тише, пожалуйста, мама спит.

— Я уже проснулась, кто там, доченька? — подала голос пробудившаяся ото сна Раиса.

— Мам, это Илья, специально приехал из деревни, чтобы тебя навестить.

— А кто это? К сожалению, не помню такого.

— Здравствуйте, я и мои родители давно уехали из деревни, вот вы и позабыли меня. Я вчера золовку вашу привозил в больницу и увидел Фаину, она рассказала, что вы заболели. Сегодня ездил по делам и решил вас навестить, гостинцев привёз.

— Спасибо, Илья, дай Бог тебе здоровья. А с этой шельмой что приключилось?

— Костью подавилась, не переживайте, говорят, она ещё вчера домой вернулась.

— Хорошо, хоть сюда не припёрлась, нервы мотать, с неё станется

— Мамуль, может поспишь ещё немного? А мы пока немного погуляем. Илья на машине, мне нужно кое-что купить, как раз подвезёт.

— Поезжай, доченька, только ненадолго. А то вдруг Николай приедет, что я скажу, если он вдруг про тебя спросит? Боюсь его до чёртиков.

— Не переживай, я предупрежу, чтобы в моё отсутствие к тебе никого не впускали.

На выходе Фаина обратилась к медсестре с просьбой, не пропускать посетителей к больной матери. Илья забрал в гардеробной куртку, оделся и они вышли вдвоём к машине.

— Ты наверное голодна? Может поедем в то же кафе, что и вчера?

— Илюш, прости, не хочу никуда ехать, хочу просто подышать свежим воздухом.

— Как скажешь, любимая, — на этих словах Илья обнял Фаину и она еле сдержалась, чтобы не расплакаться.

— Признаться, не ждала, что снова когда-нибудь услышу от тебя эти слова, да и вообще не думала, что ты приедешь так скоро, — ответила она, уткнувшись ему в плечо.

— Мне хватило суток, чтобы понять, что я не хочу уезжать в Москву без тебя. Если ты готова на переезд, то я буду очень этому рад. Фаюш, давай поженимся?

— Ты забыл, что я ещё замужем, Илюшенька?

— Нет, не забыл, но ты вчера сказала, что не вернёшься к мужу.

— Так и есть, не вернусь, мой развод дело решённое, это лишь вопрос времени. Но ты должен знать, что маму я не брошу, она теперь будет жить со мной. Готов ли ты принять и её тоже?

— Почему нет? Поживём пока на съёмной квартире, потом купим большой дом, где всем хватит места. Главное, чтобы ты согласилась уехать со мной.

— Илья, всё это конечно хорошо, но ты до сих пор ничего не спросил о сыне. Тебе что, совсем неинтересно, какой он?

— Не в этом дело, Фаечка. Ты пойми, я пока никак не могу свыкнуться с тем, что у меня есть взрослый сын. Уложить это в голове непросто. Я уверен, что ты вырастила его достойным человеком. Давай присядем на скамейку и ты мне всё о нём расскажешь, хорошо? Погоди, у меня где-то платок завалился, сейчас я здесь всё вытру.

Поискав в боковых карманах, Илья полез во внутренний. Этот карман был у куртки самым глубоким, телефон, подложенный Николаем, провалился на самое дно, и если бы не поиски платка, неизвестно сколько бы там пролежал. Он вытащил мобильник и удивлённо воззрился на аппарат:

— Не понял, это ещё что такое?

— Ух ты, похож на мой телефончик, вернее на тот, что подарил Николай, я не стала его забирать и оставила дома.

— Но это не мой телефон, Фая. Я не знаю, как он у меня оказался, потому что перед тем, как сюда ехать, меня обыскал следователь.

— Господи, Илюша, что случилось, куда ты уже успел вляпаться?

— В том-то и дело, что никуда. Видишь ли, вчера ночью в деревне кое-что произошло. Умерла одна учительница, несчастный случай, говорят у неё пропал телефон. Так как вещь достаточно дорогая, прислали районного следователя. Так вот, зная, что я человек пришлый, он в первую очередь приехал к бабе Шуре побеседовать со мной и запретил покидать пределы деревни, пока всё не разъяснится.

— Так ты что, сбежал от него?

— Что ты, я оставил в залог свой паспорт, а перед этим согласился на личный досмотр. Только на этих условиях он согласился меня отпустить.

— Очень хорошо. Но тогда объясни, как этот телефон мог попасть в карман твоей куртки?

— Знаю только, что я нигде её не оставлял, кроме гардеробной больницы.

— То есть, ты хочешь сказать, что мобильник могли подложить только здесь?

— Более того, я уверен в этом.

— Может пойдём спросим, кто это мог сделать?

— Ни в коем случае, так мы можем вспугнуть преступника.

— Что же нам делать?

— Фаечка, мне нужно срочно ехать обратно в деревню и, пока не поздно, отдать этот чёртов телефон следователю.

— Одного я тебя не отпущу, поедем вместе. Пойдём, я только маму предупрежу, скажу, что хочу забрать из дома книгу и кое-что из своих вещей.

Перед отъездом в деревню Фаина попросила медсестру приглядывать за матерью, Раиса была в панике, что она уезжает, но не стала перечить. В конце концов, дочь уже взрослая и сама вправе решать, что ей делать.

То, что Фаю и Илью связывает не просто дружба, а более крепкие чувства, она догадалась сразу и поняла их поспешный отъезд по-своему. Дело молодое, чего уж там?

Глава 17 Громкое убийство

По дороге Фая более подробно расспросила Илью о происшествии в деревне. Известие с гибели Татьяны Викторовны её опечалило, несмотря на то, что в какой-то момент они перестали близко общаться.

Это случилось после поспешного замужества Фаины, которое отдалило её ото всех, но не принесло никакой радости. Николай не разрешал приводить подруг в дом, ни в деревне, ни потом, когда они переехали в город. Он считал, что семья для женщины должна быть на первом месте.

— Есть у тебя муж, ребёнок, вот с нами и дружи. Подруга от своей зависти только от семьи отворотит, ты же не хочешь, чтобы мужа у тебя увели?

— Для хорошей подруги и мужа не жалко, коли уведёт, значит так тому и быть.

— Всё, я сказал, никаких подруг, дружи вне стен нашего дома.

На работе Фая была общительной и находила общий язык со всеми, но о своих семейных неурядицах никому не рассказывала. Да и зачем? Помочь всё равно не помогут, а вот осудят запросто.

Подруги детства и юности остались в деревне и уже давно обзавелись своими семьями, многие уехали, как и она. Татьяна Викторовна по возрасту была ненамного старше, поэтому стала для своих подопечных скорее другом, нежели наставником.

Она так и не вышла замуж и не родила детей, жила одна в своём доме, работала, снискала уважение среди местного населения. В общем, был человек, никому не мешал, а потом раз, и нет его.

— Какая нелепая смерть, она же совсем молодая, от силы лет 45.

— Это судьба, ничего не попишешь, Фаюшка.

— Да уж, никогда не угадаешь, что может случиться. А ведь мы когда-то дружили, жаль, что потом всё сошло на нет. Мне сейчас так грустно, что хочется плакать, какое-то странное чувство, как будто я в чём-то перед ней виновата.

— Глупости, в чём ты можешь быть виновата, Фая?

— В том, что не навещала, не поддерживала связь.

— Не расстраивайся, вряд ли бы ты смогла ей помочь. Говорят, она упала ночью, споткнулась о половик, не удержалась и влетела в стену со всего размаха.

— Как жутко всё это, некому было помочь бедняжке, лежала до утра, пока её не нашли.

— Хорошо, что быстро обнаружили, а то ещё неизвестно, сколько бы так пролежала. В деревнях с этим проще, чем в городах, здесь всё на виду. Одно только странно, кому из здешних мог понадобиться её телефон?

— А сама она не могла его отдать, как думаешь?

— Не знаю, говорят, соседка вечером приходила и видела её разговаривающей по телефону.

— Откуда ты об этом знаешь?

— Жить с бабой Шурой в одном доме и ничего не знать — это утопия.

— Илюш, послушай, мне вдруг пришло в голову. А Татьяну Викторовну не могли убить из-за этого телефона?

— Вот это вопрос. Учítывая, что прислали районного следователя, всё может быть. В любом случае, нам нужно срочно отвезти нашу находку в деревню.

— А ты уверен, что это именно тот мобильник, который ищут? Вдруг в больнице кто-то из посетителей перепутал одежду и случайно положил его в твой карман?

— Что-то мне не верится в такие совпадения, милая. Сначала я узнаю о преступлении, потом меня обыскивают в поисках исчезнувшего телефона, и вдруг, в этот же день, чей-то аппарат совершенно случайно оказывается в моей куртке.

— Да, слишком подозрительно всё выглядит. Тогда может стоит открыть раскладушку и покопаться внутри? Проверить контакты, сообщения, журнал звонков.

— Не думаю, что нам стоит это делать. Пусть следователь сам во всём разбирается, как должностное лицо.

— Ты прав, так и поступим, а то навлечём на себя его гнев, ведь, как известно, инициатива наказуема.

По прибытию в деревню, они напрямик направились в дом бабы Шуры. Районный следователь в это время уютно расположился за столом вместе с квартирной хозяйкой, потчующей его различными угощениями.

Наконец настал её звёздный час. В сравнение со скучным Ильёй, который ничем не интересовался и преимущественно молчал, другой квартирант оказался не только балагуром и весельчаком, но и весьма благодарным слушателем.

В лице несведущего мужчины бабка нашла свободные уши. С видимым удовольствием, смакуя подробности, она поверяла ему дворцовые тайны каждого деревенского двора. Кто, с кем, сколько раз, для чего, зачем и почему.

Павел Афанасьевич слушал, не перебивая, и лишь иногда задавал наводящие вопросы. Через короткое время он имел представление почти о каждом деревенском жителе, кто чем дышит и на что способен.

Естественно, что последние новости относительно семейной жизни Фаины и Николая были освещены более подробно, так как стали известны пожилой женщине сравнительно недавно, а значит были наиболее свежи в её памяти.

Она поведала о семейном скандале, случившемся между супругами накануне, когда Колька обвинил Файку в измене. Тогда-то и выяснилось, что в своё время он её изнасиловал и прикрыл свой грех женитьбой.

Рассказала всё о Николае, о Фаине и об их сыне Дмитрие, который, как выяснилось, был от некоего Ильи. Раиса, узнав об этом, хлопнулась в обморок, насилу откачали и увезли в больницу

Следователь быстро сложил дважды два и понял, о каком Илье шла речь. Тот как раз поехал в больницу навестить знакомую женщину, скорее всего эту самую Раису. Осталось только дождаться возвращения нового знакомого, чтобы пролить свет на все эти догадки.

Уж слишком много знаковых событий произошло в деревне с появлением Ильи. Тут тебе и развал чужой семьи, и давнишние тайны, связанные с её созданием, и несчастный случай, повлекший за собой нелепую смерть учительницы.

В связи с чем напрашивался вопрос, а такой ли уж случайной была эта смерть? Гвоздь в стене торчал давно и мог в любой момент стать причиной чьей-то гибели, но нужно было очень постараться, чтобы так точно упасть и наткнуться именно затылком, а не к примеру глазом.

Но самое главное, куда подевался телефон? Вещь между прочим дорогая и есть не у каждого. Вряд ли учительница могла сама его приобрести, да и зачем он ей в деревне, где кругом леса и практически нет связи?

Показания соседки не оставляли никаких сомнений в том, что вечером аппарат был на месте, а после смерти хозяйки исчез. Павел Афанасьевич ждал вестей по поводу вскрытия умершей женщины, труп которой отправили в районный морг на судмедэкспертизу.

Пока баба Шура посвящала нового квартиранта в деревенские сплетни и людские пересуды, тот только успевал слушать и размышлять. Телефонный звонок прервал словесный поток квартирной хозяйки. Следователь ответил и, по мере разговора, невольно хмурился.

Экспертиза показала, что женщина была беременна, хотя, не была замужем. О её личной жизни баба Шура ничего не рассказывала. Выходит, у Татьяны Викторовны всё же был мужчина? Странно, что о его существовании никто не знал.

По всей видимости любовник учительницы женат, потому-то до сих пор не объявился. Иначе, как ещё можно всё объяснить? Возможно, смерть любовницы ему только на руку? А может это и стало причиной её гибели, как знать?

В этом деле многое не сходится. Нужно будет с утра пойти в школу, пообщаться с директором и коллегами. Не может быть, чтобы ни одна живая душа не знала о существовании этого загадочного мужчины.

Следователь решил не терять времени даром и направиться в Дом культуры, где погибшая работала на полставки. Школа была уже закрыта, а в ДК по вечерам всю кипела жизнь, а значит руководство должно быть на месте. Как раз на выходе из дома он и столкнулся с Ильёй и Фаиной.

Павел Афанасьевич обалдел, узнав в Фая свою партнёршу по танцам. Когда-то, очень давно, они вместе ходили в один танцевальный коллектив, под руководством Бориса Ивановича, тот иногда ставил их в пару.

Из рассказов квартирной хозяйки он многое о ней узнал, но не смог увязать всё это со своей давней знакомой. Имя хоть и редкое, но всё же не настолько, чтобы с ходу понять, что это одна и та же женщина.

Через какое-то время Фая исчезла, не оставив своих координат. Потом настала очередь Павла бросить танцы, когда он попал в немилость у руководства МВД и его сослали в район, с понижением в должности.

Правда он и там не пропал, а наоборот быстро продвинулся по карьерной лестнице, став одним из лучших следователей. Раскрываемость дел у него была практически стопроцентной.

— Фая, ты ли это? Как же тесен эмир, обалдеть, столько лет прошло, а ты совсем не изменилась. Неужто не узнаёшь? Хотя, по сравнению с тобой, меня время совсем не пощадило.

— Конечно узнала, скажешь тоже. Здравствуй, Павлуша. Так ты и есть тот самый районный следователь? Значит мы с Ильёй пришли по твою душу. Вот, принимай нашу находку.

Вездесущая баба Шура с жаром внимала происходящему, стараясь ничего не упустить. Павел Афанасьевич не захотел разговаривать при ней, поэтому пригласил обоих сестёр в машину и проехаться с ним в центр деревни, до Дома Культуры.

Глава 18 Знаковое событие

Родная деревня Фаины широко раскинулась по обе стороны быстротечной реки, возле которой круглый год сидели рыбаки, без устали выуживая крупных окуней, чебаков или краснопёрок.

Зимой, когда замерзала вода, на другую сторону можно было пройти по льду, в обход недавно отстроенного широкого моста, соединившего между собой два берега к радости всех деревенских жителей.

Постройка моста значительно облегчила им всем жизнь, так как до этого на другую сторону приходилось добираться вплавь, попадая в большую зависимость от предприимчивых владельцев утлых лодок.

Клуб, детский сад и два магазина находились на одном берегу, а школа и почта на другом. Раньше стоял деревянный мост, но со временем опоры прохудились, доски сгнили и он полностью пришёл в негодность.

Но жители на свой страх и риск всё равно им пользовались, благодаря чему число несчастных случаев участилось. Река уносила быстрым течением упавших в воду людей, из которых даже те, кто хорошо плавал, не всегда могли выплыть.

Наконец, из области пришла директива, старый мост демонтировали и организовали паромную переправу. Паром ходил два раза в день, утром и вечером, поэтому любой поход на другой берег становился целым событием, на это убивался весь световой день.

Вот почему постройка нового железного моста стала знаковым событием для всех жителей по обе стороны реки. По этому поводу устроили настоящий праздник, с застольем и гуляньями. В общем радовались всем миром.

Деревня выглядела достаточно живописно, деревянные ярко выкрашенные дома, с резными наличниками на окнах, соревновались с кирпичными новодами, ни в чём им не уступая.

Далеко позади, плотной стеной стоял лес, грибов и ягод здесь было видимо невидимо, достаточно было дождаться нужной поры. Осень уже вступила в свои права и с утра зарядил промозглый дождь, оставляя за собой грязь и слякоть.

Ближе к вечеру он наконец закончился и выглянуло солнце. Внедорожник Павла Афанасьевича подминал под собой изрытую большими колёсами мокрую землю, играючи справляясь с любыми препятствиями на своём пути.

Наконец, выбрались на асфальт и подъехали к Дому культуры, где было более менее чисто. Из-за обильных дождей и отсутствия дорог, вся деревня, по обе стороны реки, утопала в грязи.

Так продолжалось до первого основательно выпавшего снега, тогда всё вокруг снова приобретало божеский вид, вплоть до самой весны, когда всё таяло и промёрзшая насквозь земля превращалась в жидкое месиво.

Именно по причине непролазной грязи, осенью снега ждали, как манны небесной, а весной, когда он наконец растает. Так уж мы устроены, ругаем погоду в любое время года.

У природы свои законы, хотя человек нимало поспособствовал, чтобы их изменить. Как бы ни старался он кричать на весь мир, что якобы является царём, но перед холодом пасовал, радуясь редкому солнышку.

Мимо сельского Дома культура брела женщина. Погрузившись в собственные мысли,

она ни на кого не обращала внимания. Это была Зинаида, возвращавшаяся от бабки-травницы, что жила неподалёку от ДК.

В последнее время тётка Фаины чувствовала себя не очень хорошо, душу её терзало состояние неясной тревоги и необъяснимой тоски. Такое уже бывало раньше и сулило одни неприятности. Тут ещё это вынужденное молчание.

Раньше бывало выльешь на ближнего ушат новостей, поделишься своими недугами и враз легчает, а нынче на это дело наложен запрет. Доктор не на шутку напугал вздорную тётку, грозя последствиями, если она вдруг ослушается и заговорит.

Очень уж Зинке не хотелось навсегда потерять дар речи, уж лучше она помолчит 10 дней. Изъясняться жестами получалось плохо и приходилось подключать речевой аппарат, что было чревато последствиями.

Поэтому женщина стала всех сторониться, чтобы ненароком не навредить своему здоровью. Вдобавок добавился насморк и небольшой кашель, по всей видимости простыла, когда шла за полночь пешком до родного дома от того поворота, куда подвёз тракторист.

На улице стояла тишина и темень, односельчане давно спали, свет, если и горел, то только в некоторых избах. Зинаида как раз проходила мимо дома учительницы, когда скрипнула калитка. впуская неизвестного в дом. Она не успела углядеть, кто это был, мужчина или женщина.

На тот момент Зине хотелось только одного, как можно скорее дойти до собственного дома, поесть и вытянуть ноги. Добравшись наконец, долго искала чем бы покормить урчащий желудок, поскольку кулебяка была под запретом.

Кроме того, она всё ещё досадовала на то, что видный мужик сорвался с крючка, а тут ещё и рыбки нельзя отведать. А хотелось бы и того, и другого. Пришлось Зинаиде помыть сковородку и лечь спать.

Утро началось с новостей о смерти Татьяны Викторовны, бедолага напоролась на большущий гвоздь, торчащий из стены, и умерла на месте. Она жила одна и некому было забить тревогу, что было странно, учитывая визит припозднившегося гостя.

Зинаида руку бы отдала на отсечение, что скрипнула не чья-нибудь, а именно калитка дома учительки. Она не могла рассказать о своих подозрениях, потому как изъясняться жестами было весьма утомительно, а на то, чтобы написать записку не хватило сообразительности.

Догадка осенила женщину внезапно. Она шла и как раз размышляла, что надо бы описать всё на бумаге и отдать участковому, когда мимо проехал незнакомый автомобиль, едва не обдав водой из лужи. Раньше это стало бы поводом для дикого скандала, крик бы стоял на всю деревню.

На сей раз всё обошлось лишь тем, что Зина мысленно выругалась и, помахав кулаком, сплюнула вслед. Машина тормознула у Дома Культуры. Она остановилась, чтобы узреть смертника, посмеявшего посягнуть на святое.

На глазах изумлённой Зинаиды из салона вышел вчерашний спаситель и подал руку даме, в которой она узнала свою блудливую племянницу. Водителем оказался никто иной, как районный следователь.

Тем временем, Николай тоже прибыл в деревню и остановился в тётчином доме, так как знал, где лежат ключи. Он уже приготовил объяснение своему странному визиту. Мол, не с руки было оставаться одному в городе, когда тёща лежит в больнице, а любимая жена за ней ухаживает.

На самом деле он намеревался поучаствовать в расследовании, чтобы пролить свет на свершившееся злодеяние и открыть глаза следователю, намекнув, кто мог взять телефон. Даже если для этого придётся раскрыть все карты и поведать о недавнем общении с погибшей учительницей.

А что здесь такого? Встретил в городе старую знакомую, она подвернула ногу и нуждалась в помощи, потому и обратилась с просьбой подвезти до дома. В пути разговорились и Татьяна Викторовна поделилась радостью, что к ней приехал жених с целью сыграть свадьбу и навсегда увезти из деревни.

Что уж там между ними произошло, одному Богу известно. Была смерть влюблённой учительницы случайной или преднамеренной, с этим пусть разбираются специально обученные люди. Так же, как и ищут того самого жениха, прибывшего совсем недавно.

Ничто и никто не помешает Николаю исполнить свой гражданский долг, преступник будет пойман и наказан по всей строгости закона. Правосудие обязательно восторжествует, иначе просто не может быть.

Глава 19 Подозрительные взгляды

Зинаида со злостью наблюдала за тем, как Илья бережно поддерживает Фаю за локоток, помогая выйти из машины. В какой-то момент ей захотелось подбежать, вцепиться племяннице в волосы и, на правах старшей родственницы, поучить уму разуму.

Слишком многое позволял покойный братец своей любимой доченьке, вот и выросло из неё не пойми что. Наглая девка, прёт, как танк, даже не посмотрела на родство и перешла тётке дорогу, так же, как и все границы дозволенного, начисто забыв, что является мужней женой.

Совсем стыд потеряла, опозорила семью на всю деревню и хоть бы хны. Не зря же люди про неё болтают всякое? Это же уму непостижимо, нагулять в девках и при этом благополучно выйти замуж.

Тётка Зинка уже забыла, что сама поспособствовала распространению слухов и воспринимала неподобающее, по её мнению, поведение Фаины не как личную обиду, а как поборница высокой нравственности и семейных ценностей.

Так бывает только у тех, кто сам начисто лишён морали и совсем не соблюдает правила и нормы поведения в обществе. За прошедшие сутки женщина успела нарисовать в своём воспалённом мозгу, что с Ильёй у неё запросто могли сложиться близкие отношения.

Точнее могли бы, если бы не родная племянница. Что тут поделаешь? Любят мужики легкодоступных женщин, вот и Илья не устоял. А ведь ещё вчера он активно спасал жизнь Зинаиде, успев ощупать её всю везде, чем лишил покоя и сна.

Давно забытые ощущения настолько всколыхнули добропорядочную Зину, что она перепутала реальность с явью, позволив распалиться своему богатому воображению. Если бы можно было испепелять взглядом, Файка превратилась бы в головешку прямо на месте.

Взявшись за руки и никого не замечая вокруг себя, парочка вошла в здание Дома Культуры, за ними неотступно шёл следователь. Интересно, что им там могло понадобиться? Не на танцульки же пришли?

Несмотря на любопытство и дикое желание устроить скандал, Зинаида сдержалась и взяла себя в руки. К тому же, повалил долгожданный снег, а она и без того простывшая, чтобы мёрзнуть. Добравшись до дома, первым делом взялась за письменные принадлежности и села за стол.

Склонившись над тетрадным листом и высунув от усердия пострадавший в неравном бою с рыбьей костью язык, она написала в заглавии слово "Анонимка", немного отступила и принялась старательно выводить каракули, в которых поясняла всё, о чём хотела бы, да не могла рассказать.

Закончив заниматься эпистолярным жанром, Зинаида поставила свою подпись, забыв, что анонимка не подразумевает этого действия, потом вложила своё творение в старый конверт и запечатала, проводя многострадальным языком по узкой полоске клея.

На конверте написала кому это письмо предназначено и стала поспешно собираться к участковому. Следователю она не особо доверяла, впрочем, как и любому другому пришлому человеку. Сегодня он здесь, а завтра и думать забудет об их деревне.

Только местный человек способен оценить степень старания Зинаиды в борьбе за правосудие, без её помощи в этом деле точно не разберутся. Хоть и несвоевременно она потеряла дар речи, но быстро нашлась, как донести людям правду.

В этом послании миру было всё, начиная с того, как нелегко одинокой женщине бороться с несправедливостью и заканчивая словами, что правда должна восторжествовать. Между этих строк было ещё много чего интересного, во всяком случае, для мужа Фаины точно.

Меж тем, сам он уже сидел в гостях у участкового, которого сызмальства хорошо знал. Савелий Лукич давно должен был быть на пенсии, но, как любой человек, облечённый властью, никак не желал уходить со своего поста. Он-то и рассказал Николаю о приезде следователя.

— Лукич, значит не всё в этом деле так просто?

— Кто же его знает? Может и случилось с учителькой несчастье, да только куда телефон её мог запропасться? Кому он вдруг понадобился?

— Лично я тоже сомневаюсь, что с Татьяной Викторовной произошёл несчастный случай, слишком уж всё это странно выглядит.

— Ну, а я про что? В нашей деревне отродясь такого не случалось. При твоём отце всегда был порядок, не то что нынче.

— Да, не думал я, что вижу её в последний раз, когда подвозил из города, — задумчиво протянул Николай, не обращая внимания на неприкрытую лесть участкового.

— А когда это было? Ты в родных краях долго носа не показывал, это в последнее время что-то зачастил.

— Когда? Да совсем недавно, пару тройку дней назад. До этого приезжать было некогда, работа, сам понимаешь, Савелий Лукич. А встретились мы случайно. Ехал на машине, гляжу женщина еле идёт, ну и остановился, предложил свою помощь. А это оказывается наша Татьяна Викторовна. Мы же с ней вместе работали в клубе, грех было не помочь. Она выглядела такой счастливой, хоть и подвернула ногу. Я ещё не утерпел и поинтересовался, с чего это вы, Танюша, так светитесь? Она ответила, от счастья, мол, замуж скоро выхожу и уеду из деревни насовсем.

— Вот и уехала навсегда, да недалече, аккурат до погоста. Интересно, а за кого это она замуж собралась? Вроде ни с кем из местных не якшалась.

— То-то и оно, что он не из местных, Татьяна проговорила о приезде своего жениха издалека, это, должно быть, кто-то из пришлых.

— Не помню, чтобы к ней гости приезжали, иначе я бы точно об этом знал.

— Так я и не спорю, мало ли что там было на самом деле? Может просто размечталась и выдала желаемое за действительное? Женщины всегда понимают всё по своему, уж так они устроены.

— Ты обязательно должен рассказать об всём Павлу Афанасьевичу.

Николай не успел ничего ответить, в дверь ввалилась Зинаида и с удивлением воззрилась на родственника. Видать снова приехал за блудной женой. Ей так и хотелось крикнуть: "Беги, пока не поздно, не то уведут Файку и имя твоё не спросят".

Тот понял красноречивое молчание тётки по-своему, вдруг вспомнив, что видел её на улице, когда в ночь смерти учительницы проехал мимо. А вдруг она его узнала? Правда было темно, хоть глаз выколи

Он тогда предусмотрительно оставил свою машину на соседней улице, а сам дошёл до дома Татьяны пешком. По всему видать, Зинка припустила рысцей и успела добежать, раз увидела, как он входил в калитку. Неужто пришла сейчас, чтобы сдать его с потрохами?

Что она вообще делала на дороге? Вот чёрт, принесла ведь нелёгкая. Не мешало бы

заткнуть ей рот, да поздно, надо срочно сообщить, как всё это объяснить. Меж тем, Лукич вежливо поздоровался с посетительницей и участливо спросил:

— Привет, Зинаида, зачем пришла? Всё ещё продолжаешь молчать? Говорят, тебе это доктор прописал, молодец, слушаешься. Правда непривычно видеть тебя с закрытым ртом, обычно ты говоришь без устали.

Хмурая женщина молча подошла к столу и положила перед участковым конверт. Тот немного повертел его в руках, потом вскрыл и стал читать. Зинка продолжала стоять в ожидании, а Николай сидел, как на иголках.

— Что же ты, Зинаида, так опростоволосилась? Мало того, что подписала свою анонимку, так ещё и лично её принесла, — со смехом сказал Лукич, ознакомившись с письмом.

Женщина возмущённо зажестикулировала, показывая всем видом, что совсем не такой реакции ждала на проявление своей гражданской сознательности. Вот и помогай властям после этого.

— Ну ладно тебе, не обижайся, шучу я, шучу. Спасибо, мы с Павлом Афанасьевичем обязательно примем к сведению всё, что ты тут поведала. Да только ты ведь не всё ещё рассказала. Кто зашёл к Татьяне Викторовне в дом, кому она открыла калитку?

Выразительно взглянув на Лукича, Зина в ответ что-то глубокомысленно промычала, намекая, что она обязательно расскажет, но только позже, когда всё вспомнит, после чего помахала рукой на прощание и вышла из комнаты, а Лукич вернулся к прерванному разговору:

— Пожалуй, ты был прав, Николай. У нашей учительницы точно кто-то был, надо срочно звонить Павлу Афанасьевичу.

Тем временем, следователь вызнал у руководства Дома Культуры, что Татьяна Викторовна в последнее время частенько ездила в область, с удовольствием соглашаясь на участие в различных культурных мероприятиях.

Это наводило на мысль, что она могла завести роман не с деревенским, а с городским жителем. В подброшенном телефоне журнал звонков был пуст и все сообщения стёрты, сим-карта тоже отсутствовала.

Не беда, для того, чтобы всё восстановить, достаточно обратиться к оператору связи и предоставить имя владельца. Павел Афанасьевич аккуратно упаковал мобильник в пакет, решив лично отвезти его на экспертизу и отдать умельцам для восстановления всех данных.

Ещё нужны отпечатки пальцев Ильи, тот неизбежно должен был их оставить, когда доставал телефон из кармана своей куртки. Дело с силой завертелось и стало приобретать всё более интересные очертания.

Павел почувствовал знакомое нетерпение и зуд, настигавшие всякий раз, когда он стремился распутать очередное преступление. Шаг за шагом, он соберёт по крупицам все доказательства и выяснит, как всё произошло на самом деле.

— Ну, что? Может, не стоит терять время, как ты на это смотришь, Илья? Поехали прямо сейчас? Заодно завезём Фаину к матери в больницу.

— Согласен, надо, так надо, тем более, что это в моих интересах. Чем раньше всё выяснится, тем скорее я смогу уехать.

— Так ведь поздно уже, неужто в такое время можно кого-нибудь застать у вас на работе, Павлуша? Наверное все давно разошлись по домам.

— Нет, Фаечка, в нашем деле нет такого понятия, как поздно или не ко времени, даже

если будет стоять кромешная тьма.

На том и порешили, сели в машину и взяли курс на райцентр, решив больше никуда не заезжать. Звонок участкового застал их в пути. По возвращении, следователя ждало письмо Зинаиды и показания ещё одного свидетеля, с которым ему только предстояло познакомиться.

Николай вышел от Лукича и побрёл в сторону дома. Он задумался о содержании письма, которое так и не довелось прочесть. Единственно, было понятно, что тётка Зинка пока не открыла все свои карты.

Снег всё ещё валил и уже лежал всюду, успев покрыть землю густым покровом. На дороге стояли две старухи и с любопытством глазели на сына председателя сельсовета.

Несмотря на то, что Николай и сам давно уже занимал непростое положение, для односельчан он сам по себе ничего не значил, и был лишь приложением к высокой должности покойного отца.

Старушки как раз обсуждали поразительное сходство сына с родителем, а Николай сразу запаниковал, не зря говорят, что на воре и шапка горит. Преступнику казалось, что они видят его насквозь. В голове зашумело и зазвучал тот самый голос, что с некоторых пор стал практически постоянным его собеседником:

— А ты думал, люди дураки и не узнают, кто ты есть на самом деле?

— Сгинь, тебя мне только не хватало.

— Я-то сгину, да только и ты за мной следом. Недолго тебе оставаться на свободе.

— Типун тебе на язык.

— Так ведь у нас с тобой один язык на двоих, забыл?

К удивлению пожилых женщин, Николай в ответ на приветствие не поздоровался, а заткнул уши и пробежал мимо них в сторону дома Раисы. Зинаида жила неподалёку и уже входила к себе во двор. Он ещё не знал, как заставить её замолчать, но это нужно было сделать, во что бы-то ни стало.

Глава 20 Кошмар в подвенечном уборе

На этот раз дорога до райцентра заняла гораздо меньше времени, чем обычно. Павел нёсся по шоссе, ловко лавируя в потоке машин, не боясь гаишников, его внедорожник все знали и не останавливали.

Фаина вжалась в заднее сиденье, вцепившись побелевшими пальцами рук в переднее кресло. Мужчины сидели впереди и, как ни в чём не бывало, обсуждали, каким образом телефон мог попасть в карман куртки.

Они уже перешли на ты и вели себя, как старые добрые приятели, словно были знакомы тысячу лет. Тем не менее, при всей своей симпатии к Илье, Павел Афанасьевич ещё ничего для себя не решил.

Совсем не факт, что Илья не при делах. Даже если Фаина за него поручится, она не может знать наверняка, кем стал друг её юности. В конце концов, прошло 20 с лишним лет и он мог превратиться в кого угодно.

За свою многолетнюю службу Павел не раз сталкивался с подобными метаморфозами, поэтому ко всему относился насторожено. Он уже отправил запрос по месту службы Ильи с целью выяснить всю его подноготную.

Интересно, что он за фрукт и с чем его едят? Осталось только дождаться результата, а потом уже делать выводы. А пока, не мешало бы расспросить хорошенько обо всём.

— Значит говоришь, как только я тебя обыскал, ты прямиком направился в больницу и больше нигде не останавливался?

— Нет, почему? По пути я остановился возле небольшого магазинчика, покупал там фрукты и сладости.

— Тогда не факт, что телефон подбросили в больнице.

— Но куртку я нигде больше не снимал.

— Могли в очереди незаметно подойти сзади и подложить.

— Да в магазине народу-то почти не было, ко мне никто не подходил близко, это я точно помню. Да и телефон я нашёл во внутреннем кармане.

— Ясно, значит первым делом будем плясать от больницы, сейчас отвезём Фаю и я там поспрашиваю, как это могло произойти. Там кто-нибудь вообще следит за одеждой посетителей?

— Я сдавал куртку гардеробщице, но потом, когда уходил, её уже не было на месте и одежду я забирал сам.

— Вот это да, эдак ведь каждый может зайти с улицы и взять любую понравившуюся вещь.

— Получается так.

— Фаюш, а ты что скажешь? В этой больнице что, совсем бардак?

— Не могу сказать точно, знаю только, что персонала там не хватает, возможно гардеробщицей подрабатывает какая-нибудь санитарка. Паша, сбрось пожалуйста скорость, не гони так, мне страшно.

— Чего же ты молчишь? Я всегда езжу быстро, но ради тебя готов изменить своим привычкам. Так пойдёт?

— Спасибо, уже гораздо лучше. Кстати, мы пока так и не выяснили, кому принадлежит телефон. А вдруг он не имеет никакого отношения к Татьяне Викторовне? У меня,

например, точно такой же, правда он остался дома.

— То есть, ты хочешь сказать, что это может быть и твой телефон?

— Это вряд ли, я бы его сразу узнала, на моём телефоне есть небольшая трещина на корпусе, уронила нечаянно.

— А почему ты оставила мобильник дома?

— Потому что ушла от мужа и не хотела брать ничего из того, что он дарил.

— Понятно, я слышал, у тебя с ним сложные взаимоотношения.

— Да уж, сложнее некуда. Давай лучше о чём-нибудь другом поговорим.

— Хорошо, как скажешь. В общем, судя по описаниям соседки и тому, что в телефоне стёрта вся информация, этот аппарат принадлежит жертве.

— погоди, почему жертве? Разве учительницу убили?

— Имею в виду, жертве несчастного случая. Тем не менее, совершено преступление, пропал телефон и необходимо установить, кто его украл.

— Ой, что-то ты темнишь, Павлуша, стал бы ты из-за одного телефона пропадать в нашей деревне.

— Так я ведь человек подневольный, куда прикажут, туда и еду.

— Ладно, уговорил, сделаю вид, что поверила. Так значит, несмотря на то, что телефон основательно почистили, всё можно восстановить?

— Да, преступнику невдомёк, что при определённых условиях это очень легко сделать.

— Как же так? Выходит, ни о какой конфиденциальности и безопасности личных данных речь не идёт и никто из нас не защищён от прослушки? — вмешался в разговор Илья, вдруг почувствовав острый укол ревности.

— Ну почему же? Все сведения конфиденциальны до тех пор, пока не понадобятся правосудию. Для того, чтобы установить, кому принадлежит телефон, восстановить содержание сообщений и журнал звонков, необходимы специальные полномочия и постановление прокурора. Коли нечего скрывать, то и бояться незачем.

— Понятно, но думаю всё же не стоит обсуждать важные дела по телефону.

— Наверное, не стоит. Мне кажется, или ты немного напрягся, Илья?

— С чего это вдруг? Мне скрывать нечего.

— Вот и хорошо. Если ты не имеешь к Татьяне Викторовне и её мобильнику никакого отношения, тогда тебя это вообще не должно заботить. Но кто-то очень хочет свалить всё на тебя, телефон подбросили не просто так.

— Ничего себе, а почему выбрали именно меня? Только потому, что я не местный?

— Не думаю, что только поэтому. Признавайся, кому успел дорогу перейти? Баба Шура тебя вон тоже не особо жалует. Говорит, немтырь ты.

— Как понять, немтырь?

— Ну, это означает необщительный, тот, кто людей сторонится.

— Час от часу не легче. То есть, если я не братаюсь со всеми, значит немтырь?

— По всей видимости так, во всяком случае в глазах бабы Шуры точно. Ты ведь ей не рассказывал, что родом из этой деревни?

— А что здесь такого? Я просто не успел сразу рассказать, а потом слишком много событий произошло и я не стал открываться, чтобы не подставлять Фаину. Наверняка до тебя уже донеслись слухи о наших отношениях?

— Конечно, и не только об этом. Баба Шура постаралась на славу. На самом деле, она мне очень помогла своими рассказами, много полезного я в них почерпнул.

Наконец подъехали к больнице и Фая с радостью вышла из автомобиля. Пока следователь выяснял у персонала, кто следит за оставленными в гардеробе вещами, они с Ильёй стояли в сторонке и разговаривали.

— Фай, я не стал при следователе спрашивать. Откуда ты его знаешь?

— Кого, Павлушу?

— Павлушу, Павлушу, кого же ещё? Он же у нас следователь?

— Танцевали мы с ним вместе, в один коллектив ходили.

— Так он ещё и танцует?

— Ага, и весьма неплохо. А ты никак ревнуешь, Илюша?

— Нет, конечно, с чего бы мне ревновать? У вас же с ним ничего не было?

— Нет, не было и быть не могло. Он между прочим женат.

Продолжению разговора помешал подошедший Павел Афанасьевич. Он уже выяснил, что хотел, и попросил Илью поторапливаться. А на прощанье заверил Фаину, что при необходимости с радостью отвезёт её обратно в деревню.

— Нет уж, больше я к тебе в машину ни за что не сяду.

— Почему это, Фаюш? Я же сбросил скорость?

— Сбросил, но всё равно для меня это слишком быстро. Особенно вначале, когда ты нёсся, как угорелый. Я уже мысленно распрощалась со всеми, думала живыми не доедем.

— Ну, не преувеличивай, я даже как следует не разогнался.

— Представляю, что будет, когда разгонишься. Ладно, пойду я, мама там наверняка с ума сходит.

— Пока, Фаечка, я завтра приеду, если конечно Павел Афанасьевич разрешит.

— Разрешу, не переживай, тем более, что твой паспорт всё ещё у меня.

— До встречи, Илюша. Пока, Паша.

Уже порядком стемнело, когда новые знакомые добрались до места. У Ильи сняли не только отпечатки пальцев, но и взяли образцы ДНК. Найденный телефон следователь отдал технарям.

Назад в деревню приехали поздно ночью. Баба Шура ещё бодрствовала и ждала постояльцев с новостями. Не спал и Николай. Помимо голоса, звучавшего в голове, с ним приключилась новая напасть.

Лёжа в кровати, мужчина обдумывал, что делать с Зинаидой, но стоило ненадолго прикрыть глаза, как он уснул. Во сне к нему пришла Татьяна, она молча села рядом и тихонько тронула за плечо:

— Колечка, не спишь? Хочешь посмотреть, как толкается наш маленький?

Он в ужасе сел на кровати. На расстоянии вытянутой руки перед ним сидела любовница, она была в подвенечном платье и улыбалась, поглаживая живот. Но как такое вообще возможно?

— Чего молчишь, миленький? Ты разве не рад?

— А чему я должен радоваться?

— Как чему? Ребёнок у нас будет.

— Какой ребёнок? Уйди, тебя нет, ты умерла.

— Как это нет? Вот же я, живая. Скажи, зачем ты меня толкнул? Ты хотел убить нашего малыша?

— Я тебя не толкал, ты сама упала. Уйди, сгинь. Зачем ты пришла?

— Ты ещё не понял зачем? Мы ведь теперь с тобой поженимся? Ребёнок должен

родиться в браке.

И тут Николай проснулся по-настоящему. Он дрожал от страха и был весь в холодном поту. Остаток ночи провёл на ногах, включив свет всюду, где только возможно, потому что боялся снова уснуть и увидеть перед собой Татьяну. До него пока не дошёл смысл сказанных ею слов.

Глава 21 Нападение

Как правило, все деревенские жители просыпаются рано, так как большинство из них держат домашнюю скотину или птицу. Правда в наше время далеко не все занимаются животноводством, а вот раньше в деревне без своего хозяйства было просто не выжить.

В отличие от своих ближайших соседей, Зинаида не была обременена крупным рогатым скотом, а держала только кур. Да и зачем нужна корова, если молоко и сметану можно купить у других? Зато яйца свои, домашние.

В то утро женщина по многолетней привычке встала пораньше и принялась за домашние хлопоты. В последнее время по гостям она была не ходок, телевизор, да уборка были её единственными развлечениями.

Да и какой смысл ходить по подругам, если с ними нельзя даже словом перекинуться? Что хорошего в том, чтобы просто сидеть и внимать, что говорят другие, а самой молчать, когда так и подмывает вставить свои пять копеек?

А ведь Зинаиде было, что сказать, она бы всех за пояс заткнула ценными сведениями, ведомыми только ей одной. Хорошо, хоть душу отвела, пока писала анонимку, уж там старая сплетница развернулась на всю катушку. Особенно досталось родной племяннице.

Тётка выдала всё, что думает о Фаине и её аморальном поведении. Лукич потому и не стал озвучивать письмо вслух, дабы не обидеть Николая, он решил не настраивать мужа против жены.

Кто знает, может и было промеж них что-то нехорошее в самом начале супружества, о чём нынче болтают по всей деревне, да только никто точно не знает, как было на самом деле. В любом случае, всё это дела давно минувших дней и ещё бабка надвое сказала, что там правда, а что нет.

В общем, участковый не стал уподобляться деревенским сплетникам и всё ещё действующий муж Фаины не получил доказательств того, о чём сам давно догадался. Гораздо больше он был озабочен другой своей проблемой.

Николай был не на шутку напуган тем, что с ним происходит, и чувствовал, что сходит с ума. События последних дней и бессонная ночь, проведённая накануне, сказались не только на его рассудке, но и на внешности.

Постоянно следивший за своим внешним видом, всегда одетый с иголки, импозантный мужчина с утра был небрит и выглядел весьма неопрятно в своём измятом костюме и несвежей рубашке с перекрученным галстуком.

Всё это, вкупе с неадекватным поведением, когда он разговаривал сам с собой, говорило о необходимости показать его психиатру. Любой, кто увидел бы сына покойного председателя сельсовета со стороны, понял бы, что тот находится на грани безумия.

Второй день находясь в доме у тёщи, Николай начисто потерял связь с реальностью, ведя жаркие споры со своим невидимым собеседником:

— Посмотри на себя, на кого ты стал похож? В конце концов, твоё тело принадлежит не только тебе, хоть ты пока и являешься главным, — возмутился голос в голове мужчины.

— Не твоё дело, как я выгляжу, и вообще, ты — не я, а я — не ты, это понятно? Я сам по себе, а ты нет никто и звать тебя никак.

— Зря ты так думаешь, наступит момент, когда я возьму бразды правления в свои руки и полностью тебя вытесню.

— С чего ты вдруг решил, что у тебя это получится?

— Ну, а как ты хотел? Ты ведь сам уже не справляешься с ситуацией, неужели не ясно?

— Бедный мой Коленька, что с тобой стало? Где тот сильный мужчина, которого я полюбила когда-то? Ты совсем не похож на себя, — над ухом раздался женский голос и возле Николая вдруг появилась Татьяна всё в том же свадебном наряде, в котором приснилась минувшей ночью.

Он окончательно ошалел от увиденного. Любовница стояла рядом и укоризненно покачивала головой. Только этого не хватало, мало того, что она приходила к нему во сне, так теперь ещё и посреди белого дня явилась.

Он мог не только лицезреть погибшую воочию, но и слышать, задавать вопросы и разговаривать на разные темы. Но какие могут быть разговоры, когда язык онемел от страха, парализуя все конечности разом?

В горле пересохло от ужаса, в какой-то момент Николай подумал, что это возможно чья-то злая шутка, глупый розыгрыш или происки недругов. Но кому понадобилось сводить его с ума? Он разлепил слепленные между собой сухие губы и произнёс еле слышно:

— Уходи туда, откуда пришла, оставь меня в покое, тебя нет, ты просто фантом.

— Сам понял, что сказал, Коленька? Если меня нет, то с кем ты сейчас разговариваешь?

— Эй, как там тебя, скажи, ты тоже её видишь?

— Эй зовут лошадей, а меня зовут так же, как и тебя. Но, чтобы не путаться, ты можешь называть меня Николай второй, раз уж я пока что на вторых ролях.

— Ладно, как скажешь. Так что ты видишь, то же, что и я?

— Ты об этой несчастной женщине, которую убил? Да, я тоже вижу эту красотку, по части женщин у нас с тобой всегда был прекрасный вкус.

— Тьфу ты, нечистая сила. Я её не убивал, если уж ты моё второе я, тебе должно быть об этом хорошо известно.

— Мне-то об этом известно, да только другим невдомёк. Чем докажешь?

— Ничем не докажет и я тоже не смогу помочь, потому что меня никто не видит, да и не прощу я ему смерти нашего маленького, — отозвалась Татьяна погрузневшим голосом.

— Какого ещё маленького? Наверняка ты помимо меня якшалась с кем-то ещё? Решила повесить на меня чужого ублюдка, да не вышло? Плавали, знаем, есть уже печальный опыт.

Перепалка сразу с двумя оппонентами дело нелёгкое, Николай утомился окончательно, к тому же дико хотелось спать. Чтобы не уснуть ненароком, он взялся за телефон и увидел несколько пропущенных звонков и смс.

Оказалось, вчерашним днём ему много раз звонили с работы, с целью выяснить, куда запропастился помощник мэра и намерен ли он вообще когда-нибудь появиться на рабочем месте?

Но он ничего не слышал и никак не отреагировал, поскольку перед тем, как навестить участкового, поставил свой телефон на беззвучный режим и благополучно об этом забыл.

Да и разве всё упомнишь, когда прямо следом за ним в гости к Лукичу пожаловала Зинаида? После этого голова Николая была занята тем, как бы заткнуть бабке рот, чтобы раз и навсегда заставить её замолчать.

Потом ему приснился кошмар и с тех пор он не мог думать ни о чём другом. Возможно, безумец, охваченный страхом и паникой, даже не вспомнил бы о зловредной тётке жены, если бы она сама не появилась вдруг перед его глазами, нарисовавшись во дворе тёщи.

Николай случайно выглянул в окно и увидел, как Зинка ходит кругами возле его

автомобиля, припорошенного снегом. Неужто дошло наконец, кто обогнал её тогда на дороге, прямо на подступах к деревне?

Об этом можно было судить по тому, с каким страхом она посмотрела на родственника, когда подняла голову и встретилась с ним взглядом. С ужасом в глазах, женщина попятилась назад, споткнулась о какую-то корягу в снегу и упала.

Падение и ушиб не помешали ей резво вскочить на ноги и ринуться со двора. Увязая в сугробе, она вприпрыжку побежала к себе, причём проделывала всё это молча, нет бы закричать на всю деревню.

Николай настиг Зинаиду прямо у ворот дома, она было попыталась захлопнуть калитку перед его носом, да как бы не так. Всё произошло молниеносно, казалось, от силы прошла минута или две.

Преступник крепко связал заполошной тётке руки и заткнул рот старой тряпкой. Он ещё не решил, что будет делать дальше, но понимал, что назад дороги нет, нельзя было оставлять свидетельницу в живых.

Зинаида мычала, пытаясь объяснить Николаю, что всё в порядке и что она никому ничего не скажет, а будет молчать, как делала это прежде, но тщетно, тот не собирался её освободить.

И тогда она стала молиться про себя, вспоминая давно забытые молитвы и обещая Богу выучить их все наизусть, если конечно тот даст ей такую возможность. Господи, спаси и помилуй грешную рабу твою, Зинаиду.

Глава 22 Не те нынче времена

Впервые за долгое время Павлу Афанасьевичу, обычно страдавшему бессонницей, наконец удалось выспаться. Возможно, сказала усталость последних дней, а может всему виной была вишнёвая настойка бабы Шуры, угостившей припозднившихся квартирантов на сон грядущий.

К тому же, радушная хозяйка постелила дорогому гостю свою самую мягкую перину и он заснул как убитый, убаюкиваемый мерным звучанием старого холодильника, что стоял в его комнате.

Если бы не телефонный звонок, прозвучавший в 6 утра, опытный следователь проспал бы всё на свете. Звонил старый знакомый, с которым Павел когда-то вместе работал ещё до своей вынужденной ссылки в район, куда его отправили якобы на повышение.

— Доброе утро, Паша. Знаю, что ты как всегда уже на ногах, поэтому и звоню так рано.

— Доброе утро, Яков Лаврентич. Чем порадуешь?

— Ого, судя по заспанному голосу, ты всё ещё давишь на массу?

— Не поверишь, спал сном праведника. Проспал подряд больше трёх часов, это рекорд.

— Поздравляю, дорогой. Завидую белой завистью, ибо сам почти не сплю. Ну что, готов выслушать новости или будешь продолжать спать?

— Конечно готов, Яша, хорош прикалываться. Рассказывай уже, что там у тебя?

— В общем, с тебя магарыч, Паша. Короче, погибшая учительница частенько бывала у нас в области, прямо таки с завидной регулярностью. А началось всё примерно полгода назад, когда её выдвинули от района, как лучшего работника и поощрили грамотой и ценным подарком.

— Погоди, кажется я даже знаю, кто именно её награждал. Заместитель главы города по вопросам просвещения и культурного развития, Николай Богачёв, бывший односельчанин и коллега, к которому у неё когда-то были чувства, верно?

— Точно, старая любовь не ржавеет. Ну у тебя и чуйка, Павлуша. Ты не только точно назвал фамилию человека, с кем плотно общалась погибшая, но и его должность.

— А как иначе? Чуйка она либо есть, либо нет, сам знаешь.

— Это да, угораздило же тебя в который раз вляпаться в непростого человека, нет бы списать всё на несчастный случай? Эх, Паша, Паша, ничему тебя жизнь не учит.

— И не говори, Яша. С тебя пример беру.

— Не боишься снова связываться с сильными мира сего? Однажды тебя это сильно подвело.

— Нет, Яшенька, не боюсь. Да и не те нынче времена. Кстати сказать, этот Николай Богачёв как раз один из тех влиятельных лиц, кого обвиняли в том групповом изнасиловании. Их счастье, что девушке уже исполнилось 18, к тому же она забрала заявление, видать получила нехилые отступные. Я пробовал вывести всех на чистую воду, но начальство меня не поддержало, а приказало заткнуться и не клеветать на уважаемых людей.

— Да помню я твою вынужденную ссылку, под предлогом нехватки кадров на местах. Может вернёшься? Нам тебя очень не хватает.

— Нет, мне и в районе неплохо. Как говорится, на своём месте я хоть маленький, но князёк. К тому же Светка моя привыкла к новому месту и вряд ли захочет назад.

— Всё с тобой ясно, Паша. Ну, на нет и суда нет. Тогда просто заезжай в гости, посидим

за рюмкой чая, вспомним былое.

— Нет уж, лучше ты к нам, Светик будет очень рада тебя видеть.

— Хорошо, Паша, как-нибудь заскочу.

— Так, с этим разобрались. А что скажешь по поводу офицера? Что он за человек?

Можно с таким идти в разведку?

— Тут всё ровно, перед законом чист, как слеза. К тому же побывал в горячих точках, имеет заслуженные награды. С бывшей женой расстался по-мужски, хоть и гульнула она от него, но не стал устраивать сцен, или разыгрывать оскорблённую добродетель, ушёл с одним чемоданом. Помогает сыну материально, живёт один. Недавно пошёл на повышение, переводом в столицу.

— Вот и славно, значит за Фаю я могу быть спокоен.

— Это ты про какую Фаю? Жену Богачёва?

— Для меня она прежде всего добрая женщина и хороший человек.

— Так, Павлуша, надеюсь ты не забыл, что женат?

— Ага, забудешь тут. С моей Светкой не забалуешь, сам знаешь.

— Это да, она у тебя боевая, передавай ей большой привет.

— Обязательно передам, Яков Лаврентич. Звони, не пропадай.

— Это кто бы говорил, Павел Афанасьевич? Сам годами не даёшь о себе знать.

— Ну ладно, не ворчи. Спасибо тебе за помощь, Яша.

— Было бы за что. К тому же, ты и без меня уже обо всём знал.

— Это были всего лишь мои догадки и предположения, а их, как известно, к делу не пришьёшь. А теперь я знаю наверняка, что за фрукт наследил в этом деле. К тому же, он имел наглость приехать, якобы с целью оказать посильное содействие следствию. Преступник всегда возвращается на место преступления.

— Ты прав, Паша. В момент своей смерти учительница была не одна. Телефон, принадлежавший Богачёву, был зафиксирован рядом с телефоном жертвы. Уж не знаю, что там между ними могло произойти, с этим тебе ещё предстоит разобраться.

— Разберусь, не сомневайся, прямо сейчас отправлюсь к этому кадру. Он мне ответит за всё разом. Ладно, бывай, Яков.

— Держи меня в курсе событий, до связи, Паша.

После разговора, следователь пошёл в комнату Ильи, намереваясь его разбудить, но тот уже давно был на ногах, так же, как и баба Шура. Оба сидели в смежной комнате и чаёвничали.

— Всем доброе утро.

— Доброе утро, Павел Афанасьевич. Ты уже умылся?

— Нет ещё, только встал.

— Сходи умойся и присаживайся, отведай оладушков. Я только что напекла, смотри какие румяные, прямо с пылу, с жару.

— Непременно, Александра Захаровна. Только чуть позже, дела не ждут.

— Батюшки святы, да какие могут быть дела, не жрамши?

— Ничего, успею ещё, баб Шура. Илья, ты тоже давай закругляйся, нужна твоя помощь, поедем вместе на задержание, по дороге ещё заскочим за Лукичём. Дело дошло до финальной точки, даст Бог, уже сегодня сможешь ехать на все четыре стороны.

— Понял, я готов, тогда жду тебя возле машины.

Баба Шура изнывала от любопытства. Так нечестно, быть в гуще событий и

ничегошеньки не знать? Её так и подмывало попроситься на это самое задержание, но следователь уже вышел из комнаты, а Илья ровным счётом ничего не решал.

Заметно погрузнев, Александра Захаровна вышла за ворота, чтобы проводить квартирантов. Когда те уехали, она всё же не удержалась и зашла к ближайшей соседке, умудрявшейся всегда и обо всём знать больше неё.

Баба Шура заговорщически поведала, что в её хате развёрнут целый штаб по поимке преступника. Сама ещё толком ничего не зная, она делала глубокомысленное лицо и вращала глазами, в ответ соседка лишь вздыхала с завистью. Наконец-то удалось заткнуть её за пояс.

Лукич хоть и давно встал, но всё ещё ходил по избе, лениво почёсываясь. Но стоило только Павлу Афанасьевичу появиться, быстро собрался и был готов ехать куда угодно. Правда услышав, кого именно им предстоит задержать, очень удивился.

— Неужто, Колька Богачёв и есть тот супостат? Не зря вчера Зинаида притаранила свою писульку, где тоже говорит о позднем визите таинственного гостя в дом учительницы. А ведь он как раз в это время сидел у меня и в ус не дул, вот ведь мерзавец.

— Не понял, то есть, он видел, как тётка Фаины принесла письмо и знает, что она свидетель?

— Выходит, что знает.

— Ты зачитывал ему письмо вслух?

— Нет, не зачитывал, но я переспросил у Зинки имя того посетителя, она в ответ лишь плечами пожала.

— Так, Лукич, похоже, по твоей вине, у нас намечается новая жертва. Молись, чтобы с ней ничего не случилось.

Глава 23 Пересмешники

То раннее утро отличалось от других похожих в череде унылых осенних будней количеством выпавших осадков, грозившим побить рекорд прошлого года. Долгожданному снегу были рады все, особенно деревенские ребятишки.

До начала декабря оставалось всего несколько дней, но в воздухе уже пахло особой магией, какая обычно бывает в преддверии неумолимо приближающегося Нового года, когда все охвачены предпраздничной суетой и азартом.

Местные жители, занятые насущными проблемами и делами, даже не подозревали о том, что рядом с ними стремительно разворачиваются события, о которых потом ещё долго будут вспоминать.

Прошло чуть больше суток и следствию удалось установить имя того, кто был причастен к гибели Татьяны Викторовны. Кто бы мог подумать, что в этом повинен сын председателя сельсовета? Покойник поди в гробу перевернулся от стыда за своего единственного отпрыска.

Произошедшее было непосредственно связано с Фаиной, она даже представить себе не могла насколько. В этом деле прошлое тесно переплелось с настоящим и неизбежно влияло на будущее.

Пришло время платить по счетам главному обидчику Фаи, её мужу. Настал момент, когда Николай должен ответить за все свои преступления разом, если не перед Богом, то перед людьми. И пусть к гибели Татьяны Викторовны он причастен лишь косвенно, но это ещё нужно доказать.

О том, что женщина была беременна, Николай узнал уже после её смерти. Но можно ли принять на веру слова покойницы, второй день неотступно его преследовавшей? Она всё время твердила, что он повинен в смерти своего ребёнка и требовала узаконить их отношения.

Татьяне вторил тот, кто называл себя Николаем вторым, они переговаривались между собой и в открытую над ним насмехались. Альтер-эго безумца и погибшая любовница стали союзниками в борьбе против него.

— Эх, Танюша, жаль, что я не смог вовремя одолеть Николашку, иначе мы бы с тобой зажгли не по-детски. Он дурак и сам не ведал того, что творил, вместо того, чтобы быть счастливым рядом с тобой, клещами вцепился в Файку и не отпускал от себя.

— Да, если бы Коленька тогда меня не оставил, всё бы у нас сложилось хорошо, я бы и ребёночка давно ему родила, и не одного, а нескольких.

В ответ на их разговоры, Николай молчал, стиснув зубы. Он очень хотел сосредоточиться на деле, а эти двое ему мешали. Надо было обмозговать устранение Зинаиды, да так, чтобы комар носа не подточил.

Как это сделать? Не резать же её в самом деле? Это слишком хлопотно, к тому же останутся следы. Придавить подушкой, а потом повесить? Тоже достаточно затруднительно. Гораздо лучше представить её смерть, как несчастный случай или самоубийство.

Наконец в голове прояснилось. На кухне стоял газовый баллон, почему бы им не воспользоваться? Нужно всего лишь оставить хозяйку одну, а потом вернуться и развязать её уже мёртвую.

А что, вполне дельная мысль, одинокая женщина решила покончить со своей

никчёмной жизнью, наверняка, сказало молчание последних дней, когда пришло переосмысление и переоценка ценностей.

Осталось только подтащить тётку поближе к плите, закрыть окна и двери и повернуть вентили газовых горелок. Но сказать проще, чем сделать, ведь убивать по-настоящему Николаю пока что не приходилось.

Хотя, уверенный в собственной безнаказанности, он давно уже перешёл грань дозволенного, но всё же решиться на убийство непросто, это не беззащитных девок насиловать.

К тому же, Николай был обычным трусом. С тех пор, как он ворвался в дом Зинаиды, намереваясь заставить её раз и навсегда замолчать, прошло чуть более получаса. Связанная женщина лежала на полу и тихонько поскуливала.

Она уже перебрала все молитвы, какие знала, суля всевышнему денно и ночью бить поклоны. Умирать ей совсем не хотелось, как любому живому человеку, всеми силами цеплявшемуся за свою жизнь.

Лежать в одном положении было дико неудобно, от грязной тряпки во рту в горле пересохло. Обуреваемая жаждой, несчастная женщина покорно наблюдала за родственником, но в душе всё ещё лелеяла надежду остаться в живых.

Пока он медлил, всячески оттягивая неизбежное, к дому Раисы подъехала машина следователя. Импровизированная группа захвата в лице троих мужчин ворвалась во двор, благо калитка была открыта, а двери в хату незаперты.

Машина Николая стояла, припорошенная снегом, а его самого нигде не наблюдалось. Не нужно иметь аналитический склад ума или применять дедуктивный метод, чтобы без особого труда догадаться, где он мог быть.

— К Зинаиде идём пешком и как можно тише, не хватало ещё вспугнуть нашего ловкача, если он конечно всё ещё там, а не сбежал, сделав своё чёрное дело. Надеюсь, что ещё не слишком поздно.

— Может, я пойду к дому задами, со стороны огорода, пока вы идёте к воротам?

— Хорошо, Лукич, только постарайся ничем себя не обнаружить. Как только нам с Ильёй удастся выманить его наружу, действуй по ситуации. Надеюсь, табельное при тебе?

— А то как же? Обижает, Павел Афанасьевич.

Участковый демонстративно поправил кобуру с пистолетом, давно ожидавшимся своего часа, он регулярно чистил его и смазывал. Если преступник окажет сопротивление, ему точно не поздоровится.

Тем временем, Николая вновь одолели потусторонние силы в лице покойной Татьяны и таинственного голоса, называющим себя настоящим хозяином его тела. Они преследовали его одновременно, давая лишь кратковременную передышку.

У Зинаиды волосы встали дыбом, глядя на то, как муж племянницы разговаривает сам с собой, но не только этот факт приводил в трепет и ужас, а само содержание этих речей, которые касались её напрямую.

— Ну что, ты уже придумал способ, как будешь избавляться от свидетельницы? — деловито осведомился Николай второй.

— Да он боится, неужели ты этого не видишь? Экий же ты трус, Коля, — вторила ему покойница, всячески подзуживая.

— Ничего я не боюсь, понятно? Зинке давно уже пора перестать коптить небо. К тому же, её никто в деревне не любит, все мне только спасибо за это скажут. Да и кого может

тронуть смерть старухи?

— Bravo, Николай, всё правильно. Докажи всем, что ты не тварь дрожащая, а право имеешь.

— Да где ему? Наш Колясик совсем не похож на Родиона Раскольникова.

— Не похож, говоришь? Согласен, я лучше него, потому что придумал более оригинальную смерть, чем от топора.

— А не боишься, что тебя за это упекут за решётку?

— Нет, на меня никто и не подумает, все примут её смерть за суицид. Вот полюбуйтесь, как легко я справлюсь с этим делом.

Николай подошёл к родственнице, схватил покрепче за ноги и потащил на кухню, кряхтя от усердия. На порожке двери, ведущей на кухню, Зинаида больно стукнулась головой, но это были цветочки, в сравнении с тем, что ей ещё только предстояло пережить.

Преступник повернул флажки газовых горелок, оставив Зинаиду лежать на полу возле открытой духовки, а сам выскочил во двор, где собирался переждать какое-то время. Тут-то он и заметил двоих мужчин, старавшихся незаметно подобраться к дому.

В одном из них Николай узнал ненавистного Илью. Быстро заперев входную дверь на ключ, услужливо торчавший в замке с другой стороны, он закинул его далеко в кусты, а сам побежал в огород, решив пробираться к дому тёщи задами.

Пока суть да дело, Зинаида будет уже мертва, никто и никогда не узнает, кто связал её по рукам и ногам, ведь она так и не назвала имя того, кого видела у дома Татьяны Викторовны в ночь её смерти.

Завернув за угол сарая, Николай угодил прямо в распростёртые объятия Лукича, тот, предчувствуя такой расклад, вовремя сориентировался и задержал супостата. Применив болевой приём, он повязал преступника и надел на него наручники. Пистолет, так и не понадобился.

Двери в дом пришлось ломать, кухня почти вся заполнилась угарным газом. Зинаида лежала на полу и не подавала признаков жизни. Лукич делал ей искусственное дыхание, приводя несчастную в чувство, пока она наконец не задышала полной грудью.

Бог услышал молитвы женщины и послал ей спасителя в лице деревенского участкового. Лукич стал героем, а особенно в глазах Зинаиды. Она, как спящая красавица, очнулась от поцелуя принца.

Благодаря чётким действиям, операция по поимке преступника завершилась успешно. Следователь пообещал участковому, что похлопочет о новом звании для него, как наиболее отличившемуся в этом сложном деле. Потом он заговорщически подмигнул и весело произнёс

— Теперь, Лукич, как честный человек, ты обязан жениться на Зинаиде.

— Вот спасибо, удружил. Нет уж, мне такое счастье без надобности.

— А что так? Ты же вроде давно вдовствуешь, как и она?

— Верно, да только Зинка мне всю плешь проест, а оно мне надо? К тому же, я привык жить один.

— Ну, как знаешь, тебе решать. Ладно, мне пора, ещё надо этого упыря сдать с рук на руки.

— А я теперь тоже могу уехать? — поинтересовался Илья.

— Конечно можешь, езжай на все четыре стороны.

— Тогда может вернёшь мне мой паспорт?

— Ах, да, извини, Илюха, запамятовал, вот, держи свой мандат. Да смотри мне, Фаю не обижай, она и без того натерпелась.

— Не бойся, не обижу.

— Ты прямо сейчас уедешь или ещё задержишься?

— Задержусь, мне ещё нужно дождаться, когда выпишут мать Фаины.

— Значит хочешь увезти в Москву обеих?

— Да, если конечно Фаечка согласится там жить, теперь она вольна делать всё, что захочет.

— Уверен, что Фая только об этом и мечтает, я видел, как она смотрит на тебя. Тогда жду от вас приглашения на бракосочетание, раз уж Лукич не хочет жениться. Уж больно мне хочется на чьей-нибудь свадьбе станцевать.

— Обязательно, Паша, ты у нас будешь самым почётным гостем, тем более, что я уже слышал, как ты танцуешь.

— Это Фая тебе сказала? Да, было время, когда мы вместе с ней танцевали. Ну, бывайте, помогай вам Бог.

Несмотря на ранний час, возле дома Зинаиды уже собрался народ, даже баба Шура прибежала с другого конца деревни. Под гулкий ропот собравшихся, мрачного Николая, закованного в наручники, вывели со двора и погрузили во внедорожник следователя.

Попрощавшись со всеми и обняв на прощание зардевшуюся от счастья Александру Захаровну, Павел Афанасьевич сел за руль и покотил по дороге. Следствию предстояло выяснить все обстоятельства дела.

Глава 24 Придётся задержаться

На допросе Николай вначале вёл себя вполне адекватно. Он сразу дал понять, что готов сотрудничать со следствием и отвечал на все вопросы. Задержанный представился по всей форме и назвал свою должность, как будто это могло повлиять на благоприятный исход дела.

Потом слово в слово повторил всё, о чём до этого уже поведал Савелию Лукичу, местному участковому, к которому пришёл, как только узнал о гибели учительницы, своей давней знакомой, с ней ему довелось когда-то вместе работать.

Накануне, Николай совершенно случайно встретил Татьяну Викторовну в городе. Женщина подвернула ногу и попросила подвезти её до деревни, а он проявил участие и помог. Кто же знал, чем всё обернётся? Она выглядела счастливой и ничто не предвещало такого поворота событий, скорее наоборот.

Во время пути Татьяна Викторовна с воодушевлением делилась дальнейшими планами на жизнь, рассказала о приезде жениха, об их предстоящей свадьбе, а также о своём желании уехать из деревни.

— Скажите, а какие отношения были между вами?

— Самые обыкновенные, дружеские. Мы встретились через много лет и оба были приятно удивлены, насколько тесен мир.

— Да уж, тесен, не то слово. Хорошо, после того, как вы подвезли Татьяну Викторовну, заходили ли вы к ней в дом или сразу поехали обратно?

— Заходил, она пригласила меня на чай и я согласился.

— И как долго вы пили вместе чай? Час, два, или быть может больше?

— Я не засекал, знаете ли. Думаю, что меньше часа. И вообще, что за странные вопросы? Вы бы лучше искали её женишка, а не теряли время, беседуя со мной. Вы обращаетесь со мной, словно с преступником. Мало того, что взяли отпечатки пальцев, так ещё с какой-то целью полезли мне в рот, словно там есть что-то интересное. Неужто вы подумали, что я мог покусать бедную женщину?

— Следствие обязательно во всём разберётся, не отвлекайтесь, пожалуйста. Продолжайте рассказывать.

— Да я, в общем-то, всё уже рассказал.

— Скажите, а когда и с какой целью вы снова появились в деревне?

— И об этом я тоже уже говорил участковому. Тёща в больнице и моя жена за ней ухаживает, поэтому я и приехал, чтобы быть поближе к ним, из города ведь не наездишься. Услышал о несчастном случае и сразу же пошёл к Лукичу.

— То есть, в ночь смерти учительницы вы не приезжали?

— Нет, конечно, я в это время был в городе.

— Кто-нибудь может это подтвердить?

— Да шут его знает, разве что соседи могли видеть, но это вряд ли, мы толком друг с другом не знакомы и почти не общаемся.

— Понятно. Тогда ответьте, зачем вы пытались убить свою родственницу?

— Что вы несёте? Я не пытался никого убить, мне это без надобности.

— А за что вас тогда задержали?

— Ума не приложу, я не сделал ничего плохого, просто пришёл проведать тётку жены и

заодно хотел попросить её помочь по хозяйству, присмотреть за курами, пока тёща лежит в больнице. Постучал в дом, оказалось заперто, повернулся и сразу же ушёл.

— А почему назад пошли через задний двор?

— Дворами я пошёл, потому что так ближе, вот и всё. Не успел завернуть за угол, как на меня напал Савелий Лукич, заковал в наручники и бросил на землю, как куль с мукой или картошкой.

— Полноте, тётка вашей жены уже дала показания, в которых обвиняет вас в том, что вы ворвались в дом, вначале связали её, а потом пустили газ, решив умертвить, как единственную свидетельницу.

— Свидетельницу чего?

— Она узнала вашу машину, вы обогнали её на дороге как раз в ночь смерти учительницы, вашей давней знакомой.

— Полная чушь и ерунда, бабка из ума выжила, а вы принимаете её слова за чистую монету. Она никогда не любила мою жену и только поэтому хочет мне навредить. И вообще, если вам нечего предъявить, кроме бредней выжившей из ума старухи, требую меня отпустить.

— Почему же нечего? У нас имеется полная распечатка звонков с телефона вашей жертвы, которая ни с кем, кроме вас не общалась.

— Не смешите меня, у Зинаиды отродясь не водилось телефона, да и зачем мне с ней общаться?

— Не делайте вид, что ничего не поняли, распечатку звонков и сообщений мы сделали с телефона Татьяны Викторовны. Кроме того, следствию удалось установить, что на протяжении последних 6 месяцев, вы с погибшей состояли в близких отношениях и регулярно встречались на съёмной квартире. А также, нам стало известно, что это именно вы подарили телефон своей любовнице.

— Бред, ложь и клевета. Я больше не скажу ни слова без адвоката.

— Это как вам будет угодно. Звоните своему адвокату или мы предоставим вам общественного.

— Не нужен мне общественный, я человек далеко не бедный и в состоянии заплатить лучшему стряпчому. Вы ещё не поняли с кем имеете дело? Зря вы со мной связались, очень зря. Я, как помощник главы областной администрации, лицо неприкосновенное, и вы дорого заплатите за свои незаконные действия. Уже через пару часов вы будете ползать у меня в ногах и умолять простить вас.

— Даже не сомневаюсь в ваших возможностях и готов понести наказание, но до приезда вашего адвоката, вам придётся у нас задержаться. А пока попрошу проследовать в наши апартаменты.

— Я требую предоставить мне одиночную камеру.

— Вынужден огорчить, но в виду переполненности следственного изолятора, у нас полностью свободен только карцер, а вы пока ни в чём не провинились, чтобы сажать вас туда. Так что, милости просим в общую камеру. Как надоест ваньку валять и захотите сознаться в двойном убийстве, дайте знать.

— Какое двойное убийство, вы с ума сошли? Решили повесить на меня все ваши висяки? Повторяю, мне не в чем сознаваться, — Николай даже взвизгнул от переизбытка эмоций и чувств.

— Обычное двойное убийство. Ваша любовница была беременна и судя по всему,

вместе с ней вы убили своего ребёнка. Как вам такой расклад? Скоро будут готовы анализы ДНК и что-то мне подсказывает, что именно вы являетесь отцом.

Николай продолжал потрясать кулаком, грозя следователю немислимыми карами. Но привыкший к подобным угрозам, Павел Афанасьевич не обращал внимания. Он вызвал охранника и задержанного сразу же увели.

Камера, куда привели Николая, была рассчитана на шестерых. Один заключённый стоял у зарешеченного окна, докуривая спрятанный в кулаке бычок, а остальные четверо сидели за столом. Они еле успели спрятать самодельные карты и с нетерпением ждали, когда закроется дверь.

После этого пять пар глаз с интересом уставились на вновь прибывшего. Любой, кто впервые оказывался в СИЗО, выглядел потеряно и жалко, что в общем-то немудрено, а этот хлыщ вёл себя так, словно был хозяином.

Ни с кем не поздоровавшись, Николай последовал к койке, на которой лежал свёрнутый матрас, здраво рассудив, что место никем не занято. Последние слова следователя постепенно дошли до преступника и медленно, но верно, погружали его в состояние глубокой прострации.

Одно дело, когда о беременности твердит преследовавшая его покойница, и совсем другое, когда это подтверждает кто-то другой. Он был потрясён, наконец осознав, что возможно виновен в гибели собственного ребёнка.

Мужчина задумался и не услышал, как один из сокамерников обращается к нему, требуя представиться, как положено. Но Николай молчал и это было его большой ошибкой.

Глава 25 Надо подлечиться

Вопреки правилам СИЗО, запрещающим своим постояльцам лежать среди белого дня Николай расстелил сваленный матрас и лёг, уставившись перед собой. Голова распухла от множества мыслей, заставляющих думать и размышлять.

Но из-за эмоций, переполняющих до краёв, и от чувства вины, он никак не мог сосредоточиться на чём-то одном. Кроме того, в камере стоял спёртый воздух и нос никак не желал привыкать к специфическому амбре, состоявшему из сложного сочетания запаха пота и грязных ног, что исходил от немых тел остальных обитателей.

К этому запаху примешивалась вонь, доносившаяся из угла, где было расположено отхожее место, именуемое живописным словом параша. Николай непрерывно морщился, показывая всем своим видом, что не привык к подобным изыскам.

К простым людям, не обличённым властью и деньгами, он всегда относился с превосходством, считая себя во сто крат лучше и умнее. Надо ли говорить, что уголовники были для него обычным отребьем?

Он не считал нужным здороваться и вести беседы с этими грязными отбросами общества, с которыми ему довелось пересечься лишь волею случая, да и то ненадолго. Ничего, скоро всё изменится.

Как только прибудет адвокат, это досадное недоразумение будет тут же исправлено. Задержанный заранее предвкушал, как следователь будет униженно лебезить перед ним, пытаясь оправдаться за свои действия.

Он закрыл глаза и мысленно представил эту картину, когда над ним вдруг навис сокамерник и загородил свет, исходящий от окна. Пахнуло ещё большим смрадом и Николай недовольно поморщился.

Один из сидельцев по кличке Шнырь решил накнокать лоха, или, выражаясь воровским языком, подыскать жертву для игры в карты. Он несколько раз обратился к новичку с места, но тот делал вид, что не слышит и оставался лежать, пришлось подойти самому.

— Эй, фраерок, ты глухой или как?

— Вы что-то хотели, уважаемый?

— А ну быра встал со шконки и дал о себе полную раскладку.

— Я вас не понимаю, прошу выразаться яснее.

— Не понимаешь? Да ты у меня ща на цирлах дыбить будешь.

— Будьте добры, встаньте чуть подальше, вы нарушаете границы моего личного пространства.

Шнырь вначале оторопел о такого нахальства, а потом рассвирепел. Он оглянулся на корешей, как бы призывая тех в свидетели, что вахлак совсем оборзел, после чего исторг из себя поток отборной брани, состоявший из непонятных слов.

— Что? Ты мне тут ещё вякать удумал, форшмак недоделанный? Ах ты бажбан базарный, ты в самом деле валенок или только прикидываешься? Да ты у меня сейчас будешь верзать через варешку.

Остальные четверо подошли поближе, чтобы не пропустить всё веселье. Когда ещё удастся так позабавиться? На беду Николая, в голове снова прорезался молчаливый со времени задержания внутренний голос, что лишь усугубило его положение, ибо он стал ему отвечать.

— Вставай, не время строить из себя путёвого, иначе тебя сейчас побьют. Что непонятного? Перевожу на пальцах.

— За что меня бить? Я лежал и никого не трогал. Этот мордатый сам подошёл, чуешь как от него воняет?

— Ну и что. От других тоже воняет, и от тебя через пару дней так же вонять будет. Ты разве ещё не понял, Николенька, что ты с ними в одной упряжке? Тебе с этими товарищами надо дружить.

— Ещё чего, гусь свинье не товарищ. Не собираюсь я с ними дружить. И вообще, я скоро отсюда выйду, а эти уркаганы так и сгниют в своём дерьме.

— Ну всё, приплыли, Николай первый. Видит Бог, я старался помочь, но теперь тебя даже адвокат не спасёт.

Бывалые урки успели поучить неучтливому сокамернику уму разуму ещё до приезда адвоката. Не мудрствуя лукаво, они надавали невежде тычков и затрецин, а потом макнули головой в отхожее место, после чего от него самого разило так, что впору святых выносить.

Забившись в угол и закрыв глаза, Николай раскачивался из стороны в сторону, как сомнамбула, и тихо бормотал себе что-то под нос. И хоть на теле не было видно следов избиения, но от этого боль не становилась меньше.

Хотя, что такое боль физическая в сравнении с душевной, заполнившей его изнутри? Моральные страдания подчас намного труднее вынести. Как смириться с гибелью своего неродившегося ребёнка?

Пусть не нарочно, но Николай был виновен в смерти Татьяны. Знай он о беременности, разве позволил бы ей упасть? Но сделанного не воротишь, как ни старайся.

— Ну, нельзя же так убиваться, Николенька. Не переживай, наш малыш непременно родится, но только после свадьбы. Всё должно быть, как положено, платье, кольцо, фата, а потом и ребёнок у нас будет, — успокаивала его покойница, появившаяся так же внезапно, как до этого голос в голове.

— Уйди, не хочу тебя видеть и слышать. Почему ты ничего мне не сказала?

— Чего уж теперь вспоминать, дорогой? Ты главное женись на мне и всё наладится.

— Сгинь, изыди, свадьбы не будет.

— Тогда и сына никакого не будет, это понятно?

Бормотания Николая постепенно переросли в завывания и Шнырь снова цыкнул на него. Он уже хотел призвать остальных повторить экзекуцию, но тут в камеру вошёл охранник. Адвокат Николая Богачёва наконец прибыл в СИЗО и желал переговорить с клиентом.

— Что здесь происходит?

— Сами не в курсах, начальник, воет без остановки. По ходу, фраерок ваш гонит гусей или беса.

— А почему от него так воняет?

— Говорю же, малахольный какой-то, видать так хочет на волю, что решил вылезти через клозет, насилиу выдернули его оттуда. Понял, что отсюда не сбежать, вот и воет.

Разговор с адвокатом тоже ни к чему не привёл. Задержанного привели в порядок и переодели, он сидел за столом, продолжая раскачиваться и бормотать себе что-то под нос, время от времени переходя на вой, зрелище было не для слабонервных.

— Господин Богачёв, с кем вы всё время разговариваете? — недоумевал адвокат, пытавшийся вытянуть из своего подопечного хоть что-то вразумительное.

Но в ответ на свои вопросы получал лишь бессвязный бред и сбивчивые сведения о покойнице с младенцем, которая требует обручальное кольцо и призывает Николая второго быть свидетелем на свадьбе.

— Кажется я понял, вы решили сыграть на дурачка? Ясно. Поняли, что иначе ответственности не избежать? Ну, полноте, мне-то вы можете рассказать обо всём без утайки. От адвоката, как и от священника, не принято ничего скрывать. Я уже успел ознакомиться с вашим делом. Нападение и попытка убийства это не шутки, боюсь, что вы увязли по уши. Так что, идея не так уж и плоха. Значит, будем бить на вашу невменяемость в момент нападения на родственницу и добиваться психиатрической экспертизы? Придётся немного полечиться, зато потом, через какое-то время, будете свободны. Это я вам гарантирую.

В голове Николая снова что-то перещёлкнуло и он уставился на адвоката, думая, что это и есть его альтер-эго. Соскочив с места, задержанный ринулся на стряпчего и сомкнул свои руки на его цыплячьей шее.

Преступник запросто убил бы своего адвоката, но охранник подоспел вовремя. Тут уж даже у Павла Афанасьевича не осталось никаких сомнений в невменяемости Николая Богачёва.

Глава 26 Новое препятствие

После неудавшейся попытки Николая убить Зинаиду, женщина стала своего рода местной знаменитостью. Мыслимое ли дело, в таком почтенном возрасте побывать в страшной переделке и остаться в живых?

Сама она не распространялась о своих злоключениях и старалась не афишировать, что побывала в лапах умалишённого родственника и чуть было не стала жертвой убийства.

Раньше она бы непременно живописала обо всём в ярких подробностях и обязательно сделала бы виноватой собственную племянницу, понося её на чём свет стоит. Но на этот раз предпочитала скромно отмалчиваться, будто и впрямь подменили бабёнку.

Меж тем, Зинаида и правда многое в своей жизни переосмыслила и решила начать жить по-новому, сиречь по-божески. Она была уверена в том, что вырвалась из лап смерти, лишь благодаря чудотворной силе молитвы. Господь услышал её и спас, послав на помощь Лукича.

Возможно, на ход событий мог каким-то образом повлиять обет молчания, сослужив добрую службу. Всё-таки, не зря Зинаида доверилась своему чутью и прислушалась к совету пожилого врача, оказавшимся довольно грамотным специалистом.

Она терпеливо выдержала ещё неделю молчания и только по истечении положенных 10 дней поехала в райцентровскую поликлинику на осмотр, чтобы узнать, всё ли в порядке с горлом и можно ли снова начать разговаривать?

Доктор, принимавший в больничном стационаре, был в отпуске и даже думать забыл, как о самой Зинаиде, так и о своих рекомендациях. Он бы очень удивился, узнав, что она приняла их всерьёз.

Женщину принял другой врач, он без труда прочёл каракули своего коллеги, в которых тот пояснял, что прописал нетрадиционный способ лечения, дабы добиться перевоспитания капризной пациентки. Эффект был налицо.

Она вела себя тихо и скромно и ничем не напоминала собой ту зловредную тётку, что грозила написать жалобу в Министерство здравоохранения. Доктор внимательно осмотрел пациентку, заглянул в широко открытый рот, померил давление, измерил пульс.

— Так, так, вижу, вы соблюдали все предписания, это хорошо. Горло в порядке, язык розовый, общее состояние тоже в норме. Ну что, вам можно смело прервать молчание, говорите свободно, не опасаясь рецидива.

— А ромашкой продолжать полоскать?

— При желании можете продолжать, вреда не будет, но, в то же время, не вижу особой в том необходимости.

— Даже как-то непривычно. Я уже привыкла всё время молчать.

— В этом нет ничего плохого. Не зря говорят, молчание — золото.

— Я могу идти?

— Да, конечно. Можете быть свободны.

— Спасибо, доктор. Вы и ваш коллега мне очень помогли.

— Да что я? Это всё наш кудесник, Иван Фёдорович.

— Я как раз сейчас собираюсь в церковь и непременно поставлю свечку и помолюсь за ваше и его здоровье.

— За моё не обязательно, а вот за Ивана сколько угодно, а то он чертяка не знает в какую сторону дверь в храм открывается.

Как и обещала, Зинаида в тот же день заказала молебен за здоровье Савелия Лукича и доктора, кроме того, причастилась и исповедовалась. Рассказала священнослужителю, как подавилась костью, и последующем обете молчания, а также поведала о том, как побывала в заложниках.

Батюшка внимательно выслушал, стараясь ничего не пропустить, потом прочитал в назидание длинную проповедь, в которой упомянул, что Господь любит заблудших чад своих. После этого отпустил все грехи и авторитетно изрёк:

— Продолжай молиться и соблюдай все посты, дочь моя. Разговаривай лишь по делу, не ропщи и не возводи напраслину на ближнего своего.

Домой в деревню Зинаида вернулась ещё более просветлённой и развила бурную деятельность по восстановлению полуразрушенной деревенской церкви, тем самым направив свою энергию в более правильное русло.

Но помимо дел духовных, мирское тоже не было ей чуждо. С некоторых пор при виде участкового она чувствовала непонятное томление в груди, которое сама именовала благодарностью за спасение.

С того самого дня Зина взяла над Лукичем своеобразное шефство. Она считала чуть ли не своим долгом обиходить его и накормить, памятуя о простой истине, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок.

Она без устали наготовливала различные яства, варила, жарила, пекла, и каждый день бегала к Лукичу домой. Тот уже не знал куда прятаться от удушающей заботы Зинаиды и при виде неё морщился, как от зубной боли.

Эта парочка стала в деревне наиболее обсуждаемой после Ильи и Фаины. Среди местных сплетников быстро разнеслись известия об отношениях двух влюблённых. Этому активно поспособствовала баба Шура.

От внимательного взгляда Александры Захаровны не укрылось, как они смотрели друг на друга, когда вместе приезжали в деревню. чтобы отдать следователю найденный телефон.

Наиболее догадливые сразу поняли, что это и есть тот самый Илья, от которого Фаина родила своего единственного сына. Односельчане с воодушевлением восприняли воссоединение мужчины и женщины.

Пусть спустя много лет, но справедливость всё-таки восторжествовала и добро победило. Деревенские жители большей частью незлобивы и бесхитростны, хоть и любят посудачить на досуге друг о друге.

Олицетворением вселенского зла, учитывая последнее преступление, для всех стал сын бывшего председателя сельсовета. Наконец все увидели его истинное лицо, много лет скрывавшееся под маской.

Пока решалась дальнейшая судьба Николая, томившегося в застенках следственного изолятора, Раиса к радости своей дочери медленно, но верно шла на поправку, пролежав в больнице почти две недели.

За это время Фаина успела снять в городе квартиру, куда собиралась привезти мать после выписки, хотя ничто больше не мешало вернуться домой. Но она была лишена меркантильности и не собиралась претендовать на имущество арестованного супруга.

А вот воспользоваться благоприятным моментом и развестись с ним, как говорится, сам Бог велел. Илья предложил пожениться и переехать в Москву, как только Раиса полностью выздоровеет и встанет на ноги.

Он приехал в больницу сразу же после ареста Николая и рассказал обо всём, что

случилось в деревне. Сказать, что Фая ужаснулась, значит не сказать ничего. Да и кто бы обрадовался такому известию?

Фаина не хотела, чтобы её и сына ассоциировали с этим чудовищем в человеческом обличье. Она собиралась принять предложение Ильи и уехать вместе с ним в Москву, но на пути к счастью возникло новое препятствие.

Камнем преткновения стала беременность. Фая сердцем чувствовала, что отцом ребёнка является Илья, а вот сам он далеко не был в этом уверен, в связи с чем не знал, что предпринять.

Предложить Фая избавиться от ребёнка и тем самым вызвать в свой адрес шквал негодования и бурю негативных эмоций? Или закрыть глаза на то, что возможно она забеременела от Николая? В конце концов, настоящий отец не тот, кто зачал, а тот, кто воспитал.

Глава 27 Радужные перспективы

В отличие от Ильи, пребывавшего в глубоких раздумьях относительно своего отцовства, Фая чувствовала себя так, словно обрела крылья, и была на седьмом небе от радости. Наступившая беременность стала для неё благословением свыше.

За долгие годы вынужденного брака с Николаем, она давно разуверилась в том, что тоже имеет право на любовь и счастье. Неожиданная встреча с Ильёй в берёзовой роще и последующие за этим события, опровергли все её сомнения.

Ну и что с того, что возраст уже приблизился к опасному рубежу, за которым маячит так называемая старость? Это всё полная ерунда. Как говорится в известном фильме, после 40 жизнь только начинается.

Это была вторая беременность Фаины, прерывать которую она не собиралась. Забеременеть и родить от любимого, что может быть прекраснее? Илья здорово упал бы в её глазах, если бы можно было прочесть его крамольные мысли.

Сама Фая ничуть не сомневалась, чей это ребёнок и была уверена в том, что малыш плод их любви, как и Дмитрий. После своего возвращения из армии старшему сыну предстояло узнать много новостей, он конечно будет сильно ошарашен.

Меж тем, отпуск Ильи подошёл к концу, ему нужно было срочно ехать в Москву, а Фаине предстояло заняться безотлагательными делами. В первую очередь развестись, потом уволиться с работы, собрать все необходимые вещи, как для себя, так и для матери.

Женщину не пугала предстоящая разлука с любимым, которая продлится совсем недолго, от силы месяц с небольшим. За это время Илья определится с жильём, познакомится с сослуживцами. Да и мать полностью окрепнет и будет готова к дальней дороге.

Раиса не сопротивлялась и во всём полагалась на дочь. Дом они решили пока не продавать, да и вряд ли за него дадут хорошую цену, немногие из вырвавшихся в город молодых людей были согласны вернуться назад в деревню.

Перед отъездом в Москву, Фая вместе с матерью собиралась съездить домой, чтобы определить по соседям оставшуюся живность, заколотить окна, запереть хату и попрощаться со всеми односельчанами.

Зинаида была не в курсе этих планов, да и не до этого ей было. Она планомерно наступала на бедного Лукича, ловко опутывая его своими сетями. К хорошему быстро привыкаешь, вот и он должен был привыкнуть к постоянной заботе и вниманию.

Женщина бабочкой порхала по деревне, испытывая давно забытые чувства. Она преследовала своего избранника дома и на работе, старалась обиходить и накормить мужчину от пуза, лелея мечты разбудить в нём ответные чувства.

Но сам Савелий Лукич не собирался ничего менять в своих отношениях с Зинаидой, тем не менее, стряпню её ел, да нахваливал. Чего добру пропадать? Если нравится бабе готовить, пушай себе тешится.

Он уже привык к тому, что в определённое время откроется дверь и на столе, словно на скатерти-самобранке, появится наваристый борщ, пирожки с разной начинкой, жареная утка или гусь.

— Лукич, айда обедать, у меня уже всё готово.

— Обожди, не видишь, я занят? — капризничал он для блезиру, глотая набежавшую

слюну.

— Вначале поешь, а потом будешь заниматься своими делами, — привычно настаивала стряпуха.

— Ладно, уговорила. Что там у тебя сегодня?

— Тушёная картошечка, пирожки с капусткой и компот, в нынешнем году урожай сливы был хороший, я много накрутила. Кушай, всё свежее, — Зина суетилась подле своего подопечного и млела от его похвалы.

Но не в коня корм, участковый по-прежнему оставался худым, как оглобля, хотя поглощал всё с видимым удовольствием. Чтобы не быть обязанным, он считал своим долгом давать деньги на продукты.

Зинаида от денег не отказывалась, памятуя, что ведение общего хозяйства ко многому обязывает, а там и до остального недалеко. Сердце женщины истосковалось по мужской ласке, но в этом плане Лукич был как скала. Не насиловать же его в самом деле?

— Спасибо за заботу, хозяйюшка. А теперь ступай себе с Богом, дела не ждут.

— Да я не буду мешать, обещаю, только посижу с тобой рядышком, пригляжу, может надо будет чего?

— Не надо, сказал ступай, значит ступай. Лучше в церковь сходи, там тебя ждут.

— А и правда, мне же проследить нужно, как там кирпич кладут, — спохватывалась набожная женщина.

С её подачи и благодаря усилиям равнодушных односельчан, в деревне вовсю шло восстановление храма. Зинаида пожертвовала на благое дело все свои накопления, не пожалев даже те деньги, что были отложены на смёртное.

Какой тут умирать, когда можно сказать только жизнь начинается? Как знать, может у них с Лукичем всё ещё сладится? Оба давно овдовели, детей не нажили, а вместе всё веселее век коротать.

Односельчане судачили об этой странной паре напропалую, многие склонялись к мысли, что после длительной осады, крепость, которую участковый выстроил для своей защиты, падёт, это лишь дело времени.

Пока Зинаида была занята своими сердечными делами, моля Купидона послать стрелу в холодное сердце Лукича, её близкие родственники занимались подготовкой к скорому отъезду.

Фаина и Илья всё обговорили. Он так и не решился озвучить вслух свои мысли по поводу ребёнка, а она была слишком счастлива, чтобы заметить неладное и опровергнуть все его сомнения.

Иначе непременно бы рассказала, что на момент их судьбоносной встречи, муж почти две недели недели не ночевал дома. Всё это время тот был занят интрижкой на стороне, поэтому не предъявлял свои права на тело жены, дав ей небольшую передышку.

Николай тратил все свои силы на любовницу, роман с Татьяной был в самом разгаре. Как знать, если бы не плачевный финал их истории, возможно он наконец стал бы счастливым отцом?

Но не случилось, не срослось, безумие вконец поглотило этого несчастного по сути мужчину, вставшего на преступный путь, ещё будучи в молодом возрасте. Возможно, всему виной было то, что Николай с детства привык получать желаемое и ни в чём не знал отказа.

Первое преступление он совершил против несовершеннолетней Фаины, но, благодаря её родителям, смог избежать наказания, женившись на своей жертве, которую продолжал

методично истязать после свадьбы, только уже на законных основаниях.

Долгие годы преступнику удавалось скрываться за лживой маской добропорядочного семьянина, пока всё не закончилось закономерным финалом. Он был пойман и препровождён в СИЗО для дальнейшего разбирательства.

К этому моменту Николай окончательно обезумел, доказательством послужило нападение на адвоката. На этом основании обвиняемому была назначена судебно-психиатрическая экспертиза, в ходе которой стало понятно, что длительное время он проведёт на принудительном лечении.

Одному Богу известно, сможет ли преступник вообще когда-нибудь вернуться к полноценной жизни? Судя по всему, с его психикой произошли необратимые процессы. Но это всё случится много позже, спустя какое-то время.

Самое главное, что Николай был больше не опасен для общества в целом и для своей жены в частности. Фаина наконец освободилась от гнёта мужа насильника, страх перед которым заставлял её терпеть долгие годы.

Но всему когда-нибудь приходит конец, так и власть Николая закончилась. Фая была опьянена сладким запахом свободы, витавшим в воздухе, и с нетерпением ждала перемен в своей личной жизни.

Любимый мужчина уехал в Москву на новое место службы, после чего для обоих потянулись дни томительного ожидания встречи. Перед отъездом Илья купил Фаине телефон, чтобы ежедневно с ней созваниваться.

Несмотря на все сомнения, он не собирался отказываться от своих планов. Вскоре, произошла судьбоносная встреча, которая расставила всё по местам и разложила по полочкам.

Глава 28 Место счастья

Человек всегда искренне удивляется, когда в его жизни, причём в наиболее подходящий для этого момент, вдруг происходят события, которые по логике вещей могли случиться где и когда угодно.

Часто бывает так, что некогда близкие друг другу люди, разлученные временем и обстоятельствами, живут в одном городе и даже не подозревают об этом. И наоборот, неожиданно встречаются за десятки тысяч километров от дома.

Можно сколько угодно всплескивать руками и восклицать, как тесен земной шарик, но это не опровергает того факта, что в этом мире нет ничего случайного и всему есть разумное объяснение.

Примерно так же было у Ильи и Дмитрия, знакомство которых состоялось в Москве при весьма неприятных обстоятельствах. Рано или поздно они должны были встретиться и это случилось ровно тогда, когда было нужно.

О существовании взрослого сына, Илья узнал не так давно, а сам Дмитрий ни о чём не догадывался. Ему оставалось служить чуть больше полугода, когда в их воинскую часть прислали нового командира.

О том, что мать и бабушка в скором времени собираются переезжать в Москву, парень уже знал, как и то, что отца посадили и, похоже, надолго. Правда сын не знал всех обстоятельств дела, Фая обещала посвятить его во все подробности по приезду.

Шла вторая неделя, как полковник Илья Валерьевич Григорьев приступил к своим обязанностям. Он ещё не успел познакомиться со всем личным составом вверенной ему воинской части, численность которой составляла больше 500 человек.

В тот день ему предстояло разбирательство с одним из солдат. Командир отделения, младший сержант срочной службы Дмитрий Николаевич Богачёв самовольно покинул пределы части и был арестован патрульной службой на железнодорожном вокзале.

Узнав имя и фамилию самовольщика, Илья сразу понял кто он такой, таких совпадений не бывает. Сердце сжалось в тревожном предчувствии, что возможно он не сможет ничем помочь.

Разговор состоялся с глазу на глаз. Парень и правда был похож на него внешне, да и упрямства ему тоже было не занимать. В ответ на расспросы, молча набычился, не желая называть причину самоволки.

Как стало известно много позже, всё было просто, до банальности. Дмитрий получил письмо от любимой девушки, из которого стало известно, что она выходит замуж. Больше года Настасья писала парню длинные послания, в которых заверяла, что любит его и ждёт.

Со временем письма стали приходиться всё реже, а потом переписка и вовсе прекратилась. Настя перестала навещать Фаину, ссылаясь то на занятость, то на трудности в учёбе или подготовку к экзаменам.

Парень сердцем чуял неладное и не зря. Сам он продолжал закидывать любимую письмами. Так продолжалось, пока он не узнал, что последние несколько месяцев Настя встречалась с другим, а потом забеременела.

Новый избранник не стал уваливать и предложил пожениться, а она дала своё согласие. А уже после решила окончательно порвать с прежним возлюбленным. Димка был настолько убит этим известием, что просто вышел за ворота воинской части и пошёл куда

глаза глядят.

И самое смешное, никто не чинил ему никаких препятствий. Дошёл аж до железнодорожного вокзала, всерьёз собираясь уехать домой, чтобы взглянуть в глаза той, кто предала его, не задумываясь. Неизвестно, чем бы всё закончилось, если бы не Илья.

В общем, всеми правдами и неправдами дело удалось замять и всё закончилось внутренним разбирательством, нарушителя посадили на гауптвахту. За неделю, проведённую под арестом, солдат успокоился, наконец вспомнив о матери.

Подумаешь, девушка не дождалась и что с того? Не стоит из-за этого пускать свою жизнь под откос. Новый командир конечно здорово помог Димке, а всё потому, что оказался земляком, а ещё был близко знаком с его мамой.

Вечером Илья позвонил Фаине и рассказал, что сын служит под его началом, но об обстоятельствах знакомства умолчал, чтобы не тревожить понапрасну. Кроме того, он упомянул, что так и не решился открыть Дмитрию глаза.

Да и как бы это выглядело? Нет, о таком деле нужно говорить, собравшись всем вместе, чтобы не было никаких недомолвок и недоговорённостей. И Фая с ним согласилась. А вскоре им предоставилась возможность встретиться и сесть за одним столом, правда повод был нерадостный.

С момента отъезда Ильи прошёл ровно месяц. За это время Фаина успела быстро и без проволочек развестись с Николаем. Тот находился в СИЗО и дожидался своей участи, поэтому не мог чинить никаких препятствий.

На имущество теперь уже бывшего мужа Фая не претендовала и после развода только один раз побывала в доме, где прошла большая часть её жизни, чтобы забрать свои личные вещи.

Они с матерью жили на съёмной квартире и довольствовались тем, что есть. Несмотря на критический возраст, беременность Фаины протекала без осложнений, токсикоз прошёл, едва начавшись.

Она отработывала положенные перед увольнением две недели, а после работы спешила домой, где её дожидалась мать. Дела у Раисы шли неплохо, пошатнувшееся здоровье восстанавливалось медленно, но верно. Во всяком случае, она уже могла самостоятельно передвигаться.

Единственно, женщина всё не находила себе места, переживая за свой дом, оставшийся без хозяйки, поэтому поторапливала дочь с поездкой в деревню. До намеченной даты переезда в Москву оставалось всего ничего.

Мать и дочь выбрали в деревню аккурат под Новый год, планируя встретить там праздник, а потом заняться сбором вещей. Но не зря говорят, что человек предполагает, а Бог располагает.

Раиса умерла утром 31 декабря, просто не проснулась и всё, хотя с вечера чувствовала себя прекрасно. Фаина встала рано и ходила по дому на цыпочках, стараясь не разбудить мать, она была уверена, что та всё ещё спит, и забеспокоилась только через час.

— Мамуль, просыпайся, доброе утро. Что-то ты у меня заспалась, вставай, у нас много дел, завтрак уже на столе. Потом я наряжу ёлку и будем резать салаты.

Но ответом была тишина и до Фаи наконец дошло, что случилось. Она взяла мать за руку, ладонь была холодной, смерть наступила где-то под утро, едва забрезжил рассвет. Бесполезно пытаться её разбудить, не поможет. Мама сейчас там, где и отец.

Слёзы душили Фаину и бежали по лицу ручьём. Она подошла к окну и распахнула

занавески, впуская в комнату лучи зимнего солнца. Блики упали на закрытые глаза матери, освещая морщинистое лицо, на котором застыла улыбка.

Тем самым Раиса как бы давала понять, что всё в порядке, она завершила свой жизненный путь так, как того желает каждый — умерла дома, в своей постели, окружённая теплом и заботой любимой дочери.

Каждый человек перед смертью стремится очутиться в родных стенах, среди привычных и милых сердцу вещей, которые напоминают о том или ином событии.

Женщина наконец встретилась со своим мужем, которого всегда любила, несмотря ни на что. Если бы Фая могла заглянуть туда, куда живым нет доступа, она бы увидела первое свидание своих родителей, которое повторилось снова, спустя много лет.

Рая после смерти снова очутилась в том месте, где была по-настоящему счастлива. Вокруг царило вечное лето, на широком безбрежном поле, полном разноцветных цветов, встретились двое, он и она.

На молодой девушке было яркое платье, распущенные русые волосы украшал веночек из васильков и ромашек. Напротив неё стоял высокий ладный юноша с карими миндалевидными глазами и тёмными волосами. Влюблённые застыли, замороженно глядя друг на друга.

— Ты пришла, любимая, а я тебя уже заждался, — шептал жене на ушко улыбающийся Андрей.

— Конечно пришла, я очень хотела снова тебя увидеть, муж мой, — отвечала счастливая Раиса.

— Мы больше никогда не расстанемся. Какая же ты у меня красивая, Раечка. Мне столько нужно тебе сказать, попросить за всё прощения. Я всегда любил тебя одну, ты самое лучшее, что у меня было...

— Тсс, я знаю, Андрюша. Как хорошо, что мы снова вместе. Как здесь красиво, совсем, как тогда, когда мы впервые встретились, помнишь?

— Я всё помню, моя хорошая. Пойдём, нам пора, — Андрей взял жену за руку, собираясь повести за собой.

— А как же наши дети? Мы их когда-нибудь увидим?

— Непременно увидим, но это случится нескоро.

— Но я не могу оставить Фаю. Как она будет одна без меня? — Раиса вдруг резко очнулась, вспомнив о дочери.

— Не переживай, отпусти, у Фаины всё будет хорошо. Ты мне веришь?

— Конечно верю.

— Тогда пошли.

Держась за руки, двое влюблённых шли навстречу яркому солнцу. После долгого перерыва муж и жена вновь обрели друг друга и снова стали единым целым. У них была вечность для того, чтобы наговориться вдоволь и простить друг другу все обиды.

Вместо встречи Нового года, Фае предстояли похороны и поминки. Она вдруг поняла, почему мать не сопротивлялась переезду. Видимо предчувствовала, что скоро умрёт, поэтому и настаивала на поездке в деревню.

Смириться со смертью близкого человека всегда непросто, в любом возрасте мы нуждаемся в своих родителях и с их кончиной перестаём быть детьми. Несмотря на боль, Фаина взяла себя в руки, чувствуя свою ответственность за то, чтобы достойно проводить мать в последний путь.

Внутри Фаи зрела новая жизнь, а значит необходимо продолжать жить дальше. Она оповестила о смерти матери ближайших соседей, остальное сделало сарафанное радио. Зинаида прибежала, как только узнала, и с порога заголосила, оплакивая сноху.

— Ой, сношенькааа, да что же это деетсааа? На кого ты нас покинулааа? Встань, пробудись, открой свои глазонькиии. Прости ты меня грешнуюуу.

Одновременно успевала спрашивать, как всё произошло. Фая старалась не реагировать на спектакль и сухо отвечала на вопросы. Она уже поплакала над телом матери и усилием воли высушила слёзы, чтобы заняться предстоящими хлопотами.

— Ни о чём не беспокойся, Фаечка, я сама позову старух на обмывание и отпевание тела, — тётка суетилась вокруг племянницы, норовя утешить.

— Ты поплачь, милая, легче станет. Когда хоронить будем? Ты уже позвонила Дмитрию, он приедет?

— Нет ещё, позвоню попозже. Хотя, не думаю, что его отпустят, он же уже был в отпуске.

Но Илья обо всём позаботился, на похороны они приехали вместе. Дмитрий был ошарашен скоропостижной смертью бабушки и воспринял факт того, что командир поехал вместе с ним, как само собой разумеющийся.

Надо отдать должное, остальные дети Раисы тоже сочли своим долгом проводить мать в последний путь. Впервые за долгое время родные братья и сёстры собрались все вместе в родительском доме.

Глава 29 Давно открывшаяся правда

В деревню Илья и Дмитрий прибыли на машине, так было гораздо быстрее. Их совместный приезд не остался незамеченным для сторонних наблюдателей. С подачи Зинаиды ни для кого больше не было секретом, что своего сына Фаина родила не от мужа.

Теперь все могли убедиться в этом воочию. Сходство отца и сына было поразительным, особенно, когда они находились рядом. Это конечно же вызвало перешёптывания за их спинами.

Похороны Раисы состоялись на третий день Нового года и отодвинули все сплетни и пересуды на задний план. Односельчане уважали женщину и многие сочли своим долгом прийти попрощаться и почтить её память.

Несмотря на январскую стужу, за гробом шла длинная вереница из пришедших проводить покойную в последний путь. Возглавляли траурную процессию дети Раисы, съехавшиеся из разных городов. Несмотря на дальность расстояния, все успели приехать к выносу тела.

Обычно, горе сближает родных людей, но в этом случае всё получилось наоборот. Смерть матери ещё больше разобщила братьев и сестёр. У каждого были свои причины на то, чтобы обижаться на мать ещё при её жизни.

Ночь прошла относительно спокойно, места хватило всем. Женщины спали в кроватях, а мужики расположились кто на диване, кто на печи. Илье и Дмитрию Фая постелила на полу.

На следующий после похорон и поминок день зашёл разговор о продаже дома. Хотя, никто не бедствовал и у всех было своё жильё, но каждый хотел урвать свою часть наследства, даже не задумываясь, что за крепкий, но больше ничем не примечательный домишко, не дадут хорошую цену.

На подворье у матери не было никакой живности, кроме десятка кур и одного петуха, больших накоплений она тоже не оставила. Всё наследство составляли дом, старая мебель и кухонная утварь.

Даже если и найдутся желающие приобрести всё скопом, вырученная от продажи сумма будет ничтожной, а если разделить эти деньги на шестерых, доля каждого и вовсе окажется смехотворной.

Фаина настаивала на том, чтобы сохранить родительский дом, где они могли бы собираться все вместе раз в году для проведения ритуальных мероприятий по отцу и матери. Но никто не поддержал её порыв.

— Не собираюсь я приезжать сюда каждый год, ещё чего, делать мне что ли нечего? Это ты тут живёшь под боком, а для нас не ближний свет.

— Правильно Люська говорит. Ты Файка всегда у нас была блаженной, оттого тебе и кажется, что ехать в деревню за тысячу километров, это как за хлебушком сходить, — высказалась Зоя, самая младшая сестра.

Братья тоже были за то, чтобы продать дом сразу же после вступления в наследство. Перед отъездом они получили от своих жён чёткую инструкцию, как себя вести, что делать и говорить.

— Чего зря воздух сотрясать? Продать избу и делу конец, мне лично деньги точно не помешают, — вступил в разговор Иван, самый старший из братьев.

— Деньги никому не помешают.

— А делить как будем, поровну или по совести? — спросил Михаил, зло прищурившись.

— Поровну конечно, это и будет по совести, — отозвалась Людмила.

— Э, нет. Я здесь больше всех горбатился, пока отцу помогал делать пристрой. Ванька в это время был в армии, а от Лёньки никакой пользы не было, он всё время отлынивал, да по танцулькам бегал, пока я вот этими руками раствор месил и брёвна с кирпичами таскал.

— Тебя послушать, Мишаня, так весь дом надо на тебя переписать. Девчонки тоже ничего не строили, значит и им, по-твоему, ничего не давать?

— Я так не сказал, но, только если рассудить по совести, мне полагается большая часть.

— Ага, как же, держи карман шире.

— Как вам не стыдно? Опомнитесь, вы же родные друг другу люди. Бабушку только вчера похоронили, а вы ведёте себя, как последние дегенераты, торгуя памятью матери. Вы что, последний кусок хлеба доедаете? — воскликнул Дмитрий, поразившись тому, что происходит.

— Тебя, Митька, не спросили, не дорос ещё старших учить.

Димка был зол, но не стал нагнетать и без того раскаленную до предела атмосферу. Он выскочил из дома, чтобы пройтись и охолониться немного. В это время в общий разговор вмешался Илья.

— Так, всё, хватит собачиться. Не переживай, Фая, я куплю этот дом для тебя, вернее выплачу твоим братьям и сёстрам их доли и родительский дом будет полностью твоим.

— А ты кто таков будешь, чтобы распоряжаешься чужим имуществом? А может я не хочу, чтобы Файка тут всем заправляла? — пьяно осклабился Леонид, он с вечера перебрал с алкоголем и с утра уже успел опохмелиться.

— Илья мой будущий муж и потому он здесь. Нравится это тебе или нет, но он практически твой родственник.

— Ишь ты, муж объелся груш. Наша Файка в женихах, как в сору роется. Сбагрила старого мужа на нары и снова замуж собралась. Ох и пряткая у нас сестрица, только с виду тихоня.

— Ещё слово скажешь против Фаины и я дам тебе в морду, усёк?

— Тихо, мужики, не надо ругаться. Ты, Лёнька, дурак или как? Пусть покупает дом, если ему так хочется. Какая тебе разница кому он достанется? Главное, что проблема решена и покупателя искать не нужно. Договорились, Илья, мы согласны, — вовремя вмешалась в конфликт Зойка.

— А сколько дашь? Мы задарма этот дом не отдадим. Если что, и другие желающие найдутся.

— Ой, ребята, да о чём вы говорите, какие в деревне желающие? Вон Антиповна третий год свою хату продаёт, согласна уже за копейки отдать, да всё бесполезно. Сама живёт в районе у старшей дочери, а дом так и стоит, — подала голос тётка Зинаида, бесшумно выросшая на пороге.

— Вы чего это Димку на мороз вытолкали? Ходит там без шапки, враз ведь застынет парнишка.

— Явилась, коза драная. Тебе чего надо? Лезешь со своим пятакон, куда не просят. Это мать тебе в рот заглядывала, а мы не собираемся. Вчера ещё хотел прогнать тебя взащей, да не стал устраивать сыр-бор из-за поминок. Вали отсюда на хрен, — продолжал барагозить хмельной Лёнька.

— Побойся Бога, Леонид. Я ваша тётка, забыл?

— Хотели бы забыть, да не получается. Помним сколько из-за тебя мать слёз пролила. Уходи подобра-поздорову, пока я сам тебя не выкинул, — добавил Михаил.

— Бог с вами, племяннички. Сама уйду, не переживайте. Я не держу на вас зла, поэтому прощаю всех. Господь он всё видит.

— Всё да не всё, иначе давно бы тебя наказал. Прощает она, как же. Да только мы тебя не прощаем, поняла?

За тётку никто не вступился и она выскочила из дома, закусив губу, а дискуссия продолжилась. В итоге, сошлись на том, что когда придёт время вступать в наследство, все откажутся от своей доли в пользу Фаи, но, разумеется, не бесплатно.

Сошлись на 60 тысячах, что по те временам было не так уж мало. Каждому из пятерых достанется по 10 тысяч рублей. На этом конфликт был исчерпан. Братья и сёстры Фаины стали собираться в дорогу, решив через полгода встретиться ещё раз... На 9 дней никто из них не остался.

Когда все разъехались, Фая испытала облегчение, им с Ильёй предстоял трудный разговор с сыном. Откладывать дольше было нельзя, иначе найдётся какой-нибудь доброжелатель, что захочет открыть парню глаза, разумеется от чистого сердца и из добрых побуждений.

Она рассказала всё, как было, без утайки, даже об угрозах мужа в случае развода убить Димку, сын молча слушал, сжав кулаки. Хорошо, что Николая закрыли, иначе он удавил бы его собственными руками за то, что тот сотворил в своё время.

То, почему Илья отступил и не стал бороться за любимую девушку, тоже было понятно, учитывая, что Фая сама его оттолкнула, боясь нешуточных угроз насильника.

Одно было неясно, как бабушка и дедушка могли так поступить с собственной дочерью? Это же уму непостижимо, взять и выдать дочь замуж за насильника. Неужто только для того, чтобы избежать позора?

Несмотря на опасения, Дмитрий всё воспринял правильно. Оказалось, он уже знал, что неродной отцу. Это случилось, когда парень приехал из армии в отпуск. Он невольно подслушал, как Николай в очередной раз выговаривал жене за то, что в доме посторонние люди.

Димка пригласил в дом друзей и сидел с ними в своей комнате. Все громко разговаривали и слушали музыку. Он пошёл на кухню ставить чайник, вышел в коридор и услышал голоса ссорящихся родителей.

— Ответь, Фая, что здесь вообще происходит? Значит, пока я был в командировке, ты решила устроить сабантуй, даже не посоветовавшись со мной?

— А где я должна была тебя искать, если ты пропал на 3 недели и на звонки не отвечал? Что страшного в том, что к Димке пришли друзья? Сын приехал в отпуск, а тебе и дела до этого нет. Между прочим, он уже завтра уезжает.

— Скатертью дорога. И вообще, почему мне должно быть до него дело? В конце концов, это твой сын, а не мой. Вот когда родишь от меня, тогда и предъявляй претензии. Я может потому и гуляю, что ты нос от меня воротишь?

— Не дождёшься. Пусть тебе твои любовницы рожают.

Димка хотел войти и вмешаться, но в это время из комнаты выбежала Настя и со смехом подлетела к нему, повиснув на руке. Пришлось сделать вид, что ничего не слышал, он с девушкой вышел на кухню, а Николай тут же сменил тему. Но перед отъездом они всё же успели поговорить.

— Обидишь мать, закопаю, понял?

— Ты как с отцом разговариваешь, гадёныш?

— Да какой ты мне отец? Я сам вчера слышал, как ты назвал меня ублюдком. Так что, теперь я в курсе, что ты мне никто. По крайней мере, теперь понятно твоё поведение. А я ещё думал, что со мной не так?

— Нехорошо подслушивать. Ты всё не правильно понял, мог бы зайти и спросить, я бы всё объяснил.

— Ничего уже не надо объяснять, я не дурак. Так что не стоит водить меня за нос. Лучше следи за своими выражениями, когда обращаешься к моей матери, понял? Не дай тебе Бог, обидеть её.

Знал бы Димка всю правду, ещё неизвестно чем бы всё закончилось. В это время виновнику всех бед Фаины совсем было худо, поскольку дожидаться экспертизы ему пришлось в общей камере.

Побывав головой в параше, Николай считался опущенным. Сокамерники то и дело шпыняли его. Но безумцу было уже всё равно. Его одолевали внутренние демоны, что было гораздо хуже.

Глава 30 Роли поменялись

На 9 дней в доме Раисы собрались все, кто хотел отдать дань уважения и помянуть её. Люди шли с утра и до позднего вечера. Зинаида пришла вместе с богомольными старушками, помогавшими мыть и обрядить покойницу.

Тётка конечно опасалась, что племянница её прогонит, но та вовсе не собиралась этого делать и она осталась, развив бурную деятельность. Зина чувствовала свою полезность и была очень этому рада.

После того, как прошли поминки по матери, Фаина стала собираться в дорогу. Так распорядился Илья, взяв на себя все функции главы семьи. Он беспокоился за состояние беременной женщины.

— Нам с Дмитрием пора возвращаться в часть и ты поедешь с нами. Я не оставлю тебя здесь одну, даже не проси.

— Но до 40 дней за домом нужно присматривать, Илюша. Так положено, понимаешь? Кто, если не я?

— Даже слышать ничего об этом не хочу. Если тебя беспокоит только это, давай договоримся с твоей тёткой, пусть приглядывает за всем и ночует здесь, надо будет, я ей заплачу столько, сколько скажет.

— А если заартачится? Тётка Зина очень упрямая, коли что не по ней.

— Ну, хочешь, я сам с ней поговорю? Она ко мне прислушается, в конце концов, я ей жизнь спас.

— Может ты и прав, поговори, авось и правда согласится?

К удивлению племянницы, Зинаида не отказалась от просьбы Ильи и даже отказалась от предложенных денег. Тётка обещала ночевать в доме вплоть до 40 дней, благодаря чему, в Москву они отправились все вместе.

И пусть Димка пока относился к Илье, лишь как к своему командиру, но, по крайней мере, он смог понять и принять их отношения с матерью. Тот день, когда Фая рассказала обо всём, что случилось много лет назад, стал переломным.

Илье, как и Дмитрию, открылась вся правда, которую он знал лишь поверхностно. Будничным голосом Фаина раскрыла всю подноготную своей нелёгкой семейной жизни, где каждый прожитый день был похож на другой, а ночи были наполнены отчаянием.

Все годы она старательно скрывала правду, боясь за жизнь и здоровье своего единственного ребёнка. Собственно, только ради него и терпела постылого супруга, иначе давно бы покончила со всей своей никчёмной жизнью.

Илья слушал откровения любимой женщины и поражался её стойкости и терпению. Фая вынесла все невзгоды и не только не сломалась под гнётом обстоятельств, но и сумела воспитать сына достойным человеком. Это говорило о многом.

Она сумела уберечь Димку от дурного влияния мужа. Тот хоть и грозился испортить мальчишке жизнь и даже обещался в случае развода убить его или покалечить, но дальше угроз дело не дошло. А всё потому, что Фаина так и не решилась уйти.

Неизвестно, чем бы всё закончилось, посмей она это сделать. Муж старался не отпускать от себя Фаю ни на минуту, не давая спокойно дышать. На людях он изображал заботливого семьянина, а на деле вёл себя, как вампир, питаясь энергетикой жены.

Всё могло сложиться по-другому, если бы не маниакальная одержимость Николая юной

девушкой и насильственные действия с его стороны. Преступник не только остался безнаказанным, но и женился на своей жертве, с попустительства её родителей

План взрослого состоявшегося мужчины сработал и это разлучило Илью и Фаину на долгие годы. Сколько времени было безвозвратно утеряно по вине дьявола в человеческом облике, коим был Николай Богачёв?

Он воспользовался неопытностью Фаины и её и незнанием жизни, просчитав всё наперёд, но в итоге сам же себя наказал, много лет прожив бок о бок с женщиной, которая одновременно боялась его и ненавидела.

Как известно, насильно мил не будешь, невозможно заставить полюбить себя против воли. Любят не за что-то и не благодаря чему-то, а иной раз вопреки всему и вся, часто идя наперекор людям и обстоятельствам.

Жаль, что Илье в его молодые годы не хватило ума понять, что всё не так, как кажется на первый взгляд. Взглянув на ситуацию с высоты прожитых лет, он очень жалел об упущенных возможностях, и в первую очередь о том, что не смог защитить свою любовь.

Но никогда не поздно начать всё сначала. Судьба снова свела их вместе, предоставив ещё один шанс, которым просто нужно воспользоваться и взять от жизни всё. Илье стало стыдно за свои невольные сомнения, которые он испытал, узнав о беременности любимой.

Хорошо хоть не озвучил их вслух, иначе снова потерял бы свою Фаину, только на этот раз уже навсегда. Она не из тех, кто будет изворачиваться и притворяться ради своей выгоды, поскольку просто не способна лгать.

Фая была благодарна Илье за то, что тот принял решение выкупить дом у остальных претендентов, с тем, чтобы они отказались от наследства в её пользу. Это поступок настоящего мужчины, который на всё готов ради любимой женщины.

Они обязательно будут приезжать в деревню всей семьёй, хотя бы раз в год, чтобы навестить родительский дом, сходить на кладбище и провести поминки. Как знать, может со временем братья и сёстры одумаются и тоже захотят приехать?

Человеку важно сохранять память о своём прошлом, пусть даже не всегда безоблачном. Что толку винить других в своих неудачах? От этого всё равно ничего не изменится. Фая не держала обиды на мать, которая, боясь сплетен, поспособствовала её несчастливому замужеству.

Со временем Раиса поняла, что натворила, но была бессильна что либо исправить, поэтому предпочитала делать вид, что всё в порядке. Уж так она была воспитана своими родителями, чётко усвоив, что нужно всегда жить пристойно, избегая скандалов и пересудов.

Женщина родила семерых детей, младший помер во младенчестве, а остальные шестеро выросли, выучились и вылетели из гнезда, построив свои семьи. Из них только средняя дочь никогда не забывала о ней, всегда приезжала и помогала, чем могла.

Именно Фаина провела с матерью последние дни её жизни. Зинаида втайне завидовала Раисе, поскольку очень бы хотела иметь такую дочь, но Бог так и не дал ей почувствовать радость материнства.

Может поэтому она и вымещала всю свою злость на снохе, не давая той ни дня передышки? Когда же Рая умерла, золовка враз осиротела, она ещё не раз пожалеет о своём поведении, да только прошлое не вернёшь, поздно локти кусать.

Тем не менее, Зинаида действительно изменилась и эти удивительные метаморфозы были очень заметны окружающим. Раньше она жила только для себя, а после известных событий, стала помогать людям.

Деревенский участковый смог сполна ощутить это на себе. На самом деле, он только делал вид, что чрезмерная, даже можно сказать удушающая забота женщины его раздражает.

На деле Лукич успел по-своему к ней привязаться, но сам понял это только спустя время. Это случилось ранней весной, когда в одно не слишком прекрасное утро Зинаида не пришла к нему с сумками полными различной снеди.

Мужчина всерьёз забеспокоился, когда она не явилась и к обеду. Казалось бы, радуйся, но нет. Отбросив все сомнения, Савелий поддался сиюминутному порыву и отправился навестить женщину.

На стук в дверь никто не отозвался и он вошёл в незапертую дверь. Дом был нетопленным, зная хозяйка в отъезде, раз печь стоит холодная. Лукич уже хотел уйти, но тут услышал громкий кашель, доносившийся из спальни.

Оказалось, что Зинаида промочила ноги, когда возвращалась домой с родника, откуда брала воду, считая её целебной. Всю ночь она была объята жаром и наутро была не в силах встать с постели, но, увидев Лукича, тут же вскочила.

— Добрый день, хозяйка. С тобой всё в порядке? Гляжу, не приходишь.

— Привет, Лукич. Прости, прихворнула чуток, ты уж извиняй за беспорядок. Сейчас, погоди, я чайник поставлю, да блинов тебе напеку, ты наверное проголодался, — просипела она простуженным голосом, с любовью глядя на своего избранника.

— Отставить, я сам справлюсь, отдыхай.

— Давай я хоть тебе покажу, где у меня что лежит.

— Разберусь, не волнуйся. Ты поди и сама ещё ничего не ела?

— Да у меня и аппетита нет, только таблетки всё глотаю. Но вот от чая горячего я бы не отказалась.

— Всё с тобой ясно, лежи, не вставай. Сейчас я тебе супчика куриного сварю.

— А разве ты умеешь готовить, Савелий?

— Конечно умею, что здесь сложного? Ты просто мало ещё обо мне знаешь.

— Ничего, Савушка, жизнь длинная, успею ещё.

— Конечно успеешь, ты только поправляйся давай. Я пожалуй останусь, буду ухаживать за тобой, пока не оклемаешься.

Он натопил печь, сготовил полноценный обед и даже перемыл всю посуду. Счастливая Зинаида лежала на кровати, прислушиваясь к звукам, доносящимся из кухни, и млела от радости.

Вот так поменялись их роли, теперь уже Лукич заботился о женщине. Ему удалось её выходить и довольно быстро поставить на ноги. А всё потому, что любовь поистине творит чудеса и помогает людям обрести своё счастье, даже иной раз против их воли.

Глава 31 И снова ржавый гвоздь (Эпилог)

По приезду в столицу, Илья и Фаина поженились. Они не стали устраивать пышную свадьбу, а просто подали заявление и зарегистрировали свой брак. Невеста пребывала в трауре, но из-за её беременности откладывать церемонию было просто нельзя.

Жить супругам на первых порах предстояло в съёмном жилье, а чуть позже новоиспечённой семье выделили от гарнизона отдельную квартиру. Илья вместе с сыном сделали ремонт и оборудовали детскую комнату, в которой всё было выдержано в розовой цветовой гамме.

УЗИ показало, что родится девочка и все с большим нетерпением ждали её появления на свет. Фаина наслаждалась каждым прожитым днём, с головой окунувшись в новую жизнь, что разительно отличалась от прежней.

Никто не довлел над ней, не поучал и не указывал, как это с самого начала делал Николай, стараясь полностью подчинить себе юную супругу. Освободившись от него, Фая наконец вздохнула спокойно.

Она старалась не вспоминать о плохом и дорожила настоящим, с надеждой всматриваясь в будущее. Илья окружил жену заботой и вниманием, выполнял любую прихоть и порой надыхаться на неё не мог.

Любящие супруги выстрадали своё позднее счастье, которое на какое-то время сбилось с курса и заплутало, но потом всё же сумело выйти к ним окольными путями. Оба были твёрдо убеждены, что больше никогда не расстанутся, ожидая от совместной жизни только хорошее.

Фая радовалась, глядя на то, как с каждым днём крепнут отношения отца и сына, они становились друг для друга всё ближе и роднее. Дмитрий всегда нуждался в отцовской поддержке и добром напутствии, но Николай всё время относился к нему, как к пустому месту.

Будучи ребёнком, Димка искренне недоумевал, гадая, в чём кроется причина такого отношения, понимание пришло много позже. Поэтому он и не воспринял близко к сердцу арест, а потом и смерть так называемого отца.

Новости о том, что Николай добровольно свёл счёты с жизнью, пришли неожиданно. Это случилось, когда Дмитрий, отслужив до конца положенный срок, захотел по примеру настоящего отца, связать свою дальнейшую жизнь с армией.

Он собирался подать документы в военное училище, но перед этим решил выправить новый паспорт, сменив фамилию и отчество, поскольку не желал, чтобы его ассоциировали с Николаем Богачёвым.

Димка не отступился от своего решения, даже когда узнал, что стал главным претендентом на наследство. Он не стал изменять своим принципам ради денег. В итоге, всё имущество Николая, включая квартиру, машину и счёт в банке, досталось его матери.

Она хоть и была дамой в возрасте, тем не менее, жила на всю катушку в своё полное удовольствие. По крайней мере, умирать в ближайшее время точно не собиралась. В смерти сына женщина конечно же винила Фаину, забывая о том, сколько бед тот натворил.

Покончив собой, Николай не боялся попасть в ад, поскольку пребывал там с тех пор, как оказался разоблачён и посажен под арест. От некогда важного, представительного чиновника, мнящего себя всесильным, давно уже ничего не осталось.

Он резко постарел, опустился и стал выглядеть неряшливо, нимало не заботясь о своей личной гигиене. Кроме того, продолжал разговаривать с невидимыми собеседниками, произнося в их адрес страшные ругательства и угрозы.

Вследствие этого, даже бывалые урки стали опасаться неадекватного сокамерника. Мало ли, что могло взбрести тому в голову? Дуракам, как известно, закон не писан.

От тычков и затрещин тот забивался в угол и сидел там, продолжая тихо бормотать себе что-то под нос. Когда наконец состоялась психиатрическая экспертиза, все облегчённо выдохнули.

После того, как Николая Богачёва признали невменяемым, ему предстояло провести длительное время в психиатрической лечебнице и подвергнуться курсу принудительного лечения, методы которого хоть и далеки от совершенства, но всё же очень действенны.

Николай почти полностью ушёл в себя и лишь изредка выходил из сумрака. Это не было спасительное забытье, о котором в его ситуации приходилось только мечтать.

По ту сторону безумца ждала совсем другая жизнь, много хуже реальной, которая бесспорно тоже ужасала, но всё же не настолько. Не зря говорят, что для человека нет страшнее наказания, чем сумасшествие, даже смерть гораздо предпочтительнее.

Психушка мало чем отличается от тюрьмы, разница состоит лишь в том, что сокамерников заменяют соседи по палате, а вместо охранников там орудуют крепкие санитары, любящие изгаляться над пациентами наиболее изощёнными способами.

Но Николаю не удалось сравнить, где лучше или хуже. В один из дней просветления, случавшихся всё реже и реже, он покончил со своим жалким существованием, выбрав смерть, как единственно возможное спасение.

По иронии судьбы, оружием послужил ржавый гвоздь, найденный под шконкой, куда Николай часто забивался, ища убежища от издевательств сокамерников. Именно им он вскрыл себе вены, потеряв много крови.

Тьма окончательно поглотила преступника, увлекая за собой в страшную бездну, откуда точно никогда не выбраться, поскольку самоубийство во все времена считается тяжким грехом. Вот так бесславно закончилась жизнь Николая Богачёва.

Да воздастся каждому по делам и заслугам его. Как говорится, что посеешь, то и пожнёшь. На этом можно было бы закончить эту историю, но всё же, хочется сделать это на высокой ноте, на чём-то более позитивном и радостном.

Со временем Дмитрию, сыну Фаины и Ильи, удалось воплотить в жизнь все свои мечты. Первое, он поступил в военное училище и стал офицером, а второе, встретил Ксению, ставшую женой и любовью всей его жизни.

Ради Димки девушка бросит карьеру артистки и уедет из столицы, променяв всё это на сомнительную перспективу мотаться за ним по гарнизонам. Причём, сама она отнюдь не считала себя жертвой, а наоборот была очень счастлива в браке.

В будущем Ксения подарит своему мужу трёх сыновей, но это всё случится много позже. А пока расскажу о родителях Дмитрия, на которых он будет равняться, когда создаст свою семью.

В положенный срок Фаина родила дочь Вареньку. Малышка получилась на загляденье, она смотрела на этот мир распахнутыми голубыми глазами, совсем, как у отца и брата. На момент рождения дочери Илья забыл о своих сомнениях, а если бы таковые остались, то тотчас бы развеялись.

Девочка была его точной копией. Говорят, что это к счастью, но так это или нет,

покажет жизнь. В конце концов, многое зависит от самого человека, его мироощущения и мировоззрения. Определение счастья, как и его мерил, у каждого свои.

Никто не застрахован от ошибок, исправлять которые никогда не поздно, было бы желание и возможность. Лишь бы эти ошибки не были роковыми, как в случае с главным злодеем повествования, вся жизнь которого была сплошной ошибкой. Для Фаины страница перевернута, теперь у неё совсем другая жизнь, её позднее счастье, которое она заслужила в полной мере и полном объёме.

Больше книг на сайте - Knigoed.net